

Татяна Серганова

Настоящие, или У страсти на поводу

Глава Первая. Встреча

— Ты не спешил ко мне, Змей, — произнесла эффектная блондинка, прижимая шелковую простыню винного цвета к пышной груди.

За окном был ранний вечер. Жаркое июньское солнце сжалилось над жителями столицы и перестало палить, уступив место долгожданной прохладе. В небольшом саду пели птицы и удушающе пахло розами. И не только в саду. Весь дом словно пропах этими цветами.

Маркиза Армель Констанци обожала розы и её поклонники, надеясь получить благосклонность фаворитки правящего герцога Марлоу, заваливали её особняк на Доусон-роу огромными букетами. Все, кроме одного.

— Я же просил меня так не называть, — сухо ответил мужчина, продолжая застёгивать крохотные пуговицы на белоснежной рубашке.

Этот мужчина никогда ничего ей не дарил, не посвящал стихи, не говорил комплименты. Он просто приходил и брал. И это равнодушие сводило Армель с ума.

Молодая женщина была красива, некоторые даже называли совершенной. Невысокого роста, но с потрясающей фигурой: тонкая талия, округлые бёдра и пышная, притягивающая взгляды, грудь. А ещё женщина была умна и весьма проницательна. Её внимания добивались, её уважали и даже боялись. Будучи, ко всему прочему, ещё очень злопамятной, леди Констанци могла запросто известить соперницу, на корню уничтожив репутацию несчастной.

— Как будто не знаешь, что именно так тебя все называют за глаза, — совершенно не смущаясь, продолжила молодая женщина, с довольным видом оглядывая его высокую поджарую фигуру. В глубине светло-карих глаз сияла тоска, которую она старательно прятала за яркой улыбкой. — Мужчины — за хладнокровие и решительность, женщины — за гипнотический взгляд, — её голос упал до шёпота. Маркиза в совершенстве владела своим голосом и сейчас он звучал томно и многообещающе. — Тебе отлично известно, как влияешь на нас, граф Элкиз.

Леонард Торнтон бросил на любовницу равнодушный взгляд сквозь чёлку и легким движением убрал волосы назад. После чего продолжил одеваться.

— Ты же отлично знаешь, что мне плевать на чужое мнение.

Это тоже притягивало. Никто из её знакомых никогда не был так равнодушен к своей репутации. Её берегли, холили и лелеяли.

Они были любовниками уже несколько месяцев. Встречались каждый раз, когда мужчина приезжал в Сангориа по делам, и всегда только по её инициативе.

С самого начала Элкиз дал понять, что если Армель хочет его, она должна сама сделать шаг. Для молодой женщины это был шок. Это ведь её всегда добивались, начиная с маркиза Констанци, женой которого она стала в шестнадцать лет, овдовев в двадцать, и заканчивая правителем Сангориа. Это её умоляли о встрече, всячески соблазняли и дарили драгоценности, а тут...

Попытки поставить Элкиза на место не увенчались успехом. Играть с Леонардом по своим правилам не получалось. А ведь маркиза Констанци старалась.

Она знала, что Элкиз прибыл в Сангориа, и ждала. Стиснув зубы, считала дни до его прихода.

Так прошла неделя. Женщина через знакомых выяснила, на каких приёмах будет присутствовать граф, и сама появлялась там. Мелькала, стараясь попасться на глаза под руку с очередным поклонником.

«Смотри же... смотри. Меня хотят, меня любят... Ревнуй, добивайся...»

И что получила взамен?

Кивок и равнодушное, даже насмешливое, приветствие.

Ни записки, ни намёка, ни вспышки желания или ревности.

А молодая женщина скучала, ждала, сходила с ума от тоски и желания. С ним не получалось как с остальными. Им не получалось руководить.

У Армель было много любовников. Она никогда не считала их, но знала, что было много. Покойный супруг был слишком стар, чтобы удовлетворить аппетиты женщины, он и умер у неё в постели. Сердце не выдержало. И пусть родственники маркиза пытались доказать, что его отравили, у них ничего не вышло. Сам Марлоу запретил вести расследование и подозревать несчастную вдову в столь тяжком грехе.

В любом случае, ни один из них не знал её тело так хорошо, как ванагорийский граф. Он был как музыкант, который играл на её душе, доводя женщину до неземных высот наслаждения.

За холодной внешностью и расчётливым взглядом скрывался страстный любовник, неутомимый и греховный.

Армель не выдержала пытку первой.

«Я жду тебя. Приезжай».

Леди Констанци даже не стала подписывать короткую записку. Лишь побрызгала розовой водой, чтобы яркий аромат напомнил графу об их полных страсти ночах.

Ответная записка прибыла только вчера вечером. Когда от тревоги и ожидания маркиза металась по спальне, будто тигрица.

«Завтра утром».

Утром.

Великие, какая пошлость принимать любовника рано утром. В то время, когда его мог видеть кто угодно. Когда даже шторы не могли спрятать её от нескромного взгляда светло-голубых глаз.

Возмутительно и возбуждающе.

Армель готовилась к его приходу. Проснулась на рассвете, приняла ароматную ванную, сделала кучу освежающих масок, надела свою самую лучшую сорочку из фреольского шёлка с полупрозрачным лифом из тончайшего кружева, сквозь который были отчётливо видны коралловые вершинки груди.

Маркиза хотела, чтобы он увидел её и сошел с ума от страсти. Понял, как был неправ, что игнорировал любовницу целую неделю. Чтобы ползал на коленях, вымаливая разрешение прикоснуться к её роскошному телу.

Как же она была глупа.

Леонард спокойно вошёл в спальню после полудня, замирая в дверях и впиваясь внимательным взглядом в её роскошное тело.

Беззвучно закрылась дверь за его спиной.

Маркиза постаралась создать нужную атмосферу: приказала слугам плотно задёрнуть шторы, зажгла ароматические свечи, приготовила игристое вино с погребов Марлоу (старый развратник подарил ей два ящика из своих запасов).

И вместо того, чтобы броситься к ней, мужчина легко сдёрнул с шеи платок и сел в кресло, вытягивая вперёд ноги и положив неизменную трость сверху.

— Я вижу, ты скучала без меня, Армель.

Сколько колких слов вертелось на языке, как хотелось ответить Торнтону что-нибудь злое. Но это означало потерять его сейчас. О, этот мужчина был способен уйти, оставив

её неудовлетворённую и несчастную. А она просто сойдёт с ума от желания.

— Ты долго шел, Элкиз, — хрипло ответила она, сжимая шелковые простыни.

Мужчина в ответ лишь неопределённо пожал плечами. Спокойный, равнодушный, невозмутимый.

— Так иди ко мне и докажи, насколько сильно скучала.

Доказала и получила сполна.

А сейчас он уходил.

Получил, что хотел и уходил, даже не назначив дату следующего свидания.

— Знаю, — еще шире улыбнулась она, пытаясь скрыть за фальшивой улыбкой досаду и раздражение. — Так почему же ты бежишь от меня? Обычно мы больше проводим времени вместе. Я соскучилась.

Она поменяла положение, от чего простынь медленно сползла, обнажая длинную стройную ножку и бедро. Леди Констанци была красива и знала об этом. Трудно быть скромницей с таким количеством любовников.

— У меня дела, Армель.

Леонард даже не взглянул на неё, надевая жилетку, а следом и пиджак.

— Дела? Неужели есть что-то важнее меня, Змей? — Женщина обиженно надула пухлые губки, до боли впиваясь ногтями в кожу и оставляя красные полумесяцы на ладонях.

— Я обещал сестре кое-что сделать.

Леонард подошёл к огромному зеркалу и внимательно осмотрел себя.

«Как всегда холоден, безупречен и совершенен,» — неожиданно с тоской подумала женщина. Даже в этой постели, в её умелых руках и губах, в самом пике наслаждения, он всегда был слишком далеко.

— Бегаешь на побегушках у герцогини Архольд?

Она не должна была этого говорить. Не должна была срывать. Но задетое самолюбие требовало выхода.

Элкиз медленно подошёл к кровати, собственнически хватая за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Я бегаю на побегушках у герцогини, ты у меня, Марлоу у тебя. Круговорот зависимости в природе.

— Я не бегаю у тебя на побегушках, — зло выдавила в ответ, отшатываясь назад и с ненавистью смотря на любовника. — Я никогда ни перед кем не унижалась.

— Как скажешь, Армель.

А улыбка такая, что хочется выть и кричать.

— Убирайся!

— Ты знаешь, где меня найти, — спокойно ответил тот, направляясь к двери.

Трость звонко стучала по полу.

— Убирайся.

— ...когда соскучишься, — закончил Элкиз фразу и, не оборачиваясь, вышел.

Женщину трясло.

Обнажённая, сломленная и раздавленная, она ринулась к комоду, вслушиваясь в звук его уходящих прочь шагов. Дрожащими руками достала курительные смеси, присланные ей контрабандой из далёких Эмират Барху, зажгла самокрутку и едва не задохнулась от сладкого дыма.

Всего чуть-чуть. Всего одна сигарета. Ей надо успокоиться и прийти в себя. Это не зависимость. Она сильная.

А через два часа, когда от курительной смеси уже кружилась голова, женщина сидела за столом и писала новую записку.

«Прости. Я буду ждать тебя. В любое время. Всегда. Только приходи, приходи...»

— Хороша же у тебя подруга, ничего не скажешь. Не могла выслать за нами экипаж? — язвительно заметила кузина, когда карету подбросило на очередной кочке. — Удобный, герцогский, а не это убожество.

— Элодия, прекрати, герцогиня не обязана посылать за нами транспорт. Для нас и так большая честь гостить в её замке этот месяц, — попыталась утихомирить дочь тётушка Полин и бросила на меня виноватый взгляд.

Я ободряюще улыбнулась ей и снова взглянула в окно. Замечания двоюродной сестры уже давно перестали меня волновать.

Селина предлагала экипаж и даже настаивала, но я отказалась. Наверное, это глупо, но я не смогла. Подруга и так слишком много для меня делала: согласилась принять в замке не только меня, но и тётю с кузинами, решила помочь в проведении свадьбы. А тут еще и экипаж.

Проснулась пресловутая гордость Белфоров. Пусть мы были побочной и самой дальней ветвью великого рода Северного княжества Изгар. Пусть у нас не было титула, земель и сотни прислуг, но гордость оставалась.

— Может, Айола нам просто врала и не такие они задушевные подруги, — не отставала Элодия.

— Дура, — припечатала старшую сестру семнадцатилетняя Делайн. — Думай, что говоришь.

— Сама дура, — вспыхнула девушка. — Мы тут просто умрём, а вам всё равно!

— Мы не умрём, — спокойно ответила ей, убирая со лба влажный локон.

Жара в карете стояла жуткая и даже открытые окна не помогали, наоборот, было еще хуже. После последней стоянки прошло не больше часа, а я уже мечтала вновь выбраться наружу. Встать под тень дерева и вдохнуть чистый воздух.

— Мне нечем дышать, — Элодия картинно схватилась за горло и закатила серые глазки.

Громко охнув, тётушка принялась обмахивать чадо веером, а я с трудом сдержалась, чтобы не выругаться.

Вот же пигалица.

— Выброшу из кареты, — мрачно пообещала кузине.

— Мама!

Розовые губы задрожали, слёзки навернулись на глаза, а само лицо суксилось, умудряясь при этом оставаться до неприличия хорошеньким. Это надо же так уметь, даже рыдает красиво. Когда я плакала, а случалось это, слава Великим, нечасто, то была похожа на оживший труп: бледная, с красными глазами, огромным носом, который увеличивался раза в два, и слезами, которые весьма неромантично текли не только из глаз, но и из носа.

— Девочки, успокойтесь. — Тётя расстроено покачала головой. — Не надо ссориться.

— Она мне угрожает.

Искра вспыхнула в груди, вызывая в голове соблазнительные картинки мести. Одной лягушки было бы достаточно, чтобы кокетка Элодия завизжала и рухнула в обморок. Самый настоящий, а не наигранный.

Интересно, но жаль свои уши. Прежде чем потерять сознание, она будет орать. Громко.

Последние часы нашего пятидневного путешествия были невыносимы. И самое противное было в том, что я ничего не могла сделать. Мне жизненно необходимо было присутствие тётки Полин, а значит, приходилось мириться с её детками.

«Ох, Ивар, я так соскучилась».

Мы не виделись больше года. С того самого вечера в тени раскидистого дуба у обрыва. Короткие немногочисленные записки лишь теребили душу, вызывая в сердце глухую тоску и безнадежность. Мне казалось, что выдержать разлуку уже невозможно, но день сменялся днём, а я всё ждала своего любимого.

«Скоро, очень скоро...»

— Я требую извинений! — крик кузины заставил меня дёрнуться и сморщиться от нового приступа головной боли.

На воздух захотелось еще больше.

— Элодия, сбавь тон.

— Да кто ты такая? Как ты смеешь?

Вот что положение делает. Родилась в семье барона, за которого сестре отца посчастливилось выйти замуж, и нос кверху задирает. А то, что у барона, кроме титула, денег почти нет, её не касается. Элодия с рождения привыкла к самому лучшему: ткани, ленты, рюши и даже фреольское кружево, которое в Изгаре стоило раз в десять дороже, чем в других местах. Даже сейчас вырядилась, надела любимое платье из тонкого батиста светло-желтого цвета с рукавами-фонариками и вышитыми по подолу белоснежными розами. Интересно, она когда-нибудь задумывалась о том, что своими запросами довела отца до банкротства?

Когда неделю назад тетюшка, краснея и сбиваясь, просила у меня деньги в долг, я знала, на что она просит. Знала, но дала. Я не могла ей отказать. А деньги... Деньги ничто по сравнению с той благодарностью, которую я испытывала к сестре отца. Ведь это именно она меня вырастила после смерти матери. В конце концов, я больше двадцати лет прожила в бедности, могу и перетерпеть.

— Использую искру и узнаешь, — тихо, но весьма зловеще, ответила ей.

Светлое личико с безупречной молочной кожей стало еще бледней, в серых глазах промелькнул страх.

— Ты не посмеешь. Я всё расскажу.

— Рассказывай. Зато я проведу последние часы пути в тишине и спокойствии.

— А я скажу, что ты всё врешь, — поддержала меня Делайн.

— Вот видишь? — кузина вновь повернулась к матери. Огромная слезинка медленно скатилась по щеке. — Видишь, как они. Ведь я же пошла навстречу, хотела мира, а они...

Девушка аккуратно приложила кружевной платочек к глазу и тихо всхлинула.

Я свои вечно теряла и давно уже разучилась ими пользоваться. Какая разница, истинной леди мне не быть, а там в горах, кишачих злобными гуи, умение пользоваться платочками мне точно не пригодится.

— Тётя, — многозначительно протянула я, напоминая, что моё терпение не безгранично и как бы сильно я её ни любила, всему есть граница.

— Девочки, мои дорогие, я вас очень прошу, не надо ссориться. Мы же почти приехали, — в отчаянье произнесла тётушка, а посмотрела на меня. — Элодия. Айола.

Я же самая старшая и умная, значит должна отступить.

— Предлагаю подуться каждый в своём углу. Разрешаю мысленно посылать в мою сторону проклятья.

«Всё равно силы не имеют. В отличие от моих».

К концу пути тишина в карете достигла своего пика.

— Приехали, госпожи, — заявил кучер, тощий небритый мужичок с засаленными волосами, открывая перед нами дверь.

Пахло от него тоже не очень приятно — луком и рыбой, а взгляд мутных карих глаз настораживал. Похоже, всё время пути наш извозчик прикладывался к бутылке. И как карету не завалило.

— Благодарю, — быстро спускаясь, произнесла я и огляделась.

Никогда не была в Сангориа. Но, благодаря тому, что почтовые дилижансы останавливались на окраине Илгара, я могла оценить всю красоту столицы с яркими желтыми крышами, невысокими домами из красного кирпича, глина для которого добывалась только в Сангориа, и огромным количеством зелени.

Наши сундуки горкой сложили на пыльной земле, и мы кучкой столпясь рядом.

— Ну и где? — не выдержала Элодия. — Где наш встречающий?

— Сейчас, — ответила ей и быстро огляделась.

Селины или её супруга не наблюдалась. Слуг в сине-золотой ливрее Архольдов тоже. Не могла подруга забыть о моём приезде. Никак не могла.

— И что делать? — капризно заныла кузина и даже притопнула ногой, вызывая новое облачко пыли. — Ты же сказала...

— Я помню, что сказала.

— Госпожа Айола Белфор? — негромко поинтересовался кто-то за моей спиной.

Одновременно с этим Элодия охнула и принялась интенсивно обмахиваться веером, а тётушка испугано затряслась. Даже обычно невозмутимая Делайн впечатлилась, застыв с приоткрытым ртом.

Я сразу поняла, кто за нами явился, стоило только услышать этот холодный, высокомерный тон, и, сжав кулаки, медленно повернулась.

— Лорд Леонард Торнтон.

Я познакомилась с ним пять лет назад, когда в первый и последний раз приехала в гости в родовое имение своей лучшей подруги Селины Торнтон. Дело было в декабре, сразу после праздника зимнего солнцестояния. Каникулы длились целых две недели, и студенты могли навестить своих родных. Если это, конечно, было возможно.

Мы, жители Северного княжества Изгар, расположенного на самом краю материка в окружении неприступных гор, этого сделать не могли. В Изгар можно было попасть лишь по длинному, извилистому перевалу, который всю зиму был закрыт для путников из-за опасности схода лавин. Только отчаянные смельчаки решались на такое безумие. Портала из Академии не было, хотя маги обещали в ближайшие десять лет настроить и открыть путь. Поэтому мне предстояло провести все каникулы в общежитии совершенно одной.

Но в тот год Селина меня всё-таки уговорила. В первый и последний раз.

Я, конечно, очень любила подругу и ради неё готова была на многое, но терпеть такое отношение просто невыносимо.

Как девушка из древнего рода Белфор, я с рождения обучалась правилам придворного этикета, умела красиво приседать в реверансе, жеманно улыбаться, в совершенстве знала игру веера, отлично танцевала, играла на трёх инструментах, вышивала гладью и ткала гобелены на специальных станках. Денег у нас было мало, поэтому моим воспитанием занималась мама. А когда её не стало, то эта обязанность легла на плечи тёти Полин.

Но разве это волновало высокородное ванагорийское семейство. Лорда Честея Торнтон, того самого заносчивого лорда, из-за которого тридцать лет назад чуть не случилась война между Сангориа и Ванагорией, я практически не видела. Глава семьи всё время проводил в кабинете и почти оттуда не выходил. Если честно, то производил он гнетущее впечатление.

Леди Бригитта Торнтон, достопочтимая матушка подруги, при моём появлении морщилась, прижимала кружевной платок к лицу. Так, словно от меня дурно пахло. И они после этого считали себя знатоками норм, правил и этикета?

Да, моя семья была небогата, любимое серо-зелёное платье уже столько раз подшивалось, перешивалось и латалось, что я со счёта сбилась, но разве это причина для того, чтобы так высокомерно себя вести?

Еще был старший брат Селины. Леонард Торнтон. Молодой мужчина двадцати трёх лет отроду. Надо признаться, что он был красив. Высокий, гораздо выше Ивара. Худощавый, но в то же время, жилистый и крепкий. Светловолосый, с правильными, но не смазливими чертами лица, неожиданно чувственными губами и прямым носом. Но всё перечёркивали холодные светло-голубые глаза и высокомерный взгляд, которым он одаривал каждого.

К счастью, мы виделись не так часто. Но каждая такая встреча была целым событием, которое хотелось забыть и никогда не вспоминать.

В день нашего знакомства я свалила на него рыцаря. Случайно. Металлические доспехи, стоявшие в холле у лестницы, просто не могли не привлечь моего внимания. Начищенные до блеска так, что я могла рассмотреть в них своё отражение. В полной боевой готовности. Шлем с огромным решетчатым забралом, звенящая кольчуга, тяжелый щит с выбитым на нём гербом, острый меч, который до сих пор мог перерезать пёрышко на лету. Я такие только на картинках видела.

Выбрав время, прошмыгнула в холл, касаясь подушечками пальцев прохладной поверхности. И всё было нормально, до того момента, пока мне не пришла в голову мысль по нему постучать. Глухой звук, легкая вибрация. Конструкция задрожала, накренилась и начала медленно заваливаться на бок. От неожиданности я даже не сразу поняла, что надо отбежать в сторону.

От синяков, переломов и ушибов меня спас брат Селины. Дёрнул за руку, отпихивая в сторону, и принял удар на себя.

Я очнулась двумя секундами позже, сидя на мраморном полу, огромными от ужаса глазами смотря на разбросанные доспехи и молодого лорда, который стоял на коленях чуть поодаль, прижимая руку к лицу.

— Что здесь случилось? — в холл величественно выплыла леди Торнтон и застыла, хватаясь за сердце. — Великие! Леонард, что с тобой произошло?

— Айола? — ко мне подбежала Селина и помогла встать. — Ты ушиблась, упала? Где болит?

— Крепление не выдержало, — поднимаясь, сухо произнёс молодой мужчина, и я с ужасом рассмотрела огромный кровоподтёк на его скуле и тоненькую струйку крови, текущую из носа. — Давно надо было убрать этот хлам отсюда.

— Это не хлам, — неожиданно заявила я, стряхивая с платья пылинки. — Это десятый век. Историческая ценность.

— Отлично, — съязвил он. — В следующий раз я позволю этой ценности придавить вас. Всего доброго, госпожа Белфор.

— Дорогой! Надо вызвать лекаря, обработать рану, — поспешила за ним леди Торнтон.

— Твоя работа? — тихо спросила подруга, как только затих звук их шагов.

— Я случайно. Прости.

А Селина расхохоталась.

— Ох, Айола, ты неподражаема.

Следующие три дня я очень старалась быть примерной леди, но надолго меня не хватило. Как же здесь было скучно. Чаепития с подругами Селины, приехавшими, чтобы узнать об Академии, и открыто хихикающими над моим простеньким серо-бежевым платьем из тонкой шерсти с глухим кружевным воротничком под горло и длинными рукавами. Скучные музыкальные вечера, в попытках не уснуть под кошмарное исполнение великих произведений. О, Великие, как мне хотелось встать, стащить эту девицу со стула и показать, как надо правильно играть. Это же пытка для ушей. Не знаю, как подруга такое терпела столько лет подряд и смогла остаться такой искренней и настоящей.

— Селина, давай выйдем на улицу, — взмолилась я на четвёртый день.

Снегопад закончился и всё вокруг было укрыто пушистым снегом: деревья, кусты, крыши особняка, узкие дорожки, которые старательно подметали слуги.

— Ты знаешь, отличная идея. Нам не мешало бы прогуляться.

В течение следующих тридцати минут мы степенно прогуливались по извилистым аллеям, любуясь красотами заснеженного парка и почти не разговаривая.

— Тебе здесь скучно? — спросила Селина. — Прости, я не думала, что так получится.

— Я просто не привыкла к этому. Меня учили так жить. Но если честно, то мне по нраву больше свобода. Я скучаю по Академии, по занятиям, практике, открытиям и развитию искры.

Подругу передёрнуло.

— А я вот не горю желанием туда возвращаться, — тихо призналась она. — Пусть здесь всё строже и много правил. Зато нет...

— Корвила, — понимающе закончила я за неё. — Уверена, после каникул всё поменяется, и вражда сойдет на нет. Он старшекурсник и найдёт себе новую жертву.

— С трудом верится. Ужасный тип, просто кошмарный. Грубый, невыносимый и жестокий.

Бледные щеки Селины вспыхнули от румянца и это точно было не из-за мороза. Надо было срочно сменить тему разговора на более приятную.

— За эти дни твоя матушка раз десять вспоминала некоего виконта Санроу, — многозначительно протянула я и слегка толкнула подругу в бок. — Признавайся, это ведь не просто так. А ты мне про него не рассказывала.

— Эйдан, — улыбнулась Селина. — Мы познакомились за неделю до того, как проявилась искра. Симпатичный молодой человек, служил несколько лет в посольстве во Фрее. Он удивительный. Совсем не похожий на аристократов. Добрый, улыбается часто и такой искренний.

— Вот и хорошо, что не похож. Извини, но твой брат тот еще ледышка, — собирая в ладошку снег с ближайшей статуи, заметила я и принялась лепить снежок.

— Какой есть.

— А виконт тебе нравится?

— Немного.

— Влюбилась? — еще шире улыбнулась я.

— Айола, прекрати.

Девушка старалась выглядеть строгой, но улыбка всё равно не сходила с лица.

— Устроим снежный бой? — перебрасывая снежок из одной руки в другую, предложила я.

— Айола, не смей.

— Никто не увидит.

— Прекрати, это не прилично!

— Зато весело, — отмахнулась я, прицелилась и попала подружке в плечо.

— Ты в меня кинула?

— Да, — отступая, рассмеялась я.

— Ты! Ну держись, подруга.

И минут десять выпали из жизни. Мы бегали, валялись в снегу, кидались снежками, громко смеялись и совершенно забыли о правилах и о том, где сейчас находимся.

Развернувшись и падая в сугроб, я не глядя бросила очередной снаряд. И не сразу поняла, почему стало тихо. Смех подружки как-то быстро оборвался.

— Селина, что?... — отряхиваясь, произнесла я и тоже замерла.

Снежок попал в цель. Точно в то самое место, куда угодил рыцарский доспех. На скуле лорда Торнтон под слоем тающего снега алел круглый отпечаток.

— Ой!

Зато кое-чего мне добиться удалось.

Во взгляде мужчины не было ни капли раздражающего спокойствия. Мне кажется, ему в тот момент очень сильно хотелось меня стукнуть и сдерживался он с трудом.

— Прошу прощения, милорд, — пробормотала я и зачем-то решила сделать реверанс. Со страху, наверное. Ноги заскользили, и я совершенно неграциозно села в сугроб. — Ой.

Селина рядом фыркнула, пытаясь сдержать смех, а Торнтон сверкнул взглядом и ушёл, так ничего мне не сказав.

И вроде можно было выдохнуть спокойно. До отъезда на учебу оставалось всего пару дней и ничего не предвещало неприятностей.

Помня, что ненаглядное чадо вновь уедет в ненавистную Академию, леди Торнтон торопилась как можно чаще выводить дочь в свет, особенно, если там обещал присутствовать некий виконт.

Тем же днем они собирались на музыкальный вечер у мадам Хелст. Меня приглашали, но от одной только мысли, что придётся слушать, как коверкают музыкальные произведения, громко аплодировать, расточать фальшивые улыбки и старательно не замечать шепотки за своей спиной, у меня разболелась голова. Сильно.

— Мигрень — это очень серьезно, — кивнула женщина с самым серьезным видом. Видимо, ей не очень хотелось брать меня с собой, и она была рада избавиться от такого груза.

— У меня тоже болит, — попыталась сорваться с крючка Селина.

— Не ври мне. Цвет лица нормальный. Потерпишь.

Подруга показала мне кулак за спиной матери, а я лишь фыркнула, довольно сверкнув глазами.

Её ждала заунывная музыка, крохотные тарталетки и ворох сплетен. А меня — вкусные фруктовые пирожные с шоколадной стружкой и сливочным кремом. За эти дни я хорошо подружилась с поваром Торнтонов — сангорианцем Франком и он обещал накормить меня сладостями на дорожку.

— Я буду скучать, — пообещала я, провожая Селину до дверей, даже ручкой помахала, едва не подпрыгивая от нетерпения.

После чего, громко взвизгнув, закружилась по огромному холлу, обнимая вымышленного партнёра.

— Пам-пам-пам-пара-рам. Пам-пам-пам-пам-пам. Тара-рам!

Замерла прямо посередине, разведя руки в стороны и закинув голову вверх. И закружилась на месте. Какое счастье! Можно быть собой, не бояться, не играть роль леди. Чета Торнтонов с дочерью уехали, их сын где-то опять пропал.

Как же хорошо.

Замерла на месте, всё так же раскинув руки и слушая только звук своего сердца.

Как мне этого не хватало.

Глубокий вдох и я поспешила на кухню.

Дойти не успела, мне навстречу уже спешил могучий повар, держа перед собой поднос с двумя десятками пирожных.

— Это мне? — ахнула я, прижав руки к груди и улыбаясь во все тридцать два зуба.

— Вам. Кушайте, госпожа Айола. А то такая худенькая, маленькая, как тростиночка. Того и гляди, переломитесь.

И ведь не объяснишь мужчине, что мы коренные северянки все такие — светлокожие, светловолосые, тоненькие, светлоглазые.

— Спасибо. Ох, Франк, вы меня балуете.

— А кого еще баловать. Лорд Леонард сладкое не ест, леди Бригитта следит за фигурой. Только вы с леди Селиной и остаетесь. Да вот Академия у вас.

— Франк, это преступление. Вы должны готовить это великолепие не менее двух раз в неделю.

— Я рад, что вам понравилось. Сейчас скажу Конни, чтобы она принесла вам графин с ягодным морсом.

— Буду благодарна, — еще шире улыбнулась я.

Но отведать это чудо не получилось. Не пройдя и десять шагов, слишком занятая своими мыслями, я повернула в холл и на кого-то налетела. Поднос выскользнул из рук и всё кремовое великолепие с шоколадной крошкой и съедобными розочками расплозлось по очень дорогому костюму.

— Ой, — прошептала я, вздрагивая от оглушительного звона, с которым поднос упал на пол.

А сама не могла отвести взгляда от засахаренной розочки, которая очень символически прицепилась к лацкану тёмно-серого камзола.

— Леди Белфор, — прошипел Леонард Торнтон.

— Я постираю, выглажу и приведу в порядок, — сообщила ему, не решаясь посмотреть в глаза, уж очень впечатляюще билась жилка на шее.

Постирать то постираю, но у Франка продукты качественные, дорогие, и эти вкусные жирные сливки смыть с дорогой ткани будет практически невозможно. А для того, чтобы оплатить стоимость костюма... Боги, у меня нет таких денег.

— Леди Белфор.

— Это моя вина. Но вы тоже должны были видеть, куда идёте!

Розочка всё-таки сползла вниз и присоединилась к другим на полу.

— Кричать будете? — осторожно спросила у него и плечи поникли.

— Идите.

— Куда? — еще более несчастным голосом спросила я.

— На... кухню.

— Зачем?

— Прикажете слугам убрать здесь, — после чего развернулся и ушёл.

Вечером я рассказала подруге о произошедшем, она долго хохотала, утирая слёзы, льющиеся из глаз.

— Айола, ты просто ходячая катастрофа.

— Не правда. Со мной такого никогда не происходило. Ты же знаешь.

— Значит, повезло только Лео.

Но самый большой шок ждал меня перед отъездом.

— Это вам, леди Белфор, — протягивая мне тяжелую коробку, сообщил молодой лорд Торнтон, провожая нас до портала.

— Мне?

— Вам. Надеюсь, как можно дольше вас не видеть.

— Э-э-э-э, спасибо.

— Ого, — округлила глаза Селина. — Я чего-то не знаю?

— Не болтай глупости.

Коробку мы открыли только вечером, прибыв в нашу комнату в общежитии.

— Это что? — с ужасом спросила я, доставая увесистый том в кожаном переплёте.

Селина уже смеялась, пряча лицо за подушкой, которую прижимала к груди.

— Это пособие леди Тунс «Основные правила воспитания леди», — задыхаясь от смеха, сообщила она, тихо всхлипнула и добавила: — Переработанная версия для особо тяжелых случаев.

— Что? Да как он посмел?!

— Ой, не могу. Он всё-таки тебя сделал, Айола. А-ха-ха-ха. Ну братец.

Первое желание — сжечь книгу дотла. Вырывать с наслаждением каждый листочек, комкать и бросать в камин. Но потом стало жалко и я начала использовать её по другому назначению — томик отлично подпирал дверь.

Следующая наша встреча состоялась в начале второго курса, после летних каникул. Я

вернулась в общежитие, где застала угасшую и будто чужую Селину, которая так отличалась от той, что я привыкла видеть, и её уставшего брата. Без прежнего гонора и высокомерия, с темными кругами под глазами.

— Позаботьтесь о ней, — попросил он меня перед уходом. — Ей сейчас тяжело.

И вот мы снова встретились.

— Лорд Леонард Торнтон.

Всё так же неопозволительно хорош собой, разве что черты лица стали еще более жёсткими, появились складки у губ и трость.

Зачем ему трость? Еще молодой совсем, тридцати нет.

— Граф Элкиз, — поправил он меня.

О, я знала об этом изменении. Селина мне всё рассказала и сообщила, каким именно образом ему удалось вернуть утерянный отцом титул. Мужчина просто продал свою сестру двум правителям, для «лучшего налаживания межгосударственных отношений и подписания мирного договора». И пусть всё обошлось, подруга была замужем и безумно счастлива, простить его я не могла.

— Граф Элкиз, — повторила я, еще сильнее выпрямляясь и гордо вскидывая подбородок.

Прошли те времена, когда он мог меня смутить, испугать и заставить почувствовать жалкой замухрышкой. За эти пять лет многое изменилось, я выросла и начала сама зарабатывать деньги. Сильный дар искрящей и усиленная работа по развитию таланта помогли многого добиться в жизни, стать намного увереннее.

— Не ожидала вас здесь увидеть. А где Селина?

— Герцогиня Архольд неважно себя чувствует и попросила меня вас встретить.

— Спасибо, но вы зря себя утруждали. Можно было прислать слугу.

— Я был по делам в столице, так что вы ничем мне не обязаны, госпожа Белфор, — спокойно отозвался он и перевёл взгляд на застывших за моей спиной родственниц. — Не представите меня?

— Конечно, — я повернулась. — Моя тётя баронесса Полин Ортек, её дочери Элодия и Делайн. Это Леонард Торнтон граф Элкиз.

— Граф, — мелодично произнесла Элодия, приседая перед мужчиной в реверансе.

Мне не надо было смотреть, чтобы понять, что кузина, наконец, нашла предмет обожания и, наверняка, мысленно уже примеряла на себе его титул. Что ж, они друг друга стоят.

— Прошу за мной. Слуги, — он кивнул двум мужчинам, которые стояли чуть в стороне, — погрузят ваши вещи.

— Мы вам так благодарны, граф, — защебетала Элодия, протискиваясь мимо меня. Девушка достала веер и принялась им обмахиваться. — Это так благородно, вы не оставили нас в беде, лично встретили. Поступок истинного мужчины.

Я шла чуть позади них, неотрывно смотря на прямую спину лорда.

«Что же ему нужно? Леонард Торнтон всегда из всего получал выгоду. А в чем причина тут? Что ему нужно сейчас?»

Глава Вторая

Родовой замок Архольдов производил колоссальное впечатление. Монументальное сооружение было выложено из серого камня, с толстыми стенами, узкими окошками и настоящими башенками с острыми шпилями и возвышалось над долиной, утопая в сочной зелени листвы, которая несмотря на жару еще сохранила яркость.

— Ох, Великая Мать, — потрясённо выдохнула тётя, не в силах отвести взгляд от здания.

Три часа пути от столицы до замка подходили к концу, и экипаж приближался к конечному пункту нашего путешествия.

— Хочу нарисовать, — прошептала Делайн, стиснув кулаки, которые лежали на коленях.

Я подалась вперёд, накрывая её руку своей ладонью и ободряюще сжала.

— Обязательно нарисуешь. Уверена, Селина покажет тебе много интересных мест. Она рассказывала о тайных ходах и чудесной аллее древних статуй.

Кузина шумно выдохнула и серые глаза засияли внутренним светом. Девушка обожала рисовать, и я всячески старалась поддерживать в ней эту страсть и стремление, покупая дорогие краски, холсты.

Элодия этого не понимала и считала пустой тратой средств, тех самых, которые мечтала спустить на свои тряпки. Но кто её спрашивал.

— Вы рисуете? — поинтересовался Торнтон.

Весь путь до замка он молчал, рассеяно слушая болтовню Элодии, которая, казалось, не затихала ни на минуту. Я даже подумала, что мужчина просто уснул с открытыми глазами. Но граф не только не спал, он даже прислушивался к нашему разговору.

— Да, рисую. Немного.

— Балуется, — отмахнулась её сестра, презрительно фыркнув.

— Делайн прекрасно рисует, — вмешалась тётушка. Её голос звучал мягко и немного виновато. — Не только акварель, которую так любят девушки. У неё отличные пейзажи, карандашные наброски, портреты.

— Портреты? — тёмная бровь удивлённо поползла вверх.

— Я бы и вас хотела нарисовать, — неожиданно пискнула девушка и еще больше смутилась.

— Делайн! — возмущенно вскрикнула Элодия. — Прошу прощения, граф, моя сестра не хотела вас оскорбить. Делайн, немедленно извинись перед милордом.

Я начала всерьёз думать о заклинании, когда Торнтон внезапно произнёс:

— Мой портрет? Вы каждого рисуете, леди Делайн?

— Нет. Просто ваши черты... и взгляд.

— Взгляд?

«Холодный, надменный, колючий и резкий».

— Хочется узнать, что за ним, — неожиданно серьёзно произнесла она.

«Разве за ним что-то есть?»

Я, забыв об осторожности, пристально взглянула на мужчину. И надо было ему в этот момент тоже повернуться ко мне. Короткий обмен взглядами, всего на два удара сердца, непонятное смущение и жар на щеках.

— Мы приехали, — сообщил мужчина и карета остановилась во внутреннем дворе замка.

Подошедший слуга помог нам спуститься. От долгой езды ныло тело, болела спина и сейчас больше всего хотелось принять ванную и полежать. Даже есть не хотелось, а просто отдохнуть.

Вблизи замок выглядел еще более огромным и внушительным. Но в то же время не казался громоздким или давящим. Он просто жил. Слуги спешили по своим делам, отовсюду слышались голоса, периодически раздавался тихий, искренний смех. Здесь никто не боялся подать голос и быть наказанным, и это чувствовалось.

— Прошу сюда, — произнёс слуга, провожая внутрь, где нас уже встречала светловолосая женщина в тёмно-зелёном платье, отделанном белоснежным кружевом.

— Леонард, — улыбнулась она мужчине, который склонился к её руке. — Очень любезно с твоей стороны встретить наших гостей.

— Леди Корвил, вы как всегда очаровательны.

— Благодарю. Дерек спрашивал о тебе.

— Герцог уже вернулся?

— Час назад. На полях опять проблемы. Он в кабинете.

— Дамы, прошу прощения, — мужчина кивнул и быстро направился в сторону широкой лестницы.

А ведь по идее именно он должен был нас представить друг другу. Странное попрание норм и правил. За графом подобного не наблюдалось.

Проводив его взглядом, я повернулась к женщине.

— Добрый вечер. Я леди Энния Корвил. А вы, должно быть, Айола Белфор? — она безошибочно взглянула на меня.

— Да, вы совершенно правы, леди Корвил. Это моя тётя баронесса Полин Ортек и её дочери Элодия и Делайн, — произнесла я и неловко улыбнулась. Тревога нарастала. — А Селина где?

— Она отдыхает, — леди Корвил улыбнулась. — Просила вас навестить её, как только будет удобно.

— Я могу увидеть её прямо сейчас?

Улыбка стала мягче.

— Конечно. Но вы уверены, что не хотите сначала принять душ, переодеться, отдохнуть?

Хотела и очень, но желание увидеть подругу было сильнее.

— Позже.

— Слуга проводит вас, а я покажу покои баронессе и её дочерям.

— Благодарю.

Ковры, сияние начищенной до блеска бронзы, позолота, хрусталь и старинные вазы из хрупкого фарфора — всё здесь говорило о богатстве и достатке. Но я мало смотрела по сторонам, полностью сосредоточившись на предстоящей встрече.

Целый год мы не виделись, изменилась ли она? Стала ли другой?

Лакей распахнул передо мной створчатые двери, пропуская вперед.

Странно, я думала, она отдыхает где-то наверху, в своих покоях, а меня привели в зимний сад. В нос ударил запах влажной земли и жасмина. У огромного куста,

усыпанного белоснежными цветами-звёздочками, застыла хрупкая женская фигура.

Ком у горла, счастье, тоска и какое-то отчаянье.

— Селина?

Она обернулась. Бездонные синие глаза в обрамлении густых чёрных ресниц, аккуратный носик, алые губы и густая грива тёмных волос.

— Айола!

Мы встретились где-то посередине. С громким смехом, вперемешку со слезами, крепко обнялись, не в силах оторваться друг от друга.

Великие, как же сильно мне не хватало её.

— Айола, ты здесь! Даже не верится!

— Селина, я так скучала.

— Нет, — она рассмеялась и подалась назад, стирая слёзы из уголков глаз. — Это я скучала. Прости, я сейчас стала такая сентиментальная. Просто ужас. Никогда столько не плакала.

— Я так понимаю, это не единственное, что тебя беспокоит в последнее время, — понимающе улыбнулась я и подмигнула. — Вас можно поздравить, герцогиня?

— Как официально, — рассмеялась она. — Можно. Уже почти четыре месяца.

— Поздравляю. Если честно, то я была немного удивлена, когда ты меня не встретила. Испугалась, не случилось ли с тобой чего-нибудь.

— Прости, — виновато вздохнула Селина, беря меня за руки, а глаза так и сияли особенным внутренним светом. — Последние дни я просто с ума схожу по запаху жасмина. Хотя на прошлой неделе меня от него тошнило. Я собиралась выйти, но из кухни так потянуло жареным мясом, что меня опять замутило. И как назло закончилось ароматное масло, уже направили слугу. Но пока он вернётся... Пришлось возвращаться сюда и пить жасминовый чай.

— А лекари что говорят?

Я не могла не отметить, что подруга выглядела бледнее обычного и под глазами залегли круги.

— Что это надо просто пережить, — она потянула меня к диванчику, который уютно расположился под кустом жасмина.

— А что герцог?

— За эти месяцы его уже ничем невозможно удивить, — рассмеялась Селина, присаживаясь. — Его сначала настораживало моё желание есть рыбу и запивать это шоколадом, но сейчас смирился. И даже не вздрагивает.

— Селина, ты меня пугаешь, — ужаснулась я.

— Я сама себя пугаю, — непринуждённо рассмеялась она. — Будешь чай? Или прохладную воду с лимоном и мятой? Она меня сейчас выручает.

— Не откажусь от воды.

Подруга быстро налила в стакан прохладную жидкость и протянула мне.

— Хватит обо мне, ты и так всё знаешь, я пишу очень подробные письма. А вот кое-кто ограничивается короткими фразами и общими чертами, — пожаловалась она.

— Сама знаешь, я не большой любитель писать письма, — сделав пару глотков, ответила я.

— Правда. А может дело в том, что за все сообщения плачу я? — многозначительно протянула Селина. — И ты таким образом пытаешься уменьшить стоимость почтовых отправлений?

— Кое-кто слишком хорошо меня знает, — виновато улыбнулась в ответ, не став отрицать очевидное.

— Перевоспитывать бесполезно. Ты такая, какая есть. Я даже не буду ворчать, слишком рада видеть дорогую подругу. Но теперь-то ты мне всё расскажешь и подробно.

— А что рассказывать? — пожала я плечами, ставя полупустой стакан на столик. — Работаю потихоньку.

— Какая скромность, — фыркнула подруга. — До нас дошли слухи о талантливом артефакторе Сайлосе Фросте. Говорят, он очень хорош. А еще страшно таинственен и скрытен. Его техника нова и не похожа на все остальные.

— Он просто не любит показываться на глазах. Очень скромный, — рассмеялась я.

— Ивар знает?

— Нет, — я покачала головой и вздохнула. — В сообщениях не напишешь, а так... Мы больше года не виделись.

— Ох, Айола, поражаюсь твоей выдержке. Шесть лет. Ты ждёшь его более шести лет!

— Уверена, что ты бы и Корвила ждала так же. Настоящая любовь выдержит любое испытание, даже временем.

— Тут не могу не согласиться. Но вы совсем скоро обретёте своё счастье.

— Даже не верится.

— Кстати, — Селина смущенно улыбнулась и взяла меня за руки, осторожно сжимая. — Тут такое дело...

— Что случилось? — сразу напряглась я.

— Ты только не переживай, — поспешила успокоить меня подруга. — Ничего серьёзного. Просто мне показалось несправедливым, что такая любовь и такие чувства пройдут не замеченными.

— Селина, что ты задумала? — я еще больше насторожилась.

— Ты же не против, если вы сыграете свадьбу у нас?

— В каком смысле «у вас»?

— В замке. Прямо тут. У нас есть своя часовня Великих. Она не такая шикарная, как в столице, и раз в десять меньше, но очень уютная. Дерек в прошлом году заказал новые витражи. Там очень красиво. Мы обязательно сходим посмотреть, чтобы во всём убедиться.

— Стоп, стоп, стоп, — прервала я её и снова спросила. — Ты что задумала?

— Я хочу, чтобы у тебя был праздник. Самый настоящий праздник. Белоснежное платье с фреольским кружевом, жемчуг, украшающий волосы, и обруч со священными письменами. Чтобы утром пришла хамиби и нарисовала на твоих висках узор невесты, а не просто поставила точку на лбу. Хочу, чтобы этот день был полон смеха, радости и счастья. Понимаю, вы так счастливы вдвоём, что сам факт свадьбы уже награда. Но, — подруга запнулась и горячо продолжила, — ох, Айола, я хочу, чтобы у тебя была самая настоящая свадьба. С танцами, шикарным ужином и украшенным залом. С гостями, которые будут поднимать тосты в вашу честь. Наверное, это очень эгоистично с моей стороны, но ты достойна всего этого.

Я прикусила губу, стараясь унять эмоции и хоть чуть-чуть успокоиться. Глаза щипало от непролитых слёз, и я не знала, смеяться мне или плакать. Никто и никогда так не заботился обо мне.

— Ох, Селина, но это же не все? По взгляду вижу. Признавайся, что ещё ты задумала.

— Пригласила гостей. Ты не пугайся, немного совсем. Мергери приедет, — она назвала третью девушку из нашей комнаты, с которой мы не особо ладили, но прожили бок о бок пять лет. — Кассиа выпускается в этом году и тоже обязательно будет. Пара друзей из Академии. Уверена, что и Ивар захочет пригласить кого-нибудь из друзей охотников... Ты злишься? — упавшим голосом спросила она. — Прости, мне надо было с тобой посоветоваться. Прости.

— Я не злюсь, — поспешила успокоить подругу. — Просто это так неожиданно.

— А еще у меня есть к тебе деловое предложение.

— Уже страшно.

— Жутко меркантильное с моей стороны, и ты совершенно не обязана соглашаться...

— Селина, говори уже.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала. Понимаю, что люди живут везде и даже там в горах есть много чего хорошего. Но я не хочу, чтобы ты уезжала. Айола, ты безумно талантлива, умна, образованна, а там обычное поселение, зима почти весь год, полное отсутствие цивилизации и каких-либо благ. Нет, подожди, дай мне закончить, — она сжала руки ещё сильнее, предупреждая мои возражения. — Я знаю, что тебе всё равно. И понимаю. Самое главное, быть рядом с любимым человеком и не важно, где это будет. Хоть на краю мира. Но почему бы вам не побыть вместе в Сангориа? Работа у тебя уже есть. Поверь мне, заказов будет только больше. И Ивар охотник, сильный, выносливый и умный молодой мужчина. Ты, по крайней мере, так о нём рассказывала. Дерек поможет ему с работой. Сама подумай, здесь безопасно. Не надо ежедневно рисковать, охотясь на гуи*.

— И жить здесь у вас?

— Нет. У нас в столице есть домик. Мы с Дерекком готовы предоставить его вам в длительное пользование, — произнесла Селина и поспешно добавила. — Конечно, не бесплатно. Успокойся, я же знаю твои принципы. Вы сможете его выкупить со временем.

— Селина, я не знаю, — от напора подруги совсем растерялась.

— Я не требую ответа. И вообще, возможно лезу не в своё дело. Но просто рассмотрите эту возможность. Здесь безопасно, у тебя будет время заниматься любимым делом. Подумай о детях. Здесь отличные школы и тебе не придётся беспокоиться о безопасности малышей. Здесь у вас есть будущее.

Домик.

Совсем небольшой. Уютная гостиная, полная солнечного света, пёстрые занавески на окнах. Лестница наверх. Детский смех и разбросанные игрушки. Небольшой садик сзади. Спокойствие.

А ведь это совсем неплохо и намного лучше существования в старой халупе, продуваемой северными ветрами.

— Я подумаю.

— Спасибо, большего не прошу, — улыбнулась подруга и вдруг посерьёзнала. — Великие, что же я делаю. Ты устала с дороги, не отдохнула, не привела себя в порядок, даже не поела, а я со своими предложениями! Прости, я такая рассеянная. Идём, я тебя провожу в покои. Уверена, они тебе понравятся.

Но стоило нам выйти в коридор и пройти пару шагов, как Селина вдруг побелела, замерла, хватаясь за стену и тяжело дыша.

— Великие, Селина, что с тобой?

— Кажется, мне лучше вернуться в зимний сад. Я думала, уже всё прошло, но, кажется, ошиблась.

— Я провожу тебя.

К нам уже спешили слуги. Один из них взял герцогиню за локоть и повёл назад, а другой подошёл ко мне.

— Разрешите проводить вас в ваши покои, госпожа Белфор.

— Но, — я с тревогой смотрела в спину Селины.

— С ней всё будет хорошо. Лекарь уже отправил помощника за специальным маслом. Он скоро вернётся, — поспешил успокоить меня молодой человек. — Не переживайте, мы наблюдаем за герцогиней. Всё время.

— Я понимаю, но всё равно её состояние меня тревожит, — ответила я, бросив еще один взгляд в сторону зимнего сада.

Покои, которые для меня выделила Селина, потрясли воображение. Это были действительно покои, состоящие из спальни в нежно-лиловых тонах, уютной гостиной, личного будуара, ванной комнаты и даже с небольшим кабинетом.

— Ваши вещи уже доставили, госпожа Белфор, — сообщил слуга, когда я огляделась. — Герцогиня прикрепила к вам одну из наших служанок. Её зовут Криста и она будет временно исполнять обязанности вашей горничной. Если вы не возражаете.

— Горничной? — переспросила я.

— Да. Криста поможет разобрать вещи, приведёт их в порядок. Будет помогать вам, готовить ванны...

— Да, спасибо, я знаю обязанности горничной, — перебила его. — Хорошо. Давайте вашу Кристу.

Горничная оказалась худенькой смуглой девушкой с бездонными карими глазами и вежливой улыбкой.

— Я разложила ваши вещи, госпожа. Желаете принять ванную после путешествия?

— Да, было бы неплохо.

Мне нетерпелось смыть дорожную пыль и, наконец, почувствовать себя чистой.

— Я сейчас всё сделаю. Какое платье вам подготовить?

Мой гардероб за этот год потерпел значительные изменения. Я не тратила баснословные суммы, как Элодия. Но в нём больше не было старых, залатанных вещей. Ткани были хоть и не дорогие, но добротные, светлых оттенков, силуэты нарядов простые, без лишних оборок, рюш и воланов, но элегантные. А ещё они были очень удобные.

— Серо-голубое в мелкий рубчик.

— Хорошо, госпожа.

Через час с лишним, приняв ванную с ароматными маслами и переодевшись, с волосами, убранными в простой узел и украшенными живыми цветами, я вышла из спальни и направилась вниз.

Путь к лестнице я запомнила, а там, уверена, и до столовой недалеко.

Но стоило мне спуститься с лестницы, как меня тут же окликнули.

— Госпожа Белфор, — граф Элкиз появился откуда-то сбоку и перегородил мне путь. — У вас есть для меня пару минут?

— Что-то серьёзное, милорд?

— Я хотел бы кое-что с вами обсудить.

— Со мной? — усмехнулась я и покачала головой. — Уверены, что не ошиблись?

— Нет. Дело касается Сайлоса Фроста.

— Что?

«Нет, он не может знать. Не может...»

— Вы меня прекрасно слышали.

— Что вы хотите? — нахмурившись, спросила у него.

— Поговорить.

— Хорошо, — сдалась я и последовала за ним.

Вот и открылась причина доброты и интереса Леонарда Торнтон. Осталось только узнать, как ему стало известно о Фросте и что он потребует взамен.

— Я знаю, что под личиной Сайлоса Фроста скрываетесь вы, — произнёс мужчина и застыл, ожидая реакции.

Они сидели в небольшом кабинете в западном крыле замка, который Архольд специально выделил ему. Это была небольшая комната, выдержанная в зелено-коричневых тонах, окна которой выходили в сад. Не то, чтобы Леонард любил любоваться цветами и искусным ландшафтом, но свежий ветерок его более чем устраивал. А еще солнце, которое светило в окно поздним вечером, освещая комнату оранжевыми красками уходящего дня.

Белфор в ответ даже не дёрнулась, продолжая невозмутимо сидеть на мягком стуле с высокой спинкой. Ровная спина, прямые плечи, руки с узкими запястьями, чинно сложенные на коленях, спокойный взгляд серо-зелёных глаз. Коротко стриженные ноготки, которые были совершенно немодного естественного цвета. Пару лет назад из Эмират пришло новое веяние на яркие, кричащие краски для ногтей. Последнее время их еще стали украшать искусственными камнями, пудрой и пёрышками. Айоле всё это было чуждо и неинтересно.

Безукоризненные манеры, графу было не к чему придраться. Даже одежда за эти годы поменялась, став более дорогой и качественной. Без лишних украшений, оборок и рюшей, вырез был достаточно высокий и открывал лишь нежную кожу на ключицах, которую не скрывали тяжелые и броские украшения.

И при всём при этом, несмотря на манеры и поведение, в Айоле присутствовал какой-то скрытый вызов, непокорность. Ни капли кокетства, страха или подбострастия, а вместо этого открытость, уверенность и строгость.

Белфор легко встретила его взгляд и лишь слегка поморщилась, будто от головной боли.

— Кто вам сказал?

— Я долго искал господина Фроста, даже добрался до некоего Филиаса Джентри.

— Мистера Джентри?

Хоть какие-то эмоции: недоверие, сомнение и едва заметное отчаянье.

— Он вас не сдал. Стоял горой, — неожиданно произнёс мужчина, словно пытаясь её успокоить. — Но стоило мне узнать, что этот господин является вашим поверенным, как

всё стало ясно и понятно.

— Прошу прощения?

— Это вполне в вашем стиле, леди Белфор.

— Что вы можете знать о моём стиле? — голос хоть и был тихим, но в нём слышался гнев и вызов.

— Вы не любите следовать правилам и нормам. И всегда готовы их нарушать.

— Весьма странное заявление от человека, который меня совершенно не знает.

— Поверьте мне, госпожа Белфор, мужчина после парочки успешно выполненных заказов сразу бы открылся и стал пожинать плоды своей славы. Но не вы. Неужели думаете, что мне нужно хорошо знать ваши привычки, чтобы понять, какая вы на самом деле? — насмешливо протянул он. — Знаете, госпожа Белфор, это было очень умно взять псевдоним и представиться мужчиной. Будь вы хоть трижды талантливы, в связи с вашим полом, заказов было бы гораздо меньше. Стереотип о том, что женщины не могут быть талантливыми артефакторами, очень силён.

— Вы говорите совсем как мой профессор. Тот тоже утверждал, что место искрящей в палатке лекаря или на уроках этикета и столь тонкая наука требует аналитического ума и сосредоточенности. А эти качества крайне редки у девушек, в голове у которых мысли лишь о балах, танцах, перьях и женихах, — сухо ответила она.

— Я так понимаю, вы его не слушали.

— Что вы хотите, граф? — ушла Айола от ответа, которой стал надоедать этот разговор.

— Мне нужен артефакт, — ответил тот и протянул бумаги, которые аккуратной стопкой лежали у него на столе.

Девушка взяла документы и углубилась в чтение, давая возможность Тонтону еще раз осмотреть себя. На этот раз более внимательно, пристально, не боясь быть застигнутым врасплох.

Хрупкая и изящная как все северянки, тоненькая талия, небольшая грудь, узкие бёдра. Светлая, гладкая кожа, едва тронутая легким загаром. Тонкие черты лица, алые губы, никогда не знавшие ярких помад и блесков, густые ресницы и светло-зелёные глаза, похожие на ягоды спелого винограда. Пшеничного цвета волосы, собранные в простой узел и украшенные настоящими цветами. Пара коротких влажных прядей прилипли к шее, скорее всего девушка только недавно приняла ванную.

Отчего-то от этой мысли стало жарко. Перед глазами возникла соблазнительная картинка обнажённой фигурки, которую укрывала от его жадного взора лишь густая мыльная пена.

— Это невозможно, — произнесла Айола, возвращая его в реальность. Девушка оторвалась от изучения бумаг и взглянула на него, даже не подозревая, какие мысли витали у него в голове в этот момент. — То, что вы предлагаете, просто невозможно.

— Я бы не был столь категоричен, госпожа Белфор. Это просто никто никогда не делал. Вас считают новатором в артефакторском деле, ваши способы уникальны и не похожи ни на чьи другие.

— Просто потому, что мастера отказывались брать в ученики девушку. Приходилось всё осваивать самой. Но это, — она потрясла бумагами. — Это совсем иное.

— Всего лишь вызов. Неужели вы не хотите его принять?

Играть на тщеславии было опасно, но и отступить Леонард не хотел. Ему нужна была эта девушка и её талант. Очень нужна.

— А если я откажусь? Что тогда? Расскажите всем о моём обмане?

— Какая мне с этого выгода. Но если вам удастся создать артефакт, то вознаграждение

будет более чем приличным. Тысяча золотых вас устроит?

— Сколько? — голос от неожиданности сел, став таким низким и глубоким, что у мужчины внутри всё напряглось.

— Одна тысяча, — спокойно повторил Торнтон, быстро беря себя в руки. — И шанс стать первой. После этого вам больше не придётся прятаться под личиной Фроста. Даже ваш пол не спугнёт потенциальных покупателей.

— Всё это очень заманчиво, — девушка положила бумаги на стол и с сожалением покачала головой. — Но я вынуждена отказаться.

— Могу я узнать почему?

— Сразу после свадьбы я уезжаю вместе с мужем в горы. А вы знаете, как там работает почтовое сообщение.

— Насколько мне известно, моя сестра предложила вам иной вариант.

Тихий смешок и Айола недоверчиво хмыкнула.

— Вам и это известно. Поражаюсь вашей осведомлённости, граф Элкиз.

В глубине зелёных глаз сверкнуло что-то похожее на смешинку.

— Предпочитаю быть в курсе того, что важно.

— Вы просто хотите получить этот артефакт.

— И это тоже. Не отрицайте, госпожа Белфор, вам интересно. Вы были бы плохим артефактором, если бы не испытывали азарта и желания достичь невозможного.

— Не буду отрицать. Но сейчас у меня в приоритете совсем другое. Я семь лет шла к своему счастью и собираюсь посвятить себя ему. Так что спасибо за предложение, но...

— Не спешите отказываться. До вашей свадьбы еще две недели и вполне возможно, что вы примите предложение Селины. Было бы крайне недальновидно отказаться от него.

Айола не обиделась, неожиданно мягко улыбнулась, приподняв уголки губ:

— Никогда не сдаётесь, милорд?

— Не имею такой привычки.

Она задумчиво посмотрела на него и неожиданно кивнула:

— Хорошо. Вы сумели меня заинтересовать, граф. Я хочу еще раз посмотреть ваши пожелания, более внимательно.

Подавшись вперёд, Айола вновь взяла бумаги, умудрившись при этом зацепить небольшой белый конверт. Он медленно спикировал вниз и упал к её ногам.

— Ой, — девушка наклонилась, чтобы поднять письмо и замерла.

Лео знал, что она почувствовала: удушливый аромат розовой воды, — и ощутил непонятное раздражение.

— Хм, кажется, это ваше, — пробормотала она, протягивая ему конверт с легкой усмешкой на губах.

— Благодарю.

— Раз у вас всё, я пойду, меня ждёт восхитительный ужин.

— До свидания, госпожа Белфор.

После ухода девушки Торнтон некоторое время сидел в кресле, рассматривая белоснежную бумагу со всех сторон. После чего смял и выбросил в корзину.

Маркиза становится слишком навязчивой и требовательной. Давно пора её проучить.

Бросив взгляд на кресло, он увидел небольшую веточку незабудки, которая, по всей видимости, выпала из причёски Айолы. Леонард сам не знал, зачем встал и взял её в руки, рассматривая хрупкое нежно-голубое соцветие. Просто захотелось и это тоже было совершенно не свойственно мужчине.

Хмыкнув, Торнтон положил незабудку на край стола и подошёл к окну, наблюдая за тем, как яркое солнце медленно двигалось к закату.

Что ж у него впереди целых две недели, чтобы убедить девушку взяться за заказ. Не мало, если подумать. И Леонард совершенно не сомневался в том, что у него всё получится. Как всегда.

*Гуи — это человекоподобные существа под два метра ростом, мощные, с огромными лапами и покрытые жесткой белой шерстью, которая оберегает их от суровых морозов. Голова маленькая, приплюснутая, а рот полон острых зубов, которые играючи могут разорвать горло жертве. Людоеды, которые спускаются с Северных гор и периодически нападают на селенья княжества. Служба в отряде охотников опасна, но очень высоко оплачивается.

Глава Третья. Возлюбленный

Мы с Иваром выросли вместе и дружили чуть ли не с пелёнок. Нашей дружбе не могло помешать классовое различие и недовольство отца. Тот всегда считал, что мне не стоило так близко общаться с деревенскими ребятами. Я же Белфор.

О своём положении и великой фамилии я знала всегда. Отец рассказывал, как еще его прадед, пятый сын великого князя Белфор, самый младший отпрыск, прошел против воли отца и женился на обычной девушке. За что и был с позором изгнан из отчего дома и осел в небольшой деревушке. Денег у него было немного, но хватило, чтобы построить небольшой, но добротный домик в два этажа, завести небольшое поголовье длинношерстных яргов и прожить долгую счастливую жизнь, обзаведясь с возлюбленной троицей детишек. Мы с отцом были последними прямыми потомками того Белфора.

После смерти матери, отец так и не женился, и на мне род должен был угаснуть.

Жили мы по деревенским меркам довольно неплохо, по городским — с трудом перебивались. Но меня всё устраивало. Наш дом был всё-таки же большим и тёплым, суровые зимы были ему не страшны и ветра не продували. Нам хватало дров и продуктов. Даже была пара слуг: старая кухарка и её муж, который помогал отцу в разведении яргов — убирал в хлеву, носил солому. Весной, если водились лишние деньги, папа нанимал рабочих с деревни для выпаса стада и размножения скота. Меня, естественно, к этим работам не допускали, и папа старался на месяц-два отправить к тётке Полин.

Ярги были нашим спасением. Из длинной шерсти (высоко ценились светлые оттенки) мы пряли нити, которые потом продавали на базаре. Мясо, молоко и жир не давали умереть с голода и были очень сытными. А весной яргов ставили в плуг и пахали небольшие поля, в надежде получить хоть какой-то урожай на обветренной земле, почти лишенной плодородного слоя.

Ивар был сыном местного кузнеца. Самый младший в семье, он был совсем непохож на своего отца, жилистого и могучего господина Жбана. Такой же высокий, но худощавый с длинными руками и ногами, медного цвета волосами, веснушками на носу и щеках. Тёмно-карие глаза весело смотрели на мир, а с губ почти никогда не сходила улыбка. Он был так похож на солнышко, что к нему тянулись все. В том числе и я.

Моя первая и единственная любовь. Ивар был старше меня на два года и производил впечатление взрослого, умудрённого жизнью парня.

Мне было тринадцать, когда я узнала, что дочка мельника крутит перед ним хвостом и зовёт прогуляться ночью под ракитой. Ох, сколько слёз я пролила, обнимая подушку, как ревновала и злилась, мечтая вырвать девке все волосы. Куда мне было до румяной, сформировавшейся Мирты, на которую даже деревенские мужики заглядывались.

Я была поздней девушкой и сформировалась лишь к шестнадцати годам. Резко, в пару месяцев. Весной уехала к тётке щуплым, угловатым подростком с тоненькой косичкой, а вернулась совсем другой. Нам с тёткой пришлось трижды перешивать гардероб, чтобы хоть как-то уместить в него начавшие расти грудь и бедра. Талия неожиданно стала тоньше на пару сантиметров. Волосы приобрели пшеничный оттенок, заблестели на солнце, став такими густыми, как никогда. Губы заалели, а ресницы и брови потемнели, делая лицо более выразительным.

— Ох, как на матушку похожа. Пряма глаз не отвести, — шептала тётушка перед моим отъездом.

— Глупости, — недовольно ворчала и злилась Элодия, которую мои изменения выводили из себя. Она привыкла быть первой красавицей и не терпела конкурентов. — Как была деревенщиной, так и осталась.

Но обидеть кузина меня не могла. Я ежедневно видела результат в зеркале и едва не плясала от счастья, мечтая как можно быстрее вернуться домой.

Я помнила, как застыл папа, увидев меня в первый раз, как заблестели его глаза и задрожали губы.

— Ты выросла, — прошептал он, обнимая и прижимая меня к груди. — Стала совсем взрослой.

Я едва смогла дожидаться следующего утра, почти всю ночь не спала, кружась с одного бока на другой. Встала на рассвете, встречая яркое солнышко.

Платье я выбирала тщательно. Достала нежно-голубое с белыми цветами, которыми был расшит широкий подол. То самое, в котором лиф был таким плотным, что грудь едва не вываливалась, визуально становясь еще больше. Я могла даже посоревноваться с Миртой. Достала мамин кулон, который попал прямо в ложбинку. Волосы распустила, заколов шпильками небольшие пряди на затылке.

— Ты куда? — отец поймал меня в дверях.

— В деревню, — запнувшись и едва успев затормозить, ответила я.

— Так рано.

— Мне надо ленты купить. Тётя денег дала. Немного. Хочу платя украсить, — ответила ему.

И ведь не солгала. Платья действительно надо было хоть немного украсить и ленты для этого подходили больше всего.

— Хорошо. Будь осторожна.

— Буду, папочка, — встав на цыпочки, я поцеловала отца в щёку, схватила корзинку и выбежала на улицу.

Купив в лавке всё необходимое и получив десяток комплиментов от господина Ставраса, я выскочила на крылечко и огляделась.

«Где же может быть Ивар? Отцу помогает? Скорее всего...»

Я замялась, не зная, как поступить дальше, какой повод придумать, чтобы зайти в кузню. И нужен ли он вообще.

Тряхнув головой, я быстро пошла по дорожке.

«Не нужен мне повод. Просто пойду и просто поздороваюсь. Целый же месяц не виделись. Просто вежливость».

— Доброго утра, госпожа Ирма, — поздоровалась я с матерью Ивара, которая вышла с большим тазом, полным белья.

— Доброе, — женщина поставила таз на пенёк и подслеповато на меня взглянула. — Айола, ты ли это?

— Я, госпожа Ирма, — ответила ей, чувствуя, как пылают щеки.

— Надо же, как выросла. Расцвела. И на мать так похожа.

— Спасибо. Я вот в лавку господина Ставраса ходила. За лентами. И дай, думаю, заскочу, поздороваюсь.

— Тебе Ивара позвать? — догадалась она.

— Будьте так любезны.

— Сейчас. Ивар! — женщина громко крикнула, поворачиваясь к кузне. — Ивар! К тебе Айола пришла.

— Иду! — раздалось в ответ.

Эта минута была самой длинной в моей жизни. Я стояла за плетнем, с силой сжимая ручку корзины, заливаясь румянцем и кусая губы. Заметит ли? Увидит ли? Почувствует ли?

Ивар, весь чёрный от копоти, но всё такой же жизнерадостный, не спеша вышел из кузни, щурясь от яркого солнца и пытаясь привыкнуть к новому освещению.

Поэтому и разглядел меня, только когда подошёл совсем близко.

— Айола, — едва не споткнувшись о какую-то ветку потрясенно произнёс молодой человек и неловко вытер руки о фартук. — Ты... Здравствуй.

— Здравствуй, — улыбнулась ему в ответ. — Я приехала.

— Вижу, — еще тише ответил он, ощупывая взглядом мою фигурку, замерев на долю секунды на медальоне и груди. — Хорошо выглядишь.

— Спасибо. Ты тоже... подрос.

Он неловко хмыкнул, продолжая изучать мои явные изменения.

— Я рад, что ты вернулась. Без тебя было скучно.

«Скучал... он скучал по мне...»

— Как у вас тут дела? — беззаботно продолжила я, переступая с пятки на носок.

— Да вот, отцу помогаю.

— Ясно. — Разговора не получалось. — А я в лавку бегала. Домой вот иду. Решила зайти поздороваться.

— Угу.

— Была рада тебя видеть, — разочаровано протянула в ответ, не зная, что еще сказать.

— Айола! — внезапно произнёс молодой человек. — Ты придёшь сегодня? Будут песни, танцы.

— Я не знаю. Приду, наверное. Если приглашаешь.

— Буду ждать.

Я лишь улыбнулась и бегом пустилась по дороге, чувствуя себя такой счастливой, будто за спиной выросли крылья.

«Он будет меня ждать...»

На вечерние гуляния я пошла, мы даже станцевали пару раз, неловко переглядываясь и улыбаясь. Под тяжелыми и ревнивыми взглядами Мирты и других деревенских девчонок. Но какое мне было дело до них.

От былой лёгкости общения не осталось и следа. Каждый боялся сделать шаг и быть отвергнутым. Мы будто застыли посреди пути. И назад не вернёшься и вперёд идти страшно.

Всё изменилось через неделю. У Молохова ручья.

Честно говоря, это был и не ручей вовсе, а самая настоящая полноводная река с быстрым течением и холодными ключами, которые пробирала до костей даже в самое жаркое время года. А Молоховым он стал по имени молодого князя, который утонул здесь лет двести назад, когда пьяный на спор пытался переплыть со своими друзьями водоём. Не вышло, и тело его так и не нашли. Поглотила река.

Нам ни в коем случае не разрешалось там купаться. Даже деревенским. Мне вообще запрещалось думать о таком, негоже потомку князей Белфоров оголяться перед челядью, уподобляясь безродным крестьянам. Для моего омовения набиралась тёплая вода в небольшую деревянную кадуюшку, которую ставили в специальной маленькой комнате каждый вечер, даже в самую лютую стужу.

Таким образом нам даже подходить к ручью не разрешалось, не то что купаться. Но

разве это могло остановить молодых ребят? В паре километров от деревни, там, где река делала небольшой завиток, за кустами густого можжевельника была небольшая заводь, в которой и течения не было и ключей не наблюдалось.

Конечно, купаться у всех на виду никто не решался. Но я слушала, что молодые ребята поздно вечером, когда вода немного прогреется, решались здесь окунуться. В обычное же время все девушки, в том числе и я, могли позволить себе лишь аккуратно помочить ноги, приподняв подол платья и демонстрируя изящные лодыжки, или умыться.

Молодежь в конце дня собиралась тут не ради купания. Место хорошее, уединённое. Травка зелёным ковром стелилась у ног, кругом яркими огоньками цвели полевые цветы: колокольчики, васильки и дикие ромашки. Чуть дальше по склону, ближе к небольшому кряжу, который неприступной стеной возвышался над долиной, росли дикие кусты спелой малины и ежевики. Мы набирали в листья лопуха спелые ягоды и с наслаждением ели, любясь уходящим днём.

Было здесь и специальное место для парочек. Небольшое сваленное дерево под раkitой у самой реки, надёжно укрытое длинными ветвями. Все знали, если парень приглашает девушку посидеть там, то это что-то вроде признания.

Сколько раз я видела, как парочки уходили туда. Обычно на небольшом расстоянии друг от друга. Девушка впереди, слегка склонив голову, пряча счастливую улыбку и теребя конец длинной косы. Парень шёл чуть позади, сложив руки за спиной, такой беззаботный, ленивой походкой, в которой чувствовался страх — ответит или нет девица? Мы смотрели им вслед, хихикали и тайно завидовали, мечтая, что и нас когда-нибудь пригласят, как взрослых.

Тем вечером наша небольшая компания собралась почти полным составом и разбрелась на небольшие группы. На пригорке рядом со мной сидели ещё Олисия и Кармина. Две сестрички никогда не выделяли меня и не относились с настороженным пренебрежением, за глаза называя «княжной-босячкой». В последнее время благодаря Мирте это прозвище всё чаще раздавалось в нашей компании. Никто уже не боялся, что я услышу, ожидая реакции.

За последние дни, после моего возвращения от тётки, напряжение только усилилось, и я всё никак не могла понять причин. И надо бы отказаться от этих посиделок, тем более, что папа всегда был против, но я не могла лишиться последнего шанса видеться и общаться с Иваром.

Слева вновь громко расхохоталась компания Мирты. Я невольно поёжилась, не в силах избавиться от мысли, что смеются они сейчас надо мной.

— Не обращай внимания, — тихо произнесла Кармина, заметив моё состояние. — В последнее время Мирта как будто с цепи сорвалась. Ходит, рычит на всех.

— Чего не рычать, — поддержала сестру Олисия. — Мне Гейл рассказал, что Ивар ей от ворот поворот дал.

— Как? — не поверила я, чувствуя, как вспыхнули щеки.

— А вот так. Гейл не знает, что произошло, но расстались они.

— Теперь понятно, чего она такая злая, — кивнула Кармина. — И на тебя не зря косится.

— Я-то здесь причём? — срывая ромашку, пробормотала в ответ и принялась срывать один лепесток за другим.

Белоснежные капельки одна за другой падали на подол платья и сползали вниз.

— Шутишь аль не видишь? — переспросила Олисия и тут же замолчала, получив от старшей сестры удар локтем в бок. — Чего?.. Ой.

Отчего-то стало тихо, лишь ветерок ласково теребил волосы, которые щекотали кожу на лице. Подняв голову, я встретилась взглядом с серьёзными карими глазами.

— Ивар.

Его имя само сорвалось с губ, застыв между нами, усиливая и без того тяжелое напряжение. Замерли не только не мы, вся молодёжь на полянке.

— Привет, Айола.

— Здравствуй.

— Ты сейчас занята?

— Нет.

— Пойдём? — Ивар с улыбкой протянул мне руку.

— Куда? — спросила я, но руку подала, позволяя поднять себя с земли.

— Прогуляемся, — беззаботно ответил молодой человек.

Стоило мне встать, как он тут же отпустил мою руку.

Мы и правда прошлись по полянке, рядом друг с другом, практически не говоря.

— Айола, — неожиданно тихо произнёс Ивар, когда мы остановились у ручья, в спокойной глади которого отражались яркие лучи заходящего солнца.

«Пора идти домой. И так задержалась. Отец будет волноваться...»

— Что? — спросила у него, переводя взгляд с реки на молодого мужчину.

Вместо того, чтобы ответить, он вновь взял меня за руку и потянул в сторону ракиты. Отказать я не смогла, даже возразить. Это был самый настоящий шок.

Мы вошли внутрь, ветви сомкнулись и снова наступила тишина.

Оглядевшись по сторонам, я не смогла сдержать тихого смешка.

— Ты смеёшься? — осторожно спросил Ивар, наблюдая за мной.

— Я всегда думала, каково здесь? Нет, мы с девчонками тут были. Но каково это приходить сюда с парнем.

— И как? — молодой человек сел на поваленное дерево, опираясь спиной о ствол ракиты.

Пожала плечами, еще раз всё осматривая.

— Так же, — призналась ему. — Только ты есть.

— Это плохо?

— Нет, — покачала головой, легким движением руки убирая косу за спину, после чего добавила значительно тише. — Я всегда хотела побыть здесь именно с тобой.

Признание далось легко и стыдно за него не было. Ивар наверняка видел моё отношение и не мог не знать, что нравится мне. Так зачем юлить и скрываться? Мне даже легче стало.

— А твой отец?

— Мне уже шестнадцать. Он должен понять, что я взрослая, — вспыхнула в ответ.

Мне не понравилось напоминание о папе. Оно смущало, заставляло чувствовать себя виноватой. Ведь я точно знала, что ему это не понравится.

— Айола, я...

Закончить Ивар не успел. Совсем рядом раздался резкий вскрик, за ним еще один и еще, пока его не сменил громкий ужасающий вой, от которого кровь застыла в жилах.

— Вурдов зверь, — выдохнул молодой человек и меня еще сильнее затрясло.

Одни из самых опасных существ Изгара. Те, что наряду с гуи жили высоко в горах и были опасными хищниками.

Вой повторился еще ближе.

— Надо уходить, надо, — прошептала я, собираясь выбежать из укрытия.

— Стой! — прошипел Ивар, хватая меня за плечо. — Нет. Нельзя. Мы не успеем добраться до сторожки. Слишком далеко.

Он был прав. Сторожка находилась чуть выше по склону в полукилометре от нашего убежища. И ребята вполне могли успеть до неё добежать. В отличие от нас. Мы были слишком далеко, на самом краю.

— Но это Вурдов зверь... он же, — пролепетала я, смотря как Ивар быстро стаскивает с себя жилетку, а следом и рубашку, бросая вниз.

— Быстро в воду!

— Что-о? — выдохнула я и вздрогнула, когда вой раздался совсем рядом. Мне кажется, я даже услышала звук шагов этих тварей, часть которых уже неслась к нам.

— Быстро, — молодой человек закончил раздеваться и снова подтолкнул меня к ручью. — В воду.

— Но там холодно и я не умею плавать.

— Я умею! — отчеканил он. — Айола! Они уже рядом! Нельзя медлить.

— Мы не сможем переплыть, — в отчаянье пролепетала я, входя в воду, которая тут же обожгла кожу, подол платья стал тяжелым и неудобным.

Обхватив плечи руками, я шла всё дальше, спотыкаясь на неровном дне, путаясь в тине и водорослях, пока вода не достигла талии. Всё тело покрылось дрожью и зубы застучали.

— Ивар, — в отчаянье прошептала я, когда рядом со мной, обрызгав ледяными каплями не упало бревно. То самое, счастливое.

— Хватайся, — молодой человек оказался рядом. — Быстрее. Нам надо уплыть. Давай же.

— Но там течение, — произнесла я и тихо охнула, увидев быстрые тени на самом берегу.

Вурдовы звери были похожи на лишенных шерсти гончих. С длинным черным телом, мощными лапами, острой мордой, полной кривых зубов, узкими ушами и алыми глазами. Они метались у самой кромки воды и тихо рычали, злобно поскуливая.

Я так испугалась, что даже сдвинуться не могла. Ивару пришлось встряхнуть меня, подгоняя.

— Не стой, Айола, — и потянул дальше. — Не стой.

Одна из тварей решила войти в воду, высоко поднимая лапы и клацая острыми зубами.

— Проклятье. Не может быть.

Вот и вторая тварь влезла в воду, за ней потянулась третья.

— Хватайся за бревно, — командовал молодой человек. — Быстрее!

Всего один небольшой шаг, и я сразу провалилась почти по шею, нелепо взмахнув руками и едва не теряя равновесие.

Платье тянуло вниз, бревно было скользкими и пальцы то и дело сползали. А еще было очень холодно и страшно.

— Держись, Айола, только держись.

Ивар был рядом, придерживал меня, не давал пойти на дно, наглотившись воды.

— Мы не сможем. Они уже рядом, — всхлипнула я, зажмурившись.

— Ошибаешься, — ответил он. — Бездна! Получилось!

Открыв глаза, я увидела, как самый первый зверь с визгом ушел на дно, за ним другой.

— Они... они, — недоверчиво прошептала я.

— Не умеют плавать. Старый Майлз был прав, — произнёс молодой человек, хрипло рассмеявшись. — Теперь нам надо просто подождать. Скоро придёт помощь. Держись, Айола. Только держись. Не замерзай. Мы должны продержаться! Обязаны!

Я с трудом кивнула, уже не чувствуя ног, и держалась за бревно только на упрямыи. Вурдовы исчадьа метались по берегу, прыгали в ручей, обдавая нас брызгами, тонули, рычали, выли, но сделать ничего не могли. Один раз тварь оказалась от нас в метре. Я видела, как клацнули зубы, прежде чем она погрузилась на дно, сверкая алыми глазами.

— Великие, — едва слышно прошептала я, отворачиваясь.

Это было жутко.

— Не смотри.

Каждая минута была для нас вечностью. Потом я просто потеряла счет времени.

У меня так онемело и замерзло тело, что я едва не теряла сознание. На берег в стусившихся сумерках меня вынес Ивар. Молодой человек сам с трудом держался на ногах, но помог мне выбраться, прежде чем самому обессиленно растянуться рядом.

— Г-г-где?

— Охотники прогнали. Тебя надо согреть.

— Х-хо-л-ло-д-д-д-но, — простонала я, едва шевеля языком. Вновь застучали зубы. Да так сильно, что я испугалась как бы они не раскрошились от таких ударов.

— Мои вещи. Растерзали, конечно, но они сухие.

Ивар, натужно кашляя и задыхаясь, на коленях дополз до ракиты, где валялись остатки его жилета и рубашки.

Я скрючилась на земле, подтянув колени к груди и обхватив их руками.

— Сейчас придут. Айола... сейчас. Нас... тебя должны искать, — Ивар упал рядом со мной, прижимая к себе и укрывая тряпками, которые почти сразу намокли, став такими же влажными. — Айола.

Я слепо потянулась к нему, едва дыша от холода.

— Ивар... Я хотела...

— И я хотел, — кивнул он. Его руки заскользили по моей спине, пытаюсь согреть. — Ты очень красивая, Айола... У меня дух захватывает, когда я думаю о тебе... Как солнечный лучик...

— Я тоже, — прошептала в ответ. — Тоже...

А дальше всё исчезло в тумане, обдувая холодной изморозью и инеем застывая на губах.

Купание более получаса в ледяной воде не могло пройти бесследно — я заболела и около недели провалялась в горячке. Первые дни были самыми тяжелыми, я почти не приходила в себя, металась по постели, несла какую-то ерунду и чуть не свела с ума отца, который всё это время дежурил рядом, пытаюсь влить лекарство и стирая липкий пот.

Потом стало легче. Я пришла в себя на третьи сутки. Открыла глаза, нашла отца и даже

улыбнулась ему, сообщив, что хочу пить. Сделав глоток, вновь уснула и беспробудно проспала до самого вечера. Уже без жара и повышенного потоотделения.

Очнувшись, первым делом увидела заплаканную тётю Полин, которая встретившись со мной взглядом, разрыдалась еще громче.

— Очнулась. Слава Великим. Как же ты нас напугала.

— А где папа? — морщась от боли в горле, спросила у неё и закашлялась.

— Я его спать отправила. Столько времени возле тебя провёл. Похудел страшно, того и гляди, сам в бездну отправится. Как же нас напугала.

— Простите, — тихо ответила, я вспоминая произошедшее: ледяную, пробирающую до костей, воду, монстров, которые носились по берегу, тепло Ивара. — Как давно я болею?

— Три дня уже. Я только вчера приехала. Так испугалась, — тётушка стёрла слёзы ладонью и продолжила. — Думали, отдала Богам душу, уйдёшь за матушкой... Такая же молодая.

— А Ивар? — перебила я её болтовню, с трудом приподнимаясь на локтях и снова падая на влажные от пота подушки.

— Какой Ивар?

— Тот парень, который меня спас.

— Ах этот, — тётя махнула рукой. — Сегодня уже прибегал. Спрашивал, как ты. Волнуется. Хорошенький такой.

— Живой, — выдохнула я, не в силах сдержать улыбку облегчения.

— Да что ему будет. Смышлёный мальчик. Кто же знал, что эти исчадья плавать не умеют. Хотя рисовано. Течение у Молохова ручья сильное. Как не потонули только. Других жалко, — добавила она, тяжело вздохнув, и тут же хлопнула себя по губам. — Ой.

— Кого других? — тут же уцепилась я, подавив зевок.

— Нечего я тебе не говорила. Отдыхать надо. Кушать хочешь? Тут бульончик есть, — засуетилась она, пытаясь сбить меня с толку.

— Тётя, я ведь всё равно узнаю.

Женщина строго на меня взглянула, но надолго выдержки не хватило.

— Хорошо, скажу, по большому секрету. Троих разодрали. Двух ребят и девочку.

— Кого? — во рту пересохло от страха.

— Я откуда знаю. Жалко, молоденькие совсем. А теперь пора кушать, а то смотреть страшно. Одни глазки остались.

Я послушно съела пару ложек бульона, запила всё морсом и снова уснула. Сил было еще мало и на долгие бодрствования меня не хватало.

На следующий день я чувствовала себя намного лучше. И пусть ломота в теле и усталость никуда не делись и от одной мысли о прогулке кружилась голова, но по крайней мере веки не тяжелели и спать сильно не хотелось.

— Пап, — широко улыбнулась я отцу, уставшему, но чисто выбритому и причёсанному. — Прости меня.

Он поймал мою ладошку и сжал, хрипло произнеся.

— Никогда не пугай меня так больше. Когда мы нашли вас на берегу. Великие, я решил, что звери и тебя растерзали...

— Я здесь, всё хорошо, — я мягко высвободила руку и нежно погладила отца по щеке. — Ивар спас нас.

— Да, — нахмурился он. — Спас.

Мы молчали некоторое время, пока я не решилась задать следующий вопрос.

— Пап, тётя рассказала о троих погибших... не злись на неё, — тут же поспешно добавила я. — Я её заставила. Она сопротивлялась. Правда.

— Ребят уже не вернуть, — отвернувшись, ответил отец.

— Кто это был?

Мне страшно было слышать имена, хоронить тех, кто сейчас в моём сознании был еще жив. Но мне было важно это знать.

— Айола, не стоит.

— Пап, прошу.

Покачал головой, но ответил.

— Киро Зорак...

Веселый обаятельный паренёк, который никогда не расставался с губной гармошкой, наигрывая озорные мелодии. Балагур и шутник с пронзительно-синими глазами.

— Пио Сэвино...

Рослый, широкоплечий парень. Угрюмый и молчаливый, но добрый. Я хорошо помнила, как отработав целый сезон в городе, он вернулся к нам и купил в лавке малышне целый кулёк сладости, который раздавал всем желающим.

— И Олисия, — тихо закончил отец.

Я не сразу поняла его.

— Леська? — едва слышно переспросила и покачала головой. — Нет, неправда.

Подруга. Жизнерадостная девушка, которая этой осенью собиралась выйти замуж за Гейла. Она почти закончила плести кружева для своего свадебного платья.

— Нет! — громче выкрикнула я и прижала ладонь ко рту, пытаюсь сдержать рыдания. — Нет, только не она. Только не Леська... А Кармина?

— Жива. Гейл собирается на службу к охотникам. Они уже несколько дней стоят в деревне на постое. Гоняют хищников, проверяют окрестности.

— Как это вообще могло получиться? Вурдовы звери не спускаются летом с гор, лишь зимой, когда еда заканчивается и особенно холодно. У нас же стоит заслон... как же так, — беззвучно зарыдала я. — Папа как же?

Он обнял меня, позволяя выплакаться у него на груди.

— Поплачь, милая, поплачь... Я тоже не могу понять, как такое могло произойти. У нас договор с охотниками... вот только в прошлом году глава отказался повышать цену.

Я дернулась, поднимая лицо и недоверчиво смотря в лицо отца.

— Пап, на что ты намекаешь? Ты думаешь, что они...

— Ничего, дочка, ничего. Это я так.

Ивару разрешили навестить на следующий день, когда отец вынес меня на улицу и усадил на скамейку, прикрыв ноги пледом.

Молодой человек пришел с большим букетом полевых цветов, серьёзный, возмужавший.

Произошедшее и на него наложило отпечаток.

— Красивые, — произнесла я, зарываясь лицом в букет.

— Я рад, что с тобой всё хорошо, — присаживаясь рядом, произнёс и осторожно взял меня за руку. — Айола, тогда у ручья... Я хотел сказать. Хотел сказать, что ты мне не безразлична. Наверное, это слишком безумно с моей стороны... Но скажи, есть ли у меня хоть шанс завоевать такую девушку?

— Ох, Ивар, если бы ты только знал, — прошептала я, не в силах продолжить от смущения.

Но молодой человек всё понял.

— Я поговорю с твоим отцом.

— Да.

... Отец был против.

— Айола слишком молода для брака. Ей только шестнадцать.

— Но, папа. Осенью будет почти семнадцать, — воспротивилась я, теряя голову от счастья.

Традиционно в Изгаре все браки игрались осенью. Допускалось другое время, но по особым случаям.

— Почти не считается. Ты еще слишком юна. Хотите встречаться, встречайтесь. Но не больше.

И мы встречались. Робкие прикосновения постепенно сменились поцелуями, сначала неловкими, короткими, но потом Ивар стал смелее.

Так прошел год. Мне исполнилось семнадцать, но с согласием на брак отец не спешил. А без него я не могла. Теперь нам ничего не мешало. Даже Мирта, которая той же осенью быстро выскочила за какого-то мелкого дворянина и уехала с ним, родив в конце зимы крепкого парнишку. У нас шептались, что отцом мог быть кто-то другой, но я не верила слухам.

— Он считает, что я тебе неровня, — в сердцах произнёс Ивар одним вечером, когда мы скрылись за пригорком от любопытных глаз.

— Ты не прав. Он просто очень любит меня и боится потерять, — я быстро подошла к юноше, кладя ладони ему на грудь и заглядывая в глаза. — Осенью мы обязательно поженимся. Отец мне не откажет.

— Откажет. Куда сыну кузнеца до дочери Белфоров? — горько произнёс он.

— От Белфоров остался лишь титул. Я люблю тебя, Ивар, и не отступлю.

— Не отступишь? — переспросил молодой человек, обнимая меня за плечи. — Уверена?

— Конечно, уверена. Ты моя жизнь.

— Тогда мы должны настоять. Должны поставить ему ультиматум.

— Ивар, я...

— Ты ведь доверяешь мне?

— Да, доверяю. Ты же знаешь.

— Тогда стань моей. Полностью. До конца, — жарко шепнул он, сильнее сжимая плечи.

— Ивар, — ахнула я и покачала головой. — Я не могу. Ты же знаешь, что не могу. Сначала свадьба.

Но он меня словно не слышал.

— После этого твой отец не посмеет нам отказать. Ты же любишь меня.

— Люблю, но я не...

Договорить он мне не дал, прижимаясь губами в поцелуе, который становился всё глубже и откровеннее. Руки опустились по спине и накрыли ягодицы, сильнее прижимая к его телу. Ноги подогнулись, и молодой человек увлёк меня на зелёную траву. Ладонь коснулась колена и поползла выше по обнаженному бедру.

Но мне было страшно. Нега сменилась паникой.

— Ивар, не надо, — прошептала я, пытаюсь оттолкнуть его, но сил не хватало.

Пальцы болезненно сжали ягодицу, а губы терзали кожу на шее, оставляя после себя крохотные синяки.

— Ивар! Нет...

Пальцы коснулись внутренней стороны бедра, и я едва не задохнулась от ужаса.

— Ивар!

Возникший свет заставил молодого человека отлететь от меня на пару метров. Так и проснулась моя искра.

По закону я должна была осенью отправиться в Академию, где меня обучили бы обращаться со своим даром.

Свадьба вновь откладывалась.

— Настоящей любви расстояние и время не преграда. Отучись и вернётся, — произнёс отец, утешая меня. — Это дар, от которого нельзя отказаться.

Я хотела проучиться всего год. Остальные четыре были добровольными, но новая жизнь захватила меня. Мне хотелось научиться всему, и я продолжила обучение, хотя сердце рвалось домой.

— Ты пойми, что это даст нам шанс на новую жизнь, — сказала я Ивару, вернувшись летом после первого курса. — Я получу не только диплом, но и возможности найти хорошую работу. Появятся средства, шанс стать кем-то другим. Будущее, которого сейчас у нас нет.

Он понял. Знаю, как было сложно, но понял, вновь поддерживая.

А два года назад Ивар примкнул к охотникам, прислав мне в Академию письмо.

«Я тоже хочу послужить ради нашего будущего. Хочу собрать денег. Мы обязательно построим домик и будем жить счастливо».

Кажется, сама жизнь разводила нас в стороны. Но теперь препятствиям конец. Совсем скоро мы поженимся и этому никто не помешает.

Глава Четвёртая. Скандал

— Маркиза Армель Констанци, — представила мне Селина красивую невысокую блондинку в провокационном алом платье, вырез у которого был таким глубоким, что казалось, грудь вот-вот вывалится на всеобщее обозрение. Никогда не была ханжой, но тут даже я удивилась. — Моя лучшая подруга госпожа Айола Белфор.

Получив заветное жасминовое масло, Селина быстро пришла в себя и весь вчерашний день провела в отличном настроении, сообщив к вечеру, что у неё появилась новая, совершенно потрясающая идея. Услышав это Корвил вздрогнул, но промолчал.

Я отлично помнила, как они враждовали в Академии, как Селина плакала горячими слезами, не в силах вынести горькие насмешки сангорианца. И видеть их такими счастливыми и влюблёнными было немного дико. Но при всём при этом я совершенно не сомневалась, что их чувства настоящие и искренние. Я отлично видела, как они переглядывались украдкой, как замирали, глядя в глаза в глаза, словно телепатически общаясь между собой, как старались лишней раз прикоснуться друг к другу.

— Я чувствую себя великолепно и поэтому, — Селина замолчала, выдерживая театральную паузу. — Поэтому думаю, что будет лучше, если мы на время переедем в наш особняк в столице.

— Кому будет лучше? — поинтересовался ухмыльнувшись спросил герцог.

— Всем, — твёрдо произнесла его супруга. — Айоле не придётся тратить два с половиной часа на дорогу и ночевать в гостинице. Не смотри на меня так, я отлично знаю, что именно так ты и собиралась сделать. Пожалела бы тётушку.

Тётя Полин тут же усиленно закивала, поддерживая хозяйку замка.

— Во-вторых, я буду волноваться о тебе, — продолжила Селина. — Напоминаю, что мне нельзя. Если буду волноваться, то будет переживать и мой супруг. А душевное равновесие герцога плохо сказывается на всех, — молодая женщина улыбнулась еще шире. — Поэтому и я говорю, что от нашего короткого переезда будет лучше всем. Тем более тебя и твоих кузин следует представить обществу.

— Это еще зачем? Ты же знаешь...

— Знаю, что ты собралась в горы. Но вдруг ты передумаешь, — Селина многозначительно понизила голос. — Вдруг предложение какое получишь. Выгодное. Тебе надо налаживать связи. Как и твоим кузинам.

— Ты уже всё решила? — спокойно поинтересовался Дерек.

— Да. Письмо отправила, слуги подготовят особняк к нашему завтрашнему приезду.

— А твоё самочувствие? — спросила я, не зная смеяться мне или плакать.

— Мне уже лучше. В любом случае с нами поедут лекарь и акушерка.

— И вы будете устраивать приёмы и балы? — восторженно захлопала в ладоши Элодия.

— По поводу бала не уверена. Слишком мало времени для подготовки, но светские вечера будут, парочку завтраков можно будет устроить. Кстати, на завтра у нас запланирован еще один.

Архольд расхохотался.

— Сэм, скажи, пожалуйста, а если бы я не согласился?

— Ну ты же согласился, — ничуть не смутилась она. — Тем более только вчера говорил о том, что тебе надо встретиться с герцогом Марлоу. Вот и встретишься.

На светский вечер «для своих» были приглашены человек пятьдесят, пришло около сорока пяти и каждому мне надо было улыбнуться, поздороваться и запомнить имя.

Хотя любовницу герцога Марлоу забыть будет сложно, такие женщины созданы для того, чтобы оставлять след в истории.

— Белфор, — задумчиво повторила она, приложив к губам сложенный веер, смиряя меня задумчивым взглядом. — Очень уважаемая семья в Изгаре.

О да, семья моего предка была очень могущественна и богата. А сейчас перед маркизой стояла девушка в простом платье нежно-голубого цвета, украшенная собственноручно вышитыми розами синего цвета. Из драгоценностей в ушах были лишь крохотные серёжки, оставшиеся от мамы.

— Младшая ветвь, — спокойно пояснила я, дежурно улыбнувшись.

— Зато вы искрящая, — ответила она. — Еще неизвестно, что лучше.

Взгляд холодных голубых глаз настораживал, и я вновь вспомнила слова Селины, которая рассказывала мне об этой женщине.

— Будь осторожна. Маркиза не из тех людей, которые легко прощают и забывают. Она расчетлива, цинична и злопамятна. Знаешь, никогда не думала, что буду радоваться тому, что Дерек чуть не женился на племяннице герцога. Поверь мне, если бы за него взялась эта дамочка, у меня ни было бы ни единого шанса.

— Почему же не взялась?

— Герцог запретил. Марлоу желал видеть Дерек своим родственником и делить любовницу тоже не особо хотел, — пояснила Селина. — Но она действительно опасна. Так что держи с ней ухо остро.

— Мне делить с ней нечего. Так что сомневаюсь, что у нас найдутся точки соприкосновения.

— В любом случае, мне кажется, что она уже нашла новую жертву и я не знаю, как на это реагировать.

— И кто же этот счастливец?

— Леонард...

...И теперь, смотря в расчётливые светлые глаза, я неожиданно почувствовала неприятный холодок по телу. Интуиция настойчиво шептала, что надо держаться от маркизы как можно дальше. Пусть она не знала о Фросте, но расслабляться было рано.

Вскоре я убедилась, что подруга была права.

Не знаю какими правдами и неправдами, но Элодии удалось выбить один танец у графа, и она всем и каждому об этом сообщила. Наверняка, кузина уже мысленно видела себя в храме с перевязанной лентой на запястье. Девушка очень старалась, чтобы остальные тоже так считали.

Время танца приближалось, кузина сияла, выискивая графа. Как человек чести (хотя бы номинально), он не мог не выполнить своего обещания. Я наблюдала за ними со стороны. Видела, как музыканты принялись готовиться к танцу, как образовывались пары и сияла от предвкушения Элодия, смотря на Элкиза, идущего к ней с холодной миной на лице. И так она на него засмотрелась, что не заметила маркизу, которая весьма правдоподобно споткнулась рядом с ней и плеснула рубиновое вино прямо в лицо.

Кузина вскрикнула, отшатнулась, путаясь в оборках платья, нелепо взмахнула руками и приземлилась прямо на пол.

Наверное, стоило броситься ей на помощь, но помощники нашлись и без меня. Даже Констанци решила сопроводить жертву в дамскую комнату, чтобы помочь Элодии привести себя в порядок.

Я, нахмурившись смотрела им вслед, отчётливо понимая коварство этой красивой

женщины. Это надо так умело унижить соперницу.

В общем я так засмотрелась, что не увидела остановившегося напротив мужчину, который совершенно спокойно произнёс:

— Госпожа Белфор, я могу пригласить вас на танец?

Мне очень хотелось сказать «нет». Безумно, до дрожи в пальцах и боли в груди. И я бы может и отказала ему, если бы не вспомнила, где мы находимся, и не заметила, что на нас все смотрят.

— Граф Элкиз, — медленно ответила ему, непокорно глядя в холодные светло-голубые глаза. — Какая неожиданность.

— Я обещал этот танец вашей кухне. Так как её нет, то я решил пригласить вас.

Наверное, он ждал радостных вздохов, восторженных охов и томных взглядов. Не дожждётся.

— Какая честь, — сухо ответила ему, бросая взгляд в сторону выхода.

Не появилась ли на горизонте злопамятная маркиза? Стать её жертвой мне совершенно не хотелось.

— Госпожа Белфор? — тёмная бровь приподнялась и взгляд стал такой выразительный, что я поняла — медлить больше нельзя.

— Благодарю за приглашение, — со вздохом ответила ему и протянула руку.

Его ладонь была неожиданно горячей и сухой. Никаких искр, томления или желания, окрасившего щеки ярким румянцем. Просто досада от его предложения и неожиданного внимания, в центре которого мы оказались. Отказаться было нельзя, такое непочтение вызовет слишком много толков. И ссориться с Леонардом не хотелось. Это лишние проблемы, а это просто танец и ничего больше.

Мы встали в середину зала, лицом к лицу на расстоянии полутора метров. Зазвучала музыка и синхронный шаг вперёд, соприкосновение рук и поворот. Еще три шага вперёд, и мы снова друг на против друга. Только на этот раз значительно ближе. Моя правая ладонь всё еще была в его, когда я положила левую руку ему на плечо, а его вторая рука бережно легла на талию.

Я почти сразу отвернулась, рассматривая гостей, замечая удивлённо застывшую Селину. Общаться не хотелось тем более, несмотря на то, что танец позволял это. Но у графа на всё было своё мнение.

— Вы подумали о моём предложении, госпожа Белфор?

Его голос раздался над самым ухом и зашекотал крохотные волоски, вызывая мурашки на коже и злость на саму себя. Не стоило так на него реагировать. По идее и танцевать с ним не стоило.

— Вы слишком торопитесь, граф, — спокойно ответила ему.

— Не люблю ждать.

Как и все наделённые властью мужчины.

— Ничем не могу помочь.

Мелодия сменилась, и мы чуть отступили друг от друга. Я опустила руки, в то время как Торнтон продолжал удерживать меня за талию.

Шаг вперёд, два назад. Его ладонь на талии обжигала и я чувствовала её тепло даже сквозь ткань. Не смотреть на него было всё сложнее, поэтому я сосредоточилась на небольшой брошке, которая украшала его белоснежный галстук. Красивая и стоит, наверное, целое состояние.

— Решили посоветоваться с будущим мужем? — уточнил мужчина, когда мы вновь закружились по залу.

— Считаете, что я не права и должна принимать решения за спиной жениха?

— Не мне вас судить, госпожа Белфор.

— А хочется? — уточнила у него, впервые поднимая взгляд.

Наверное, Торнтон совершенно не ожидал от меня этого вопроса, потому что выглядел немного удивлённым, совсем немного, но я успела заметить. Удивительно и непривычно было видеть в нём эмоции и человеческие реакции. Не холодный расчёт и невыразительная улыбка, а настоящие эмоции.

— Уже сложили обо мне представление?

— Разве я смею судить вас, граф, — едва заметно усмехнулась я, возвращая Торнтону его же слова.

— И я так понимаю, оно не совсем приятное.

— Я никогда не смешиваю работу и личное, — ушлая от ответа. — И не собираюсь делать это впредь. Мы с вами слишком разные, граф Элкиз. У нас разные представления о чувствах, морали, долге и семейных отношениях. Я не говорю, что это плохо. Вам с ними жить, а не мне.

— Как бы то ни было, именно мой характер, поведение и поступки помогли Селине стать счастливой.

— Но разве не они разлучили их с Дерекком пять лет назад? — сухо парировала в ответ, вновь находя взглядом подругу и замечая рядом Корвила, который что-то тихо шептал ей на ушко.

— Я всегда смотрю на конечный результат, а не этапы.

— Этим мы с вами и отличаемся, граф. Я предпочитаю оставаться честной на протяжении всей игры.

— Разве это возможно?

— Я к этому стремлюсь. Видите, насколько мы с вами непохожи.

Как огонь и лёд.

— А вам не говорили, что противоположности притягиваются?

— Не в этом конкретном случае.

— Когда мне ждать ответа?

— Завтра или послезавтра. Тянуть я не буду, не переживайте.

— Благодарю за честность, леди Белфор.

Оставшееся время мы молчали. Танец закончился и Торнтон проводил меня к подруге, которая едва не подпрыгивала от любопытства.

— О чём вы разговаривали? — спросила она, как только её брат отошёл в сторону.

— О работе, — ответила ей, принимая бокал с шампанским у лакея.

В горле и першило и отчего-то стало жарко.

— С такими лицами.

— Какими лицами?

Пузырьки шампанского приятно покалывали в горле, отрезвляя.

— Неописуемыми. Знаешь, если бы я так хорошо не знала вас обоих, то решила, что... — задумчиво произнесла подруга, рассматривая меня так, словно видела в первый раз в жизни.

Я с удивлением на неё взглянула.

— Что решила?

— Что между вами что-то происходит. Глупости, конечно. Но мне кажется, что остальные решили именно так.

— Между нами происходит лишь работа. Твой брат заказал у меня одну вещь.

— Ты принимаешь заказы? — тут же загорелась Селина.

— Я еще не ответила. Сначала хочу поговорить с Иваром.

— Уверена, всё будет хорошо. Ох, Валкот, — неожиданно выдохнула она, поворачиваясь к мужчине, который минуя гостей, подошёл к нам.

Высокий, худощавый, с русыми волосами, собранными в низкий хвост и внимательными карими глазами.

— Герцогиня Архольд, — улыбнувшись, произнёс он, склоняясь к руке Селины. — Вы как всегда великолепно выглядите.

— Для нас такая честь, что вы нашли время и посетили наш скромный вечер. Позвольте представить, моя лучшая подруга госпожа Айола Белфор. А это Алисет Валкот.

Почему это имя мне знакомо? Кажется, я где-то его слышала.

— Госпожа Белфор, — не успела я дёрнуться, как мужчина уже наклонился к моей руке. — Для меня честь быть представленным вам.

— Благодарю, — ответила я.

Чувство беспокойства не проходило. Я никак не могла понять, но что-то в нём настораживало и тревожило.

— Дерек там, — тем временем произнесла Селина, указав гостю направо.

— Спасибо. Я не прощаюсь, — и удалился.

А я только сейчас смогла вспомнить, где слышала это имя. Валкот, тот самый, из-за чего младшая сестра Архольда Одетт устроила настоящий скандал, отказавшись ехать вместе с нами в столицу.

— Это?... — произнесла я, повернувшись к подруге.

— Друг Дерек. Тот самый, кому он обещал руку Одетт.

— Это он зря, — пробормотала я, вспомнив, как горели злостью чёрные глаза девушки.

— Я тоже так думаю, — вздохнула Селина. — Жаль, что мужчины слепы и глухи к нашим доводам.

Оставшийся вечер прошел удовлетворительно и без заметных происшествий. Гости разъехались во втором часу ночи. Я сразу же отправилась в свои покои и уснула, как только голова коснулась подушки, и проспала до утра. Я бы проспала дольше, но не дали.

Громкий крик, грохот, топот ног, снова крик и ругань.

Я села в постели по инерции, еще до конца не проснувшись. Шум стал еще громче. Кое-как продрав глаза, я схватила с кресла халат, накинула поверх сорочки, и, завязав пояс, вышла в коридор, отчаянно зевая и пытаюсь проснуться.

— А что происходит? — спросила я у пробежавшей мимо служанки.

— Там... у графа Элкиза... там такое, — только успела произнести она.

Я дослушивать не стала, поспешив к покоям Торнтонна, которые находились в конце коридора. Точное их местоположение я не знала, но шум и крики шли именно оттуда.

Народу у покоев графа собралось много. Не только любопытные слуги, но и Селина с мужем, заплаканная тётюшка и смущенная Делайн.

— Что здесь происходит? — поинтересовалась я, протискиваясь вперёд, пока не вошла в спальню Торнтонна и не увидела самого хозяина, стоявшего у собственной кровати, в которой...

— Элодия?!!!

Кузина выглядела самым примечательным образом: взлохмаченные волосы, примятые с той стороны, где она лежала; заспанные глаза, которые сейчас были полны слёз (парочка огромных капель красиво стекала по румяным щекам); припухшие после сна алые губы и тонкий шелковый пеньюар с приспущенными бретелями, к которому девушка прижимала ручку, пытаясь одновременно прикрыться и выглядеть соблазнительно-невинной.

«Великие, какая же она дура! Даже сейчас, находясь в центре гигантского скандала, Элодия продолжала играть свою роль».

И на что надеялась? Что Элкиз, как самый настоящий рыцарь из древних баллад проявит благородство и спасёт её поруганную честь? Ведь честь действительно пострадала. Даже то, что между ними ничего не было, а картина, открывшаяся моему взору, говорила именно об этом, это не сможет спасти кузину от позора.

Это насколько надо быть самоуверенной и глупой, чтобы поверить, что это сойдет ей с рук?

Пока я пыталась собраться с мыслями и не броситься на дурочку с кулаками, Архольд быстренько разогнал любопытных слуг, отправил застывшую Делайн к себе в комнату и только потом осторожно произнёс, обращаясь к застывшему каменной статуей Торнтону:

— Я так понимаю, дорогой родственничек, ты сегодня ночевал не дома.

— Нет, — отрывисто произнёс он, совершенно не собираясь уточнить где и с кем был.

А мне сразу вспомнился тот белоснежный конверт с удушливым ароматом роз, который я увидела в его кабинете. Не надо быть гением, чтобы догадаться, что у такого мужчины в столице была любовница. И быть может не одна.

— Селина, герцог и вы, граф, — тихо, но твёрдо произнесла я, понимая, что кроме меня это никто не сделает: тётюшка на грани обморока, а кухне даже не придёт в голову попросить прощения. — Я приношу вам свои самые глубочайшие извинения. Это мой недосмотр и моя вина.

— Богиня-мать, богиня-мать, — зашептала тётя, жалобно всхлипывая. — Как же так? Как же теперь быть?

— Граф, вы же не оставите меня, — жалобно зашептала Элодия, обращаясь к Торнтону. — Я ведь люблю вас, так сильно люблю, что решила на бесчестие, поправа нормы морали и закона. Великие, я на всё готова ради вас.

Я бы даже похлопала этому цирку, если бы не была так безумно зла.

— Лео, — предупреждающе произнесла Селина, внимательно наблюдая за братом, который был мрачнее тучи.

— Мы не смели бы вас просить, — вставила тётя, весь вид которой говорил о том, что она еще как смеет и очень надеется, что он спасёт их всех, сыграв роль добропорядочного

графа. Боги, как же они наивны. — Слухи быстро распространяются и слуги наверняка...

Как бы вышколены и верны не были они герцогской чете, но правда всё равно вырвется на свободу. Не сегодня, так завтра или через неделю, о позоре Элодии узнают все в столице. И не только в столице, а еще далеко за её пределами. Аристократы любят свежие сплетни. История обрстет новыми подробностями и жизнь девчонки рухнет, затащив на дно и всех нас.

За себя я особо не волновалась. Там в горах мало кто будет смотреть на мою запятнанную репутацию. Но оставалась Делайн и она точно не была виновата в проступке своей мелочной и эгоистичной сестры.

— Вы серьёзно думаете, что я повешу себе на шею это? — холодно произнёс граф и я невольно поёжилась.

— Лео, — вновь повторила Селина и покачала головой.

— Думаете мне нужна в жены глупая, высокомерная, склочная и эгоистичная дурочка, у которой даже хоть какого-то приданного нет за душой?

Конечно, в какой-то мере Торнтон был совершенно прав, но все равно слышать это было обидно. Одно дело знать, а другое слышать, как тебе этим тычут в нос. И как бы плохо я не относилась к Элодии, она была моей родственницей и тётю я любила.

— Граф, — кузина побелела.

До неё наконец-то стало доходить, что несмотря на её желание, красивые глазки и скандал, выйти сухой из воды у неё не получится.

— И я прошу вас освободить мою спальню и никогда здесь больше не появляться.

— Но как же... ведь все будут говорить.

— Вы думаете, это должно меня волновать?

Элодия снова всхлипнула. На этот раз по-настоящему.

— Давайте не будем всё усложнять, — вмешалась Селина. — Я понимаю, ситуация непростая, но выход должен быть.

— А давайте вы будете искать его в другом месте? А вы, госпожа Белфор, — холодные голубые глаза остановились на мне. — Займитесь воспитанием своей родственницы. Я понимаю, что у вашей тётки не хватит мозгов, чтобы перечить этой девице, которая совершенно никого не слушает. Но вы-то сможете это сделать?

— Аккуратнее, граф, — едва сдерживаясь, ответила ему. — Что бы ни произошло вам стоит выбирать выражения. Как настоящему представителю высшей аристократии.

— Не стоит мне указывать, что делать, госпожа Белфор. Особенно вам. Знаете, у меня создалось весьма стойкое мнение, что в вашей семье нормы морали и этики совершенно не приветствуются. Или живя в глуши вы все уподобились крестьянам.

— Леонард! — изумленно выдохнула Селина.

А я...

Я просто преодолела разделяющее нас расстояние и вlepила ему такую звонкую пощечину, что чуть рука не отнялась.

В спальне наступила тишина, даже Элодия перестала всхлипывать и дрожать.

Я пожалела о своём поступке еще до того, как опустила руку. Но менять что-либо было поздно, свершившегося не вернуть.

— Айола, — пролепетала тётушка.

Сзади изумлённо вздохнула Селина, но я даже не повернулась.

— Вчера я сказала вам, что никогда не смешиваю работу и личную жизнь. Я ошиблась. Я не буду выполнять ваш заказ. Мало того, я не желаю больше видеть и слышать ничего о вас, граф. Вы высокомерный человек. Ничтожный и мне вас безумно жаль.

— И чего же вам жаль? — спросил он, а я не могла отвести взгляда от красной отметины на его щеке.

— Потому что вы не знаете, что такое настоящие чувства. Да, Элодия поступила опрометчиво, но вы не должны были унижать и оскорблять её. Не должны были обвинять тётю и меня. Настоящий мужчина никогда бы этого не сделал.

— У вас есть предмет для сравнения? Или вы берёте за основу вашего женишка, охотника, который является сыном простого кузнеца. Идеальный образец мужчины, — саркастически ответил Торнтон.

— Вы не имеете права обсуждать Ивара. Вы его совершенно не знаете. А по поводу идеального образчика я взяла за основу герцога Архольда. Надеюсь, вас его кандидатура не смущает?

О да, мне было известно о их противостоянии, Селина рассказывала, и я не могла не воспользоваться, чтобы не утереть этому зазнайке нос.

— Кхм, — подал голос Корвил. — Думаю, нам всем надо успокоиться. Леди Элодия, вам стоит подняться. Вот ваш халат.

Халат действительно нашелся на полу. Я не стала дожидаться сборов кухни и просто вышла. Очень хотелось хлопнуть дверью, но сдержалась.

Щеки горели от смущения, сердце бешено стучало в груди и было так стыдно, что словами не передать.

Не стоило говорить всё это Торнтону, нельзя было уподобляться этому высокомерному выскочке.

В комнате меня уже ждала горничная. Девушка помогла мне переодеться, причесала волосы, украсив их алой лентой.

Завтракать не стала. Сейчас мне кусок в горло не лез. Но прежде чем отправиться в гостиницу, я должна была поговорить с Селиной.

Подругу нашла в столовой. Она была совсем одна и уже заканчивала скромный завтрак, запивая его жасминовым чаем.

— Айола? Ты уже собралась? — удивлённо произнесла герцогиня. — Ведь еще так рано.

— Хочу прогуляться. Селина...

— Я хочу извиниться за поведение своего брата, — перебила меня подруга и тяжело вздохнула. — Леонард бывает просто невыносим.

— Граф имеет полное право возмущаться. Элодия. Ох, я не знаю где была её голова, когда она это делала. Если бы я только могла представить, чем это всё обернётся. Думаю, будет лучше, если вы переедем в гостиницу. У меня есть немного денег. Нам хватит на первое время.

— Даже не думай об этом. — Селина вскочила и подошла ко мне, быстро хватая за руки. — Да, ситуация сложная, но не критичная. И мы со всем справимся. Сообща. Я сама поговорю с твоей кухней и объясню правила. Дерек общается со слугами. Мы постараемся сделать всё, чтобы слухи о произошедшем не стали достоянием обществу.

— Ты же понимаешь, что это невозможно.

— Если есть деньги и власть, то возможно очень многое, — мягко возразила она. — Всё будет хорошо. И думаю, стоит как можно скорее устроить её брак с каким-нибудь

знатным господином. И чем быстрее, тем лучше.

— Мне всё-таки кажется, что будет лучше, если мы уедем. Твой брат...

— Переживёт! Это мой дом, и ты моя подруга. Я не позволю ему разрушить всё.

— Я не хочу становиться между вами.

— Поверь мне, дорогая, — мягко улыбнулась она. — У нас с Леонардом есть множество причин для отдаления. И ты уж точно не будешь основной. Уверена, что он уже остыл и успокоился. Завтра уже и помнить не будет.

— Мне бы твою уверенность, — пробормотала в ответ.

Я не могла забыть холодный взгляд Элкиза, который пробирал до самых костей.

«Нет, такой мужчина никогда не забывал нанесённого оскорбления. Только какова будет его месть?»

— Мне нужно, чтобы вы собрали для меня информацию, — произнёс Торнтон, глядя на застывшего перед ним сыщика.

— Снова госпожа Белфор? — спокойно уточнил тот.

— Не совсем. Я хочу, чтобы вы собрали данные, слухи, домыслы, факты и сплетни о женихе госпожи Белфор. Всё, что только возможно.

— Иваре Гремзи? — на лице мужчины отразилось удивление.

Собирая данные о Белфор, он наткнулся на информацию об этом охотнике. Но внимания не заострял.

— Совершенно верно. Он сегодня должен приехать с отрядом в столицу. Готовятся к большой ярмарке, посвященной летнему солнцестоянию.

— Папка будут на столе уже завтра утром.

— Отлично.

Как только дверь за сыщиком закрылась, Торнтон откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Щека всё ещё горела. Нет, его били и сильнее. Но почему-то именно эта пощечина не давала покоя, не отпускала. Как и образ северянки.

Крохотная, хрупкая, с золотистыми волосами, собранными в растрёпанную косу. И пеньюар у неё совсем не симпатичный, из простого хлопка и совершенно без кружева. Воротник был наглухо застёгнут, выставляя на обозрение лишь яремную впадину. Совершенно не эротично. Но отчего-то у него участилось дыхание и загорелись ладони, так сильно хотелось податься вперёд, разорвать эти крохотные пуговички и увидеть нежное женское тело. Коснуться бархатистой кожи, вдохнуть сладкий аромат нежного мыла.

Совершенно глупое и бессмысленное желание. Но оно не отпускало.

Лучшая подруга его сестры. Северянка, которая собиралась выйти замуж за другого. Нет, Элкиз не собирался разрушать её брак. Пусть женятся, плодятся и размножаются. А он... он просто будет рядом, незримой тенью стоять за её спиной и ждать своего часа.

И дождётся.

Леонард Торнтон всегда получал всё, что хотел.

А сейчас он больше всего хотел поставить её на колени. Гордую северянку. Айолу Белфор.

Глава Пятая. Сомнения

Селина предлагала взять её экипаж, но я не стала. Ждать, когда подготовят карету, сил не было, мне как можно быстрее хотелось вырваться на волю. На свободу.

Выйдя из особняка, я немного прошлась по улице, затененной густой еще зелёной листвой растущих у дороги деревьев. Узел на шляпке, которая неровно сидела на голове, раздражал шею, и я то и дело поправляла его, пытаюсь хоть немного уменьшить трение. Я не любила шляпки, как и кружевные перчатки, но была вынуждена их носить. Хватит и того, что я прогуливалась по улице без компаньонки в столь ранний час и совершенно этого не смущалась.

Поймав кеб, легко забралась внутрь и велела извозчику ехать на окраину столицы.

— Куда именно? — болезненного вида парень с торчащими в разные стороны соломенными волосами сплюнул на мостовую и косо на меня взглянул.

— Мне нужна гостиница «У Гархона».

— Так бы и сказали.

Название гостиницы и её местоположение я знала наизусть. У меня было более двух месяцев, чтобы выучить и по картам найти её местоположение.

Руки дрожали от волнения и нетерпения. Я до боли вцепилась пальцами в ридикюль, пытаюсь успокоиться и прогнать с лица глупую улыбку. Но всё было бессмысленно. Щеки продолжали гореть от румянца, а тело то и дело сотрясала нервная дрожь.

Ивар... мой Ивар. Неужели я сейчас его увижу? Волнистые медные волосы, темно-карие глаза и крохотные, едва заметные, веснушки на носу. Как же я жила эти долгие месяцы без него. Как же ждала нашей встречи.

На фоне трепетного волнения, даже утренний скандал показался незначительным пустяком. Я забыла об эгоистичной кухне, графе, мечущем глазами молнии, о заплаканной тётушке и даже стыд перед Селиной куда-то исчез. Всё казалось глупым, неважным и ненужным.

Ох, как я соскучилась.

Каким Ивар стал за этот год, простил ли он меня за задержку. Ведь еще год назад, вернувшись в Изгар из Академии, мы должны были пожениться и уехать в горы. Должны были, если бы не болезнь папы, которая приковала его к постели почти на полгода. Я не смогла бросить отца и чувствовала перед женихом вину, которая не отступала даже сейчас.

Может поэтому и спешила сейчас в гостиницу. Пусть Ивара там еще нет, но я дождусь, как верная жена и возлюбленная. Какой же замечательный получится сюрприз.

«У Гархона» представляла собой мрачное двухэтажное здание из тёмно-серого камня с черепичной крышей, что утратила свой красный цвет, став грязно-бордового цвета.

Отдав деньги извозчику, я осторожно спустилась вниз на пыльную землю и нерешительно огляделась. Двор перед гостиницей был большим и очень шумным. Длинные сараи для лошадей находились прямо за домом и пахло оттуда не очень приятно. Народ толпился, кто-то приезжал, кто-то уезжал. Громко хлопали двери, скрипели ступеньки и отовсюду слышался гомон.

Я сделала всего пару шагов, когда мимо меня с громким кудахтаньем пронеслась рыжая курица, за которой гонялся молоденький поварёнок в тёмно-сером от сажи колпаке, который только чудом держался у него на голове.

— Прощу прощения, — произнесла я, когда мальчишка, громко ругаясь, приземлился у моих ног. — Вы не подскажете, охотники уже прибыли?

— Чего? — вытирая курносый нос грязной ладонью, спросил тот, проводив тоскливым взглядом убежавшую курицу.

— Сегодня должны были прибыть охотники.

— Ну?

— Так они уже здесь?

Поварёнок смерил меня быстрым взглядом и ответил:

— Шли бы вы отсюда, дамочка.

Теперь пришла моя очередь удивляться:

— Что?

— Не для вас это место и охотники не компания для госпожи. После их ежегодных попок приходится весь день убираться в зале. Как накуролесят со своими бабами.

— Б-бабами? — переспросила я, вновь поправляя узел на шляпке.

— А то, — ответил он, встав с колен, и отряхнул короткие штанины. — Всех распутниц соберут в округе. За раз половину заработанных на продаже денег спускают.

— Но Ивар не такой, — пробормотала я.

Мне не было никакого дела до того, что творили охотники, но я была уверена в своём женихе. Ивар меня любит, сильно любит и никогда не опустится до такого низкого уровня.

— Все они одинаковые. Давайте, я вас провожу до веранды. Там Гархон столики выставил. Хочет как у богатеев летние посиделки сделать. Глупая затея, но хозяину нравится.

— Благодарю.

Подхватив подол платья, пытаясь не испачкаться еще сильнее, я прошла следом за поварёнком и взобралась по шатким ступенькам на просторную веранду, на которой близко друг к другу стояли самые разные столики и старенькие кривоногие стулья.

— Присаживайтесь, я Зоуи позову. Она тут подавальщицей трудится.

— Спасибо.

Сняв кружевные перчатки, я осторожно провела рукой по ближайшему столу в поисках пыли. Вроде чисто. После чего села, прижимая сумочку к груди. Наверное, это была не самая лучшая идея заявиться сюда совсем одной. Но защита у меня есть и, если кто осмелится... В общем, ему не поздоровится.

С моего места было отлично видно вход во двор, так что приезд Ивара и охотников я бы точно не упустила.

— Чего желаете? — передо мной появилась худенькая девушка в застиранном переднике.

— Чай со льдом, пожалуйста.

— Нету льда, — равнодушно ответила она. — И чаю тоже. Могу предложить пиво. Оно у нас холодное, тока бочку из погреба достали.

— Спасибо, пиво не надо.

— Сидр еще есть.

— Сидр? Хорошо, давайте сидр, — вздохнула я. — Только холодный, если можно.

— Еще что-нибудь?

— Нет, спасибо.

Сидр действительно был холодным, с ароматом яблок и легкой горечью на губах. Я выпила почти всю кружку, когда, наконец, прибыли охотники.

Ивара я узнала сразу. Дело было не только в медных кудрях и бархатистом смехе, который разнёсся по двору, заглушая для меня все остальные звуки. А в походке, в повороте головы и движении плеч.

— Ивар...

Я не поняла, как оказалась у ступенек. Ведь вроде только совсем недавно сидела за кривым столиком и тут в одно мгновение оказалась у перил, не сводя жадного взгляда с любимого.

И уже собиралась позвать его, выкрикнуть имя, клеймом выжженное у себя на сердце, как вдруг заметила рядом с ним девушку. Рыжеволосую, стройную, с большой грудью и округлыми бёдрами. Она была так сильно похожа на Мирту, что я даже зажмурилась на мгновение. И всё-таки не она. Чуть выше, стройнее и вела себя по-другому. Но типаж похож.

Я отлично видела, как она крепко держала Ивара за руку, как прижималась к плечу и доверчиво заглядывала в глаза.

Слишком близко и интимно.

Никогда не считала себя ревнивицей, но тут сердце болезненно кольнуло и замерло. Неужели тот поварёнок был прав?

Тоже охотница? Или одна из блудниц, которая решила заработать на охотниках? Не похоже. Для девушки легкого поведения слишком скромно одета. Для охотницы слишком просто и по-девичьи юна. Так кто же она?

Я так и не позвала Ивара, продолжая молчаливо наблюдать за ними, ловя каждый жест и взгляд, обращенный не на меня, сгорая от едкой ревности.

Молодой человек сам меня заметил. Вдруг застыл посреди двора, вскинул голову и сразу нашел меня взглядом, словно почувствовал, что я здесь, рядом с ним. Отступил от рыжей, отпуская руку и улыбнулся так, как мог улыбаться только он.

— Айола!

Ни какого страха, сомнения или неловкости. Наоборот его лицо светилось от искреннего счастья, и в голосе была неподдельная радость.

Наверное, надо остановиться, не поддаваться этому обаянию. Сначала необходимо всё выяснить. Как много сомнений, страхов и тревог...

Но я не смогла.

Долгий год в разлуке, тоска, ожидание, тревога и страх за него и свет родных глаз — всё это сыграло со мной злую шутку.

Быстро сбежав по ступенькам, я бросилась прямо в его объятия, обнимая так крепко, как только могла. Слезы защипали на глазах, но мне удалось их сдержать. Сейчас не время плакать. Родные руки обнимали в ответ, прижимая до такой степени, что мне нечем было дышать.

Его запах, голос, шепчущий, как соскучился, и губы, которые совсем неприлично касались в быстрых поцелуях лба, щек и губ.

— Айола... ты здесь... глазам своим не верю... как же я соскучился.

И я соскучилась. Но и слова произнести не могла в ответ, наслаждаясь его близостью.

— Кхм, — произнесла забытая нами рыжая и повысила голос. — Ивар, а это кто?

— Что? — молодой человек оторвался от меня, поворачиваясь к девушке, и всё еще не убирая рук, которые раскалённым пламенем жгли кожу на талии, пробираясь даже

сквозь платье. — Это моя Айола.

И в том, как Ивар меня представил сейчас, было столько смысла, что всё сомнения разом отпали.

— Айола, — разочаровано протянула рыжая, недовольно поджав губы и внимательно оглядывая меня с головы до ног. — Так вот она какая. Твоя невеста.

— А вы, простите, кто? — осторожно спросила я, чувствуя, как на нас всё больше обращают внимание.

Во дворе появляются другие охотники, они не спешат к нам, стоят в сторонке, переглядываются и переговариваются.

— Прости, моя вина, так был рад тебя видеть, что забыл о приличиях, — вмешался Ивар, чувствуя всю двусмысленности ситуации. — Это Флоренс Заир, единственная дочь нашего командира Нила Заира.

— Дочь? — удивлённо переспросила я. — А я не знала, что вы берёте на ярмарку членов семьи.

— У тебя забыла спросить, — огрызнулась она, откидывая назад рыжие локоны. — Ивар, ты идёшь?

— Я буду позже.

— Но отец велел...

— У меня уважительная причина. Невеста приехала, — спокойно и даже немного равнодушно прервал он её и снова повернулся ко мне. — Айола, у меня есть минут двадцать. Если бы я знал, что ты приедешь так рано...

— Ничего страшного, — улыбнулась в ответ, провожая взглядом рассерженную рыжую. — Просто я так соскучилась. Сил терпеть не было. Поэтому и приехала раньше времени.

— Я рад, что ты здесь, — прошептал он, вновь невесомо касаясь губами моих губ.

— На нас все смотрят, — смущенно пробормотала в ответ.

— Пусть завидуют. Но ты права, нам действительно лучше поговорить вдалеке от любопытных глаз. Моя комната? — Карие глаза многообещающе сверкнули.

Я покачала головой:

— Ты же знаешь, что пока нельзя. Это неприлично.

— Ты моя невеста.

— Но не жена. — Я поправила затёртый воротник его рубашки. Вот что значит нет опытной женской руки, всё кое-как постирано и отвратительно заштопано. — Потерпи, осталось всего ничего.

— Я жду уже столько лет.

— Тем слаще награда. Знаешь, тут есть открытая веранда. Мы можем посидеть там.

— Отлично.

Мы сели друг напротив друга. Ивар поймал мои руки и прижал их к губам, не сводя обжигающего взгляда.

— Какая же ты красивая.

— У тебя новый шрам, — высвободив одну руку, я нежно коснулась уголка глаза, где красной чертой алел рваный рубец.

— Гуи зацепил месяца три назад, когда мы выслеживали стаю у подножья Драгонова зуба*, - равнодушно отозвался Ивар.

— Ты не рассказывал.

— Не хотел тебя лишний раз тревожить. Знаю, как ты переживаешь и волнуешься.

— Волнуюсь, — кивнула я, убирая медную прядь в сторону, лаская заросшую легкой щетиной скулу, касаясь подбородка. — Она в тебя влюблена.

— Кто?

— Флоренс.

— Ты ревнуешь? — неожиданно широко улыбнулся Ивар.

— А у меня есть основания? — шутливо нахмурилась в ответ и продолжила. — Ты ей потакаешь.

— Она дочь нашего главы. Я просто стараюсь быть вежливым и налаживаю контакты. Нам жить с ними, а глава очень могущественен.

— Разбиваешь девочке сердце.

— Что поделаешь, моё давно принадлежит другой.

Скованное спазмом горло и судорожный выдох:

— Скоро.

Слово-обещание.

— Не отдам тебя никому. Ты моя, Айола. Только моя, — посерьёзнев, произнёс Ивар. — И скоро станешь полностью перед ликами Богов.

— Другого и не желаю.

— Я весной поставил наш домик. Он небольшой, но уютный и тёплый. Но на первое время хватит. Поверь мне, дело быстро пойдет на лад. Искрящая с дипломом лекарки — это большая удача в горах.

— Ивар, — пробормотала я, убирая руки и откидываясь на спинку стула, который противно заскрипел. — Я ведь так и не успела тебе рассказать. Отцу стало плохо, и вся эта кутерьма.

— Рассказать что?

— Я выбрала другую специализацию, — твёрдо ответила ему, внимательно наблюдая за выражением его лица.

— Что значит другую? Мы ведь договаривались.

— Я знаю, но у меня проснулся дар. Я просто не могла не воспользоваться шансом...

— Что за дар? — перебил меня Ивар и принялся постукивать пальцами по столешнице.

— Артефактор, — ответила ему.

Тихий смешок, который словно удар по самолюбию, задевая его, заставляя краснеть и обиженно замереть.

— Шутить?

— Нет.

— Ты отказалась от наших планов и будущего ради сомнительной должности артефактора? Скажи, что это шутка, Айола. Просто ничего другого мне в голову не приходит.

— Это не шутка.

Молодой мужчина тут же посерьёзней и нахмурился еще сильнее.

— Так, ладно, — произнёс он после минутного молчания. — С дипломом, конечно, вышло не очень хорошо, но уже ничего не изменить. Не отправлять же тебя назад в Академию. Решим всё иначе. Ты ведь прошла курсы лекаря?

— Да, конечно.

— Лечить можешь?

— Да могу, но, Ивар...

— Отлично, это самое главное.

— Я артефактор, — напомнила ему, пытаясь достучаться до жениха, сказать то, что тяготело надо мной всё это время.

— Ты женщина, — парировал тот. — Как бы сильна ты ни была, детка, никто никогда не воспримет тебя всерьёз.

— Знаю, поэтому и пошла на хитрость. Ты знаешь, кто такой Сайлос Фрост?

— Нет.

— Это молодой и талантливый артефактор, новатор в своём деле. Специалист из Изгара.

— Ты думаешь, что он захочет тебя взять в ученицы? — недоверчиво уточнил Ивар. — Я бы на это не рассчитывал.

— Нет, ты не понял...

— В любом случае, это бессмысленно, сразу после свадьбы мы уезжаем с отрядом назад в горы. Больше никакого ученичества. Я и так слишком долго ждал тебя.

— Сайлос Фрост — это я.

— Что?

— Я тот самый талантливый артефактор, новатор и специалист, к которому все обращаются с заказами. Последний, кстати, был на тысячу золотых. Ты представляешь, тысяча золотых? Это невероятные деньги.

Вот только Ивар моего восторга не разделял, став еще более угрюмым.

— Даже так? — процедил он едва слышно. — Может ты и выходить замуж за меня передумала?

— Ивар, — мягко, но уверенно произнесла я. Хотя только Боги знали, как мне было тяжело в этот момент. Его сомнения и обида колючими шипами разрывали сердце, оставляя кровавые раны. — Ну что ты такое говоришь. Я люблю тебя. Пошла против всех и пойду. Отказалась от родного дома, отца, согласилась поехать в горы.

И потянулась, пытаясь взять за руки. Не дал, быстро пряча их под столом.

— А сожалеть не будешь? — резко прервал он. — Столько жертв ради какого-то сына кузнеца. Семья, долг, счастливое будущее.

— А разве с тобой моё будущее не будет счастливым? Ведь мы вместе. Каждый из нас чего-то лишается, чтобы получить большее потом.

— Ты так в это веришь.

— А как же иначе, — улынулась в ответ. — Мы столько к этому шли. Или у тебя предсвадебный синдром?

— Не знаю. — Ивар рассеяно взъерошил затылок. — Просто столько информации

навалилось, и планы надо будет менять.

— Главное, что мы вместе?

— Да, конечно, — только особого энтузиазма в голосе не было.

Молодой человек всё ещё злился на меня и не собирался так быстро прощать. Ничего, отойдет, привыкнет к мысли и всё будет хорошо.

— Нам надо будет сходить в Храм, — продолжил он, — договориться по поводу обряда. На главный денег не хватит, уж прости. Но мне ребята рассказывали, что тут недалеко есть небольшой. Посмотрим, разведем и запишемся в очередь.

— Ой, совсем забыла. Селина, я тебе о ней рассказывала, была так любезна, что решила предоставить нам небольшую часовню, которая находится у них в замке. Её только отреставрировали. Ивар, она такая чудесная, такие витражи! А еще она была так рада моему прибытию, что взяла на себя подготовку к празднику.

— К какому празднику? — холодно переспросил Ивар, плечи вновь закаменели от напряжения.

— К нашей свадьбе. Ты же знаешь правила. Вечер перед свадьбой, карабеска, — я мечтательно улыбнулась, представляя, как буду впервые танцевать брачный танец с любимым. — А потом свадебный обед. Прямо в замке. Селина даже гостей пригласила.

— Каких гостей, Айола? Ты вообще себя слышишь? — прервал меня молодой мужчина.

— Друзья из Академии, — упавшим голосом ответила я, чувствуя, что эта идея не пришлась жениху по вкусу. — Совсем немного.

— Ты закончила Академию год назад.

— Но друзья остались.

— Мы уходим в горы, пора заводить новых друзей. Та же Фло будет тебе отличной подружкой.

— Ивар, — терпеливо ответила я, чувствуя нарастающее раздражение. — То, что мы уходим так далеко, не значит, что я должна буду оборвать все связи. Есть же почта.

— И ты будешь тратить целое состояние на записки со своей подружкой?

— А отец? Прикажешь мне и его бросить? И вообще, за пересылку скорее всего будет платить Селина.

— Надо же, какая щедрость, — ядовито парировал Ивар. — А взамен что? Будешь снабжать её дорогими артефактами?

— О чём ты?

— Айола, ну как можно быть такой глупой и не понимать очевидного? Тебя же собираются использовать. Эти аристократы затягивают в свои сети, чтобы обобрать до нитки и посадить на крючок.

— Ты не прав, Ивар. Вот познакомишься с Селиной и сразу увидишь, какая она хорошая.

— Она аристократка, Айола. Великие, раскрой же глаза! Ты же умная девушка и вести себя нужно соответственно. Твоя герцогиня относится к высшей аристократии. Ты знаешь, сколько я их повидал? Лживые, лицемерные, алчные и наглые.

— Селина и Дерек не такие, — запротестовала я.

— Да ты что? Что еще эта дамочка тебе обещала? — молодой человек подался вперед и жарко, быстро заговорил, пытаясь убедить в своих словах. — Домик в столице? Не пыльную работу и пожизненную кабалу на шею?

— Как?... — я запнулась и потёрла ноющие виски.

— Как догадался? Да это ясно, как день. Ты с сильным даром и отлично можно использовать, прикрываясь дружбой.

— Я прожила с ней пять лет в одной комнате. Неужели ты думаешь, что я бы не распознала ложь и обман? Ивар, я не дурочка.

— Ты просто очень честная и открытая. Верить в людей и не ожидаешь предательства. Но мне то лучше видно.

— Видно что? — резко обычного спросила я, сверкнув глазами. Раздражение так сложно было сдержать. — Ты её даже не видел. Как ты можешь судить о ней так предвзято? Я ведь тоже аристократка. Пусть обедневшая, но аристократка, которую обучали всем правилам этикета. Меня тоже надо мерить как остальных?

— Не сравнивай.

— Почему же? Я не спорю, что аристократы высокомерны. — Перед глазами тут же возник образ хладнокровного Торнтона, застывшего у кровати. — Но не все такие. Селина всё организовала, волнуется, даже охотников хотела пригласить, чтобы они порадовались вместе с нами. Собиралась поселить их в замке.

Ивар коротко расхохотался:

— Айола, ты серьёзно? Ты хоть представляешь, как мы будем себя чувствовать среди этих разодетых франтов? Или твоей подружке нужны клоуны для развлечения высоких гостей?

Дернувшись от боли, я отвернулась и закрыла глаза.

— Я не узнаю тебя, — прошептала едва слышно. — Ты ведь не был таким злым.

— Я не злой, просто реалист, который видит ложь и обман. Айола. — Я услышала скрип стула и шаги, вздрогнула, когда он присел рядом, обнял меня и прижал к себе. Сейчас его близость тяготила и давила на меня. — Я люблю тебя и пытаюсь защитить от мира, полного лжи и обмана. Ты такая чистая, хрупкая, нежная. Настоящий горный цветок.

— Ошибаешься. Я уже давно не такая, Ивар, — я подняла на него тяжелый взгляд. — За годы в Академии я многое повидала. И прошлые месяцы дома тоже сыграли свою роль. Сложно быть романтической барышней, когда отец болеет, а кредиторы уже пытаются отобрать дом и ферму. Но я выстояла и выдержала. И ты должен это увидеть.

— Для меня ты всё та же девочка с косичкой, которая танцевала у костра.

Я грустно хмыкнула:

— А ты для меня всё тот же красивый парень, о котором вздыхали все девчонки. Но ведь это неправда. Мы выросли, Ивар. Оба многое пережили и стали другими.

«Вот только вопрос — насколько сильно изменились?»

Видимо, те же мысли пришли в голову и ему, потому что Ивар вдруг побелел и схватил меня за плечи.

— Не смей. Айола, ты моя! Только моя! Не отпускай.

— Я и не уйду, — устало ответила ему.

Спор отнял последние силы, и я внезапно поймала себя на мысли, что хочу уйти отсюда, как можно быстрее. Скрыться, спрятаться и побыть одной.

— Наша первая ссора.

Шершавая ладонь ласково провела по моему лицу.

— Тебя ждут.

— Ничего. Подождут.

— Не хочу, чтобы из-за меня у тебя были проблемы.

— Не будут. Всё нормально... Айола, если ты хочешь, я встречу с герцогиней.

«Неужели?»

— Хочу, — искренне прошептала в ответ.

— Только давай завтра, сегодня нам надо разгружать товары и дел много.

— Хорошо, — я благодарно улыбнулась. — Уверена, она тебе понравится.

— Конечно.

Кривая усмешка была мало похожа на улыбку, но пока сойдет и так. Главное, что он понял и согласился встретиться с Селиной.

«Всё будет хорошо, — убеждала я себя, возвращаясь в наёмном кебе в особняк Архольдов, — мы просто оба слишком устали, взвинчены разлукой и долгожданной встречей. Поэтому и сорвались. А Ивар лишь за меня волнуется, пытается защитить. Вот познакомится с Селиной и сразу поймёт, что бояться нечего...»

Я ведь почти себя убедила, только червячок сомнения никуда не делся.

Так ли хорошо я знаю своего жениха? Насколько сильно мы изменились? И если отец был прав. Если мы слишком разные?...

Тряхнула головой, пытаюсь успокоиться и прийти в себя.

— Кажется, у меня у самой предсвадебная лихорадка. Столько лет идти навстречу друг другу и засомневаться в самом конце. Наверняка, сам Великий Сын** играет со мной, пытаюсь сбить с верного пути, — пробормотала я себе под нос.

Признаваться себе в другом я просто не могла.

Пока...

— Ты должен извиниться! — Селина стояла перед ним, уперев руки в бока и её синие глаза метали молнии.

— Перед кем? — лениво уточнил Леонард, наблюдая за сестрой.

Она поймала его в малой гостиной, где мужчина расположился с газетой, изучая последние биржевые новости.

— Перед всеми. Можешь начать с меня, — милостиво разрешила молодая герцогиня.

— За что? Это ведь не я залез в чужую постель.

— Я не оправдываю девчонку, глупо поступила. Надеюсь, мозги у неё встали на место.

— Нельзя поставить на место то, чего не существует.

— Леонард, — угрожающе прошипела она, усаживаясь в ближайшее кресло. — Это мои гости.

— Которым не мешало бы вести себя более цивилизованно и прилично.

— Граф Элкиз, имейте совесть. Я беременна. И мне нельзя нервничать. Я прошу тебя лишь быть хорошим мальчиком, а не бездушной деревяшкой.

— Всё ещё пытаешься найти во мне хоть каплю настоящих чувств и эмоций? — с любопытством поинтересовался Леонард.

— Пусть твоя жена этим занимается. Помоги ей Боги.

— Надеюсь, ты не ждёшь, что я брошусь делать предложение этой... — запнулся, поймав суровый взгляд сестры и закончил: — Девушке?

— Я надеюсь, что ты извинишься перед её матерью и Айолой.

— Нет.

— Леонард...

— Она дала мне пощечину.

— И исполнила мечту всей моей жизни. Давно мечтала тебя чем-нибудь стукнуть по темечку, — неожиданно мечтательно улыбнулась Селина.

— Кровожадность проснулась? Архольд на тебя плохо влияет.

— Дерек на меня отлично влияет, в отличие от тебя.

— Дорогая герцогиня, я вас не держу.

— Это мой дом.

— Мне съехать?

— Пф-ф-ф, — совершенно не аристократически фыркнула молодая женщина и грозно на него уставилась. — Ты невыносим.

— Скажи мне что-нибудь новое.

— Извиняться ты не собираешься?

— Не сегодня.

«Не завтра и не через месяц. Никогда».

Граф Элкиз никогда не сожалел о своих поступках и уж точно не собирался просить за них прощения.

— Хорошо, — Селина поднялась, поправляя юбку синего платья. — Как знаешь. Но сообщаю, что меня твоё поведение совершенно не устраивает.

Стоило ей уйти, плотно закрыв за собой дверь, как Торнтон отложил газету в сторону и встал со своего места, потирая затёкшую шею.

Выспаться так и не получилось. Кровать в новой спальне (в старую после произошедшего он точно не вернётся) была твёрдой и неудобной.

И надо было ему подойти к окну как раз в тот момент, когда из наёмного кеба ловко спустилась Белфор. Без шляпки, которую повесила на сгиб локтя, кружевного зонтика и, по всей видимости, перчаток у неё тоже не было. Золотистые волосы, выбившиеся из причёски, пушистым облачком окружали покрасневшее от пребывания на солнце личико.

Она рассеяно кивнула уезжающему извозчику и подошла к калитке. Мысли у девушки были не самые радостные. Об этом можно было догадаться, глядя, как она рассеяно сжимает ридикюль в руках, кусает губы и невидящим взглядом смотрит перед собой.

В ней не было ярких красок Армель, жеманного кокетства Элодии, холодной красоты Селины. Нет, Айола Белфор не была непохожа ни на одну из его знакомых женщин. Слишком открытая, слишком искренняя и честная, словно глоток ледяной воды, обжигающая.

«И чужая», — напомнило сознание.

Торнтон отступил от окна и нахмурился.

Какое ему дело до какой-то северянки. Она ведь была совершенно не в его вкусе. Скорее

всего, это просто злость за пощечину. И ничего больше.

---

*Драгонов зуб — самая большая гора в Анагорском кряже, который отделяет северное княжество Изгар от остального мира.

** На большей части Киа (название мира) исповедуют троебожие. Отец — защитник, воин и учитель; Мать — жизнь и смерть, любовь и ненависть, счастье и горе; и Сын — шут, плут и насмешник, который любил играть жизнями других. Также они символизировали собой небо и солнце, землю и воду, легкий ветер между ними.

Глава Шестая. Затишье

Оперативности Селины можно было только позавидовать. Потенциальный жених для Элодии появился в особняке как раз к обеду.

Когда, переодевшись, спустилась вниз, меня представили лорду Стефану Шеридан.

— Айола Белфор, — несколько ошарашено ответила я, изучая молодого человека.

Не страшный, не старый и довольно симпатичный. Среднего роста, с тёмно-каштановыми волнистыми волосами, светло-кариими глазами. Чуть старше меня, плотный, но не толстый, и улыбка у него была очень обаятельной. Одежда новая, чистая и достаточно дорогая, из кармана торчала золотая цепочка от часов, а букет, который он подарил кухне, был очень хорош. В общем, во всех смыслах очаровательный молодой человек.

И вместо того, чтобы расслабиться, я еще больше насторожилась.

Что заставило его принять предложение Селины и явиться в особняк для знакомства с кухней? И не просто знакомство, а прицел на заключение брака.

Элодия сначала была довольно мила, строила глазки и очаровательно улыбалась, одобрительно поглядывая на потенциального жениха. Ровно до того момента, пока не узнала, что Шеридан является всего лишь родственником маркиза (третий ребёнок второго сына лорда). Она тут же надула губки и уже собиралась отправить молодого человека восвояси. Дорогая кухня всё ещё надеялась на титул, земли и годовой доход в пятнадцать тысяч золотых. Пришлось найти момент и на ушко шепотом осторожно напомнить ей о скандале, скорых слухах о моральном падении и перспективах, которые уже маячили на горизонте.

Надо сказать, она сразу прониклась, надулась, но ухаживания приняла, согласившись завтра отправиться с ним на прогулку по центральному парку в сопровождении матушки. Тётя Полин кандидатуру восприняла благосклонно и сияла от счастья.

— И что ты ему обещала? — спросила я у подруги, как только Шеридан удалился, а Элодия бросилась в свои покои оплакивать судьбу и посыпать голову пеплом.

Селина лишь устало улыбнулась. Мы остались в большой гостиной, сидя на удобном диванчике.

— У Элодии нет приданого, мозгов и хоть каких-то особых достоинств, кроме красоты, — продолжила я.

— Разве это мало? Красота играет важную роль.

— Если бы Шеридан оказался старым извращенцем, я бы еще поняла. Но он молод, симпатичен, обладает небольшим состоянием и крохотным поместьем на юге Сангориа. В чем его недостаток?

— Он обязательно должен быть? — хмыкнула молодая женщина, доставая из кармашка крохотный пузырёк с маслом, открывая крышку и вдыхая сладкий аромат жасмина.

— Ты как себя чувствуешь? — тут же забеспокоилась я.

— Всё хорошо. Только немного устала. Так ты не веришь в непогрешимость Шеридана?

— Нормальный человек не решается так скоропалительно ухаживать за совершенно незнакомой девушкой без достаточных на то оснований. Очень веских оснований.

— Не совсем не знакомой. Он видел её в замке пару дней назад, когда привозил документы Дереку. Она ему понравилась.

— Селина, — с нажимом произнесла я, вызывая тихий смех у молодой герцогини.

— Какая же ты всё-таки подозрительная, Айола. Поверь, я ничего ему не обещала и приданное твоей кухне я выдавать не буду, при всей моей любви к тебе.

— Тогда в чём дело?

— Дерек обещал ему повышение.

Я тяжело вздохнула.

— Какой ужас.

— А что? Вполне нормальная практика. Если имеются те, кто женятся ради приданого, то есть и те, кто выбирает спутницу ради карьеры. Тебя это удивляет?

— Нет. Но герцог не должен идти на такие жертвы из-за нас.

— Какие жертвы, Айола? — отмахнулась Селина. — Шеридан умный молодой человек, старательный и ответственный. Пару лет и он бы получил эту должность, Дерек просто решил ему помочь и ускорить процесс. В любом случае, его никто не заставляет и не принуждает, как и твою кузину. Элодия действительно понравилась Шеридану тогда. Путь пообщаются, узнают друг друга получше и сами решат. Хотя я буду настоятельно рекомендовать ей не мудрить.

— Не знаю как и благодарить тебя, — прошептала я.

— Всё хорошо, мне это ничего не стоило. Ты лучше скажи, как прошла встреча с Иваром? — Ярко-синие глаза внимательно меня изучали, заглядывая чуть ли не в душу.

Выдержать этот взгляд было сложно, как и врать.

— Хорошо.

— И всё?

«Рассказать или нет? Поделиться или сначала всё самой обдумать?»

— Последний раз мы виделись с Иваром год назад, — медленно ответила ей, тщательно подбирая слова. — Почти год назад. Это время было тяжелым для обоих... Мы выросли, изменились, стали другими.

— Но стержень остался тем же, — мягко ответила подруга, ободряюще сжимая мою руку. — Настоящие чувства не умирают. Посмотри на меня и Дерек. Мы не виделись четыре года, ненавидели друг друга, собирались связать свои жизни с другими и что получилось? В сомнениях нет ничего плохого. Они будут всегда. Но самое главное, что вы оба чувствуете, чего хотите.

— Да, наверное, ты права.

— Ты ждала этого момента семь лет. Это очень большой срок. Понятное дело, что все меняются и растут. Но внутри Ивар всё тот же молодой человек, которого ты любишь и всегда им будет. Немного времени и неловкость уйдёт.

— Я пригласила его сюда завтра на обед, — ответила я, внимательно наблюдая за подругой.

В голове вновь загудели слова Ивара, его предположения. И пусть я была уверена, что всё это неправда, но сомнения уже дали свои ростки.

— Какая чудесная новость, давно мечтала с ним познакомиться. Я распоряжусь, чтобы повар приготовил что-нибудь праздничное. Что он любит? — искренне улыбнулась Селина, даже не подозревая, какие мысли были сейчас у меня в голове.

Великие, я не знала.

Только собиралась открыть рот и вдруг поняла, что не знаю, даже понятия не имею, какие блюда он любит или не любит. И это был очередной удар по моим нервам.

— Я...

— Мясо, — тут же пришла мне на выручку подруга, видя моё замешательство. Её глаза загорелись. — Все мужчины любят мясо. А он к тому же охотник. Но никакой смены блюд и вычурных названий. Не стоит смущать нашего гостя. Всё просто, вкусно и сытно. Очень надеюсь, что ему понравится.

— Селина, — проглотив ком у горла, спросила у неё. — Скажи, тебе нужен артефакт?

— Какой артефакт? — не поняла молодая женщина.

— Какой-нибудь, — ответила я, чувствуя, как запылала щеки. Не стоило спрашивать об этом, но играть в молчанку было сложно.

— Зачем мне артефакт? У меня всё есть, — ответила она и вдруг ахнула. — Ох, Айола, прости, какая я недогадливая. Тебе нужны деньги, да? Ну, конечно же, я куплю артефакт. Ты должна была сразу мне сказать.

— Нет, не надо.

— Надо. Я уверена в твоём мастерстве и куплю всё, что ты скажешь. И не надо делать мне скидки. Максимальную стоимость. Молодая семья, понимаю, что нужны средства. Пока обустроитесь. Я сейчас же выпишу чек, — и собралась вставать.

Я вовремя успела схватить её за руку и усадить назад.

— Ты не так поняла.

Селина замерла и сощурилась.

— Айола Белфор, что в конце концов происходит? Ты меня совсем запутала.

— Я просто тебя очень люблю, — выпалила я и крепко обняла подругу. — Очень сильно.

— Я тебя тоже люблю и не против такого проявления, но меня не покидает ощущение, что я чего-то не знаю.

— Тебе кажется, — ответила я, широко улыбаясь. — Мне так не хватало тебя этот год. Твоего тепла и советов.

— Обращайся, дорогая.

Рассказывать ей о том, в чём меня пытался убедить Ивар, я точно не собиралась. Завтра он придёт и сам всё увидит, своими глазами. Поймет, как был не прав.

Разговор с подругой вернул уверенность в завтрашнем дне и будущем.

Вот только ненадолго. Прошел день, ночь, в течение которой я почти не сомкнула глаз, и наступило долгожданное утро. Утро последнего спокойного дня в моей жизни, после которого всё рухнуло.

Никакого страха, озарения или предчувствия надвигающейся беды меня не посетило. Наоборот, проснулась я в довольно приподнятом настроении. Около десяти минут пролежала в постели, глядя в потолок и ни о чём серьёзном не думая. Это было совсем на меня не похоже. Обычно только открыв глаза, я сразу же поднималась, готовая приветствовать новый день. А сейчас было так хорошо и легко, что даже странно.

— Хороший знак, — шепнула сама себе и встала.

Горничная будто за дверью стояла. Стоило мне только подойти к зеркалу, на ходу заплетая простую косу, как она тут же вошла с неизменной улыбкой на губах.

— Доброе утро, как вам спалось?

— Спасибо, всё хорошо.

Приведя себя в порядок, я вышла из комнаты и уже собиралась спуститься вниз в столовую, как застыла у комнаты Делайн. Мне показалось, внутри раздался какой-то шум.

— Делайн? — я вежливо постучалась и застыла, ожидая ответа. — Делайн, это Айола, у тебя всё в порядке?

Стоило мне это произнести, как дверь неожиданно распахнулась, заставив меня отступить на полшага, и на пороге появилась взлохмаченная, возбуждённая кузина, на которой из одежды была лишь сорочка, заляпанная разноцветными пятнышками.

— Айола! Ты-то мне и нужна.

И не дав даже опомниться, девушка схватила меня за руку и втянула в комнату, громко хлопнув дверью.

— Великая Мать! — ахнула я, застывая в небольшой гостиной и оглядываясь.

Здесь царил хаос. Подушки и покрывало с небольшого диванчика были брошены на пол, там же на полу стоял графин с водой и стаканы, их было три штуки, и они располагались весьма хаотично. Карандаши, цветные мелки и множество листов ковром устилали пол. Часть бумаги была белоснежной, часть смята неприглядными комками, большая половина изрисована набросками или небольшими портретами.

— Делайн, что здесь произошло?

— Что? — девушка обернулась и непонимающе осмотрелась. — Ах это... я работала.

— Всю ночь?

— Нет, я спала, — кузина нахмурилась, потирая лоб. — Кажется. Да, спала. А потом проснулась и пришло оно.

— Что? — спросила у неё, наклоняясь и поднимая с пола листок, который лежал у самых моих ног.

На меня смотрели глаза. Только глаза. Я вздрогнула, узнавая этот надменный и колючий взгляд, вызывающий у меня протест и непонятную злость.

— Вдохновение, — пояснила девушка. — А что уже утро? Ой, это не то. — И выхватила у меня из рук набросок. — Не то, совсем не то.

Я прекрасно её понимала. На меня тоже иногда находили такие приступы вдохновения. Когда я не могла ни есть, ни спать, пока не разгадывала узоры переплетения силы, пока не могла соединить магию с механизмом для получения необходимого результата. Но также я помнила, каково организму после такой встряски. Как волна апатии и бессилия накрывали с головой, заставляя целые сутки лежать в постели и приходиться в себя.

— Почему же. У тебя очень хорошо получилось изобразить взгляд Торнтон. Милая, тебе необходимо успокоиться и отдохнуть, а еще лучше поспать. Я распоряджусь, чтобы тебя не беспокоили. Если хочешь, то можно сначала позавтракать. Еду принесут прямо сюда.

— Завтракать? — задумчиво повторила Делайн и покачала головой. — Потом. Мне нужна ты.

— Я?

— Да! Мне пришла в голову идея. Ночью. Я прям увидела её перед глазами. Тебя.

— Меня? — Осторожно ступая по полу, приподняв подол платья, стараясь ни на что не наступить, я прошла через комнату. — У тебя есть мой портрет. И не один.

— Это всё не то. Не ты. Не так, — забормотала Делайн, сжимая в руке листок бумаги. — Это как с графом. Не так... неправильно.

— Что неправильно? — не поняла я, убирая с дивана карандаши и осторожно присаживаясь.

Видимо, придётся задержаться здесь дольше, чем я думала.

Кузина махнула рукой и бросилась на пол, ища черные карандаши.

— Посиди так, не двигайся. Я сейчас, сделаю парочку набросков и всё.

— Но потом ты ляжешь отдыхать?

— Конечно... хорошо, — пробормотала она в ответ.

У меня создалось такое впечатление, что она меня совсем не слышала и согласилась лишь для того, чтобы я от неё отстала. Что же, сейчас я могла ей простить и это.

Следующие пять минут мы пытались придать мне нужную позу и нужный взгляд. Делайн едва не плакала от бессилия.

— Всё не так, — снова и снова повторяла она, поворачивая меня то в одну сторону, то в другую, тревожно заглядывая в глаза.

— Скажи, как надо, — мягко отвечала ей. — Я хочу помочь.

— Я не знаю, — в отчаянье ответила она, отступая, и стрелой метнулась к окну. — Я не знаю.

— Делайн, успокойся. Я тут и никуда не уйду. Мы обязательно найдём нужный ракурс. Я тебе обещаю. Ты только не нервничай.

Но та меня словно не слышала, до мяса сгрызая ногти. Привычка, о которой она вспоминала, когда начинала сильно волноваться.

«Кажется, пора звать тётушку», — поняла я и уже собиралась встать, когда кое-что заметила.

У другого края дивана лежала небольшая стопка бумаги и в самом низу неровно торчал уголок какого-то портрета.

Не знаю, зачем я потянулась. Зачем взялась за него. Почему взяла всю пачку, доставая искомую вещь. Меня словно магнитом туда потянуло.

Но стоило мне только увидеть это, как время будто остановилось.

Я всегда поражалась талантом Делайн видеть суть человеческой души, находить то тайное, что скрыто от других, и умело выставлять напоказ. Так было с портретом Элодии, на котором она была так прекрасна и невероятна, что захватывало дух. Но лишь на первый взгляд. Пара секунд и от этой приторности начинало мутить, на глаза попадались скрытые недостатки кухни: надменный взгляд, брезгливо опущенные уголки губ и холодное выражение лица. И это ощущение было не только у меня, у каждого, кто видел этот портрет. У всех, кроме Элодии, которая жутко им гордилась и заставила отца повесить картину в большой гостиной в их поместье. И искренне недоумевала, почему остальные не замечают этой красоты, решив, в конце концов, что все просто завидуют.

Так получилось и сейчас.

Карандашный рисунок и Торнтон. Его лицо — худощавое с впалыми щеками, которые неожиданно заросли жёсткой трёхдневной щетиной, что придавала ему совершенно иной вид; волосы растрёпаны и пряди падали на лоб. Я поймала себя на мысли, что хочу протянуть руку и вернуть их на место, пристально заглянуть в глаза. Глупое желание, странное и непонятное.

И без этого его глаза видны. В них не было прежней холодности, хотя надменность никуда не исчезла, но она стала мягче после того, как пропало высокомерие. Эти глаза манили, затягивали в свой омут и заставляли сердце биться в несколько раз быстрее.

Я позволила руке коснуться изображения, провести подушечками пальцев по щеке, обрисовать абрис лица, коснуться неожиданно полных губ.

Торнтон?

Нет, он не может быть таким. Да, лицо, несомненно, его, но всё остальное... Таким граф мог бы стать, если бы захотел. А так... настоящие лорды никогда не ходят в таком виде: небритые, взлохмаченные... возбуждённые.

Рука дрогнула, выпуская листок из рук, и он приземлился мне на колени.

Стук сердца в ушах оглушал.

Я двумя пальчиками взяла его и отложила в сторону, лицом вниз.

— Делайн, — прокашлявшись, произнесла я, ища глазами кузину и замерла.

Кузина сидела на полу и что-то увлечённо рисовала, стирала пальцами и снова наносила штрихи на белую бумагу.

— Делайн, — снова позвала её. — Всё в порядке?

— Да, да, можешь идти. Я всё нашла.

— Что нашла?

— Образ.

— Даже так, — хмыкнула в ответ и покачала головой, поднимаясь. — Хорошо. Ты помнишь, что обещала мне?

— Угу, — не отрываясь, ответила девушка.

Всё ясно, девушка всё забыла и надо звать на помощь тётю.

— Я пошла.

— Иди.

И никакой благодарности.

Стараясь не шуметь, я вышла, осторожно прикрывая за собой дверь, и едва не бросилась обратно, столкнувшись в коридоре с тем, кто всего пару минут назад занимал мои мысли.

— Граф Элкиз, — облизав пересохшие губы, произнесла я, прижимаясь спиной к двери, чувствуя каждую выемку.

— Госпожа Белфор, — ответил он, замирая прямо напротив, и смерил меня внимательным взглядом. — Доброе утро.

— Доброе, — несколько ошарашено ответила я, не ожидая от него такой вежливости.

Торнтон выглядел как всегда безупречно: волосы зачёсаны назад и ни один волосок не выбивается из причёски; дорогой тёмный сюртук идеально сидит на худощавой фигуре; а алмазная брошка ярко сверкает на белоснежном галстуке. Какой контраст с тем портретом, который я только недавно держала в руках. И как Делайн смогла увидеть в нём такое? Неужели фантазия художника настолько безгранична?

— Что-то не так? — Тёмная бровь слегка приподнялась. Мужчина явно не понимал моего замешательства.

— Нет, всё хорошо.

— Вы в столовую?

— Д-да.

— Позвольте сопроводить вас?

Я на мгновение потеряла дар речи, после чего покачала головой и сухо ответила:

— Не думаю, что это хорошая идея, граф. Если вы рассчитываете таким образом

уговорить меня взяться за ваш заказ...

— Ну что вы, госпожа Белфор, — перебил он меня. — Я уже понял, что ваши решения неколебимы и неизменны. У меня даже в мыслях не было пытаться сделать подобное. Это просто дань вежливости.

— Ах да, этикет. Что же, граф, я буду не против вашей компании.

«Пару минут пережить можно».

Я осторожно положила руку на сгиб его локтя, чувствуя мягкость сюртука и силу стоящего рядом мужчины. Он подавлял, заставлял чувствовать себя ничтожной букашкой, напоминая о незавидном положении. Я считала каждую секунду, мечтая вырваться как можно быстрее, и при этом продолжала держать маску. Только Боги знают, каких сил мне это стоило.

Завтрак прошел нормально и без происшествий. Элодия, как и обещала, отправилась с Шериданом на прогулку по парку, благосклонно принимая от него подарок. Делайн так и не вышла из комнаты, Селина велела отнести ей завтрак. А я собиралась заглянуть к кухне после обеда.

Неукротимо приближалось время прихода Ивара.

А я всё никак не могла разобраться в своих чувствах. С одной стороны, мне страшно хотелось его видеть, посмотреть в глаза и понять, что все наши разногласия остались в прошлом. А с другой — я страшно боялась. И присутствие Торнтоня спокойствия не прибавляло. Не знаю почему, но он вдруг решил остаться и поприсутствовать на обеде.

Ивар появился точно к назначенному времени с двумя букетами цветов, один из которых подарил мне, другой — Селине.

— Вы так любезны, — улыбнулась подруга.

— Для меня честь быть представленным вам, герцогиня, — поцеловав её руку, произнёс он, и я едва не захлопала в ладоши. Оказывается, кое-какие манеры, которым я пыталась научить во время летних каникул, всё-таки остались у него в голове.

— Можно просто леди Корвил.

И несмотря на все мои страхи, обед прошел хорошо. Разговор шел плавно, на отвлечённые темы: погода, политика, горы и прочее.

Я даже успела выдохнуть...

До того самого мгновения, пока Ивар не сообщил о принятом решении.

— Я сегодня утром был в том храме, который находится рядом с нашей гостиницей, — как бы невзначай и между делом сообщил молодой человек, когда мы с Селиной расположились на летней веранде на заднем дворе в тени навеса. Граф Элкиз, сославшись на неотложные дела, оставил нас, и я, наконец, смогла дышать свободно, не вздрагивая каждый раз, когда ощущала на себе его взгляд. — Внёс оплату и обо всём договорился. Так что меньше чем через неделю мы поженимся.

От неожиданности, я даже не знала, что сказать в ответ, в голове зашумело и внутри всё колотило от гадкого ощущения предательства.

«Разве мы не договаривались о другом? Разве не должны были принять совместное решение после этого обеда?»

А еще мне было неловко смотреть на Селину. Ведь я так ничего ей и не сказала о планах Ивара, надеясь, что удастся переубедить жениха. Все эмоции смешались, лишая последних остатков самообладания. Ощущение предательства становилось всё больше.

— Так же я договорился с Флоренс, она поможет тебе выбрать платье и заказать хамиби*.

— Флоренс? — наконец смогла произнести я. — А причём тут дочка твоего главаря?

— Айола, — Ивар взглянул на меня как на маленького избалованного ребёнка, — ну кто же еще? Я же говорил тебе, что надо налаживать связи. Не так ли, леди Корвил?

Селина деликатно кашлянула в кулак и промолчала, бросив в мою сторону странный взгляд, который я так и не смогла расшифровать.

— Ты всё решил, — тихо произнесла я, сжимая ткань платья и ничего не видя перед собой, лишь пелена.

— Вспомнила! — вскрикнула Селина, поднимаясь. — Мне же нужно срочно кое-что обсудить с Леонардом, пока он не уехал. Прошу прощения, но я оставлю вас на пару минут. Не скучайте.

После её ухода наступила тишина.

— Ты чем-то недовольна? — Ивар первым нарушил молчание, напряженно задав свой вопрос.

Это его нервозность подстегнула лучше щелчка по носу.

— Ты солгал мне, — бросила ему прямо в лицо.

Ни капли сожаления, лишь усиливающееся раздражение, которое я чётко видела в напряженных уголках губ и в глубине сощуренных глаз.

— Это каким же образом?

— Мы договаривались, что примем общее решение после этого обеда.

— После обеда я тебе о нём и сообщил. Никакого обмана.

Я еще сильнее сжала кулаки.

— Ты шел сюда, уже зная, что ничего не поменяется. Даже не давая Селине и мне шанса пойти по другому пути.

— Герцогиня хорошая женщина, но своего решения я не поменяю, Айола. Свадьба через неделю. Что тебе еще надо? Я внёс оплату за храм, дал Флоренс деньги на твои наряды и хамиби.

— Ты дал деньги этой девчонке? — едва не задохнулась я от возмущения.

— Да. И что? — пожал тот плечами. — Она лучше разбирается в этом, поможет тебе. Одни плюсы. Она в столице бывает чаще, знает магазины и хороших лавочников. Потратит деньги с толком, выбьет цену ниже.

Закрела глаза и мысленно досчитала до пяти и обратно.

— У меня есть деньги, Ивар. Я очень хорошо зарабатываю и накопила приличную сумму.

— Зарабатывала, — поправил он меня. — Мы это обсуждали.

— Скажи, мы все решения будем принимать так? — стараясь не сорваться на крик, максимально тихо спросила у жениха, а внутри всё клокотало от гнева и боли.

— Как так?

— Ты решил, а я должна молча это проглотить и со всем согласиться?

Его лицо тут же стало жестким:

— Не перегибай палку, Айола. Я мужчина. В горах совсем иные порядки и правила. Чтобы выжить, ты должна слушаться меня.

— Но мы сейчас не в горах, Ивар. И разговор идёт не о жизни и смерти, а о нашей свадьбе. Великие, ты меня совсем не слышишь.

— Я не слышу? Я позволил тебе на семь лет отложить нашу свадьбу, Айола. На семь лет!

Надо было взять тебя еще тем вечером на берегу, — в сердцах выдавил он.

И снова тишина... вязкая, липкая и тяжелая. И слова, которые мы так боялись сказать друг другу.

— Искра спасла, — тихо произнесла я. — Ты бы ведь не остановился? Несмотря на все мои протесты и мольбы?

Я всегда знала, но вслух боялась произнести, потому что это бы всё изменило. Но уже отступить поздно.

— Речь сейчас не об этом. Не спорю, герцогиня совсем непохожа на аристократов. Довольно мила и вежлива, но это не значит, что я стану плясать под её дудку.

— Ивар, какую дудку? О чём ты вообще говоришь?

— О том, что мы с тобой им не ровня. Им всем. Не знаю, зачем ты пытаешься казаться такой же, зачем живёшь здесь. Я не стану запрещать тебе писать отцу и герцогине, но тебе давно пора вырасти, Айола, — жестко отрезал он. — И забыть ту дурь, которую столько лет забивал тебе в голову отец. Не стоит тянуть резину, надо перерубить узел и идти дальше.

— Куда? — устало спросила у него.

— В наше будущее.

— А если я скажу, что хочу остаться здесь? Что хочу заниматься артефактами и жить, не боясь каждый день за наши жизни?

— Ты хочешь? — медленно повторил молодой человек. — Снова мы должны делать то, что хочешь ты? Заметь, Айола, что это не в первый раз. Все эти семь лет мы делаем лишь то, что угодно тебе и никак иначе. А какую роль ты мне уготовила? Кузнеца?

— Почему кузнеца? Ты охотник, многое умеешь...

— Убивать, — жестко прервал меня он. — Хорошие навыки, не так ли?

— Можно попробовать...

— Но я не хочу. Я хочу, чтобы у нас впервые и впредь было по-моему. Айола, я мужчина, глава семьи, а по факту просто тряпка, который уже семь лет бегает у тебя на побегушках.

Его слова ранили и неожиданно пробуждали чувство вины. Ведь всё сказанное им было правдой.

— Пора уже наконец понять, что ты хочешь, Айола. И на что ты готова пойти ради нас и любви. И была ли любовь с твоей стороны на самом деле? — произнёс Ивар поднимаясь. — Провожать меня не надо. Выход найду.

И ушел.

Просто взял и ушел, оставив меня наедине с проблемами.

Мне не хватало воздуха, я задышалась. Прижимала дрожащую руку к горлу и не могла сделать вдоха, полными слёз глазами смотря перед собой.

— Айола!

Не знаю как, но Селина вдруг оказалась рядом, присела передо мной на колени, хватая за лицо и заставляя смотреть ей прямо в глаза.

— Ты что творишь, глупая? Ну-ка дыши! Дыши! Делай вдох! Сумасшедшая, кто же себя так доводит?

Я старалась, правда старалась.

Перед глазами уже начали плясать чёрные мушки, когда первый вдох с хрипом ворвался в лёгкие. А следом хлынули слёзы.

Не знаю, сколько времени я рыдала на плече подруги, пытаюсь прийти в себя.

— Держи воду, — Селина подала мне стакан и осторожно стерла слёзы с моего лица тонким кружевным платком. — Никогда тебя такой не видела. Ты всегда была такой стойкой, сильной. Даже когда получила письмо из дома, что Ивар уходит в охотники, держалась. А сейчас...

— Я и вправду так ужасна?

— Глупости какие! Ты добрая, честная и искренняя девушка.

— Я всё испортила.

— Ничего ты не испортила. Всё хорошо.

— Он ушел.

— И дал тебе время подумать. И остыть. Вам обоим надо остыть и успокоиться. Сгоряча наговорить можно очень многое, — молодая женщина обняла меня и прижала к себе. — А ссоры бывают у всех. У нас с Дерексом не всё бывает гладко. Это надо просто пережить.

— Да, пережить, — медленно повторила я и сердце было с этим согласно, а вот разум.

Разум шептал, что всё не так просто.

В душном прокуренном зале было темно, лишь одиночные светильники стояли по углам большой комнаты, создавая приглушенный полумрак.

— Вам сегодня везёт, Гремзи, — лениво сообщил Торнтон, глубоко вдыхая ароматный дым от сигары, которая была в его руке.

Рыжеволосый мужчина лишь улыбнулся, собирая фишки с зелёного стола и аккуратно их складывая в небольшую стопочку.

— Кажется, мне везёт и в любви, и в игре.

— Вам можно лишь позавидовать.

— Видимо, Сын сегодня на моей стороне.

— Вполне возможно, — Леонард загасил сигару в пепельнице и снова взглянул на молодого человека. — А хотите сыграть по-крупному с настоящими акулами? Я могу познакомить кое с кем.

— Не уверен, что они захотят играть с обычным охотником, — хмыкнул Ивар, но карие глаза загорелись азартным огнём.

— Отчего же? Здесь все равны. А играть вы умеете и деньжата водятся. Такой куш. Тысяча золотом за вечер — это отличный результат. Но ведь можно и больше.

И Ивар не смог устоять перед соблазном.

---

*Хамиби — свадебная художница, которая тоненькой кисточкой рисовала на висках специальной краской — хамой «узор невесты». Священные цветы и завитки, которые ленточкой соединялись на лбу и опускались к переносице затейливой каплейкой. Витиеватость и красота зависели от суммы, которую готовы были потратить на это

молодожены.

Хама — краска из высушенных листьев лавсонии. Рисунок держится до трёх недель и, в зависимости от добавок, обладает различными оттенками, от светло-оранжевого до тёмно-красного и чёрного.

Глава Седьмая. Беда

Этим же вечером, придя в себя и всё хорошенько обдумав, я отправила Ивару записку с просьбой завтра утром встретиться у входа в главный парк и обо всём поговорить. Спокойно и без нервов.

Позднее утро, щебет птиц, шелест зелёной листвы, тихий говор прогуливающихся жителей и аромат сладкой выпечки из кафе, расположенного на другой стороне улицы. Я прождала минут тридцать, нервно шагая туда-сюда, щурясь от яркого солнца и ловя на себе любопытные взгляды.

Следующие полчаса я провела на летней веранде кафе, размазывая воздушный крем по крохотному блюдечку и совершенно не чувствуя вкуса сладкого пирожного с фруктовой прослойкой и миндальной стружкой.

Ивар так и не появился.

«Что-то случилось. Беда».

Другого варианта у меня даже в голове не было. Это не могла быть игра в обиженного жениха, он не мог быть настолько жесток. Тут явно дело в другом. Поэтому, наняв кеб, я тут же поспешила в гостиницу. Но и там Ивара никто не видел.

— А он и ночевать не приходил сёдня, — сообщил мне тот самый поварёнок, которого я встретила у входа.

На этот раз он выглядел почище и даже умылся.

— Как не приходил? А где он? Куда мог уйти? — затараторила я.

— Кто его знает. Все охотники были тута, а этого нет.

Страх нарастал, холодным змеем сжимая сердце.

— А где сейчас охотники?

— Так на ярмарку ушли. Сёдня ж первый день, — почесывая вихрастый затылок, ответил тот.

— Да, конечно, я совсем забыла. Может, Ивар тоже там?

— А может и так. Я же за ним не слежу.

— Спасибо, — я уже подхватила юбки, собираясь уходить, как увидела Флоренс, которая торопливо шла со стороны конюшен.

Увидев меня, рыжая застыла на мгновение и тут же попыталась скрыться, развернувшись и шагая назад.

— Подождите, пожалуйста, подождите, Флоренс! — Я поспешила к ней, перепрыгивая через ступеньки, только чудом не упав и ничего себе не сломав. — Флоренс! Мне надо с вами поговорить.

Сбежать не стала, обернулась и ещё больше напряглась, пронзая меня злым взглядом.

— Чего вам? — прошипела девушка, даже не пытаясь казаться дружелюбной.

«Ошибся, Ивар, лучших подруг из нас не получится».

— Вы не видели Ивара? — с трудом переводя дыхание, спросила у неё.

— Вам-то лучше об этом знать.

— Мне?

— Ведь он у вас ночевал, — в голосе слышалось обвинение. — Уехал вчера поздно вечером с каким-то лордом, и так и не появился. Наши все на ярмарке, трудятся, а его

нету. Предал свою семью ради какой-то бабы.

Я проглотила «бабу», решив не заострять на этом внимание.

— Подождите, с каким лордом? Куда уехал?

— Не знаю, приехал какой-то лощёный франт на личном кебе и увёз Ивара, — еще сильнее вспыхнула она. — Знаете что, дамочка, не ходите за мной и не разговаривайте. И помогать я вам не буду, нашли дурочку, наряды вам выбирать. Деньги Ивару отдам. А вы чужая. И никогда не станете одной из нас.

— Зачем вы так? — тихо спросила у неё, не ожидая таких нападок.

— Дамочка с манерами и замашками аристократки. Думаете, вы сможете выжить в горах? Не выйдет. Горы признают лишь сильных духом, кто не боится трудностей и готов на всё ради единой цели. А вы неженка.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— А что мне знать. — Девушка указала взглядом на мои затянутые в тонкие перчатки руки. — Достаточно посмотреть. Шелк, кружево и прочие побрякушки. Смотреть противно. Таким как вы не место среди нас.

— Не всё так, как может показаться, — холодно ответила ей.

Оправдываться я не собиралась. Не стоило это сил и времени, а последнего у меня и так не было.

— Вы его не достойны! Он сильный, самый лучший, умный, весёлый, такой хороший...

— И любит меня, — перебила я её.

Флоренс дёрнулась и зло расхохоталась, опасно сверкнув глазами.

— Любит? Вас? Ха! Не любовь это, а привычка. Иначе зачем ему к Нэнси хаживать второй год?

— К какой Нэнси? — не поняла я.

— У нас в посёлке женщина живёт, вдова, одна совсем, мужа пять назад лет гуи разодрали, двух деток растит. А одной ой как тяжело, вот она мужчин и принимает, за деньги.

— Это ложь.

— В горах все друг у друга на виду и все про всех знают. И я видела и вижу, как он к ней шастает. К ней, когда мог бы быть со мной! — хорошенькое личико скривилось от боли. — Я же любить его буду, все прихоти исполнять, на коленях ползать стану...

— Разве это любовь? — тихо спросила я. — Разве любовь — унижение одного ради другого?

Флоренс снова покачала головой:

— Вы не понимаете и не принимаете наших правил и быта. Даже сейчас не можете понять. А Ивар всё поймёт, обязательно поймёт, какая вы и придёт ко мне. Потому что так правильно и верно.

Слушать это я больше не могла, поэтому быстро задала последний вопрос:

— Значит, вы не знаете, где он сейчас может быть?

— Нет.

— До свидания!

Куда идти дальше, я не знала и даже представить не могла. Забравшись назад в кеб, я некоторое время просто сидела, растеряно глядя перед собой.

— Куда ехать-то?

— Что? Ах да, на Доусон-роу, тринадцать, — ответила я, называя адрес особняка Архольдов.

Там царило невероятное оживление. Войдя внутрь, до меня донеслись радостный смех и разговоры.

— А что здесь происходит? — спросила я, проходя в гостиную и оглядывая присутствующих.

Селина невероятно бледная и уставшая, с синяками под глазами, но, тем не менее, радостная сидела на диване, обмахиваясь веером. Рядом с ней сидела тётушка и тщательно вытирала крупные слёзы, которые текли из глаз. Делайн криво улыбалась, стоя у окна и посылая мне странные знаки, а Элодия королевой расположилась в кресле.

— Я выхожу замуж, — гордо сообщила мне кузина, поднимая руку и демонстрируя золотое колечко с крупным бриллиантом.

— Ты приняла предложение Шеридана?

Я прошла вперёд к хрустальному графину и налила себе немного воды с мятой и лимоном. Страшно хотелось пить.

— Он так упрашивал, что я не могла отказать, — улыбаясь, сообщила она, любуясь сверкающим камушком.

— Ну-ну. — Я взглянула на Селину. — С тобой всё нормально?

— Ничего, немного мутит, а так всё хорошо, — слабо улыбнулась молодая герцогиня.

— Уверена?

— Да. Лекарь уже готовит какое-то новое снадобье или ароматное масло. Не знаю точно. И даже вникать не хочу. Сколько их было за эти месяцы.

— Может тебе лучше пойти прилечь?

— Ты говоришь прям как Дерек, — усмехнулась она. — Тот даже уходить не хотел, так волновался.

— Я его понимаю, выглядишь ты не очень хорошо.

— Ну, спасибо, подруга.

— Эй! — недовольно вмешалась Элодия. Девушке явно не понравилось, что про её августейшую особу забыли и не уделили должного внимания помолвке.

— Селина, а когда герцог вернётся? — осторожно спросила у неё, стараясь сильно не волновать.

— Дерек? Не знаю, после обеда, наверное. А что?

— Да так, просьба есть.

— Ты вообще думаешь меня поздравлять? — возмутилась Элодия.

— Поздравляю, — не поворачиваясь, бросила ей, ставя стакан на место.

— Какая просьба? — сразу встревожилась Селина. — Может, я могу чем помочь?

— Нет, всё нормально.

— Это просто возмутительно! — не унималась кузина. — Никакого уважения! Я же говорила, что она будет завидовать, а вы не верили, матушка.

— Элодия! — приглушенно вскрикнула тётя Полин.

От очередного скандала нас спасло появление дворецкого.

— Прошу прощения, миледи, — склонив голову, произнёс он.

— В чём дело, Риджерт? — спросила Селина и поморщилась.

— Там госпожу Белфор спрашивают.

— Кто? — тут же поинтересовалась я.

— Господин Гремзи.

— Ивар! Боги, где он?

— Ожидает вас в малой гостиной.

И я, не тратя драгоценное время, ринулась туда.

— Ивар, где ты?... О, Великая Мать, — прошептала я, застывая на пороге и прижимая руку к груди, где в испуге застыло сердце. — Ивар, что с тобой? Что с твоим лицом?

На молодого мужчину было страшно смотреть. Когда-то красивое лицо было всё в жутких ссадинах и синяках, а правый глаз заплыл и почти не открывался.

— Прости, я не смог прийти на встречу, — он попытался встать, но тут же вновь опустился на диван, прижимая руку к боку. Замер, тяжело дыша и крепко зажмурившись.

— Сиди, не вставай, — я бросилась к нему, присаживаясь на колени и осторожно касаясь тела, призывая искру, магия которой уже серебрилась на пальцах. — Будет немного больно. Лекарь из меня не самый лучший, но залечить смогу.

— Не надо, — попытался запротестовать Ивар, хватая меня за ладони.

— Надо, — жестко оборвала его я, вырываясь и закрывая глаза, после чего глубоко вздохнула, принимая спящую магию.

Быстрый осмотр внутренним зрением показал небольшие ссадины, ушибы и треснутые рёбра слева. Ничего опасного для жизни, хотя и очень болезненное. С этим я могла справиться, сил, конечно, уйдёт много, но разве это было важно сейчас.

Магия мягким пологом укрывала мои руки, вытягивая силы, лечила, направляемая мною, и высасывала резерв. Занимаясь с артефактами, я никогда так не уставала. Потому что это было моё, именно артефакты, а не работа лекаря. А ведь в горах меня ждала вот такая судьба.

Спустя пять минут, тяжело поднялась, стряхивая крохотные капельки пота с лица и оглядела замершего жениха. Потрудилась я основательно, воскрешая в памяти все уроки и наставления: ссадины затянулись, синяки пожелтели и отёк спал.

— Спасибо, — потирая скулу, произнёс мужчина, но в глаза всё ещё не смотрел.

— Не хочешь объяснить, что произошло? — я присела в соседнее кресло и тяжело вздохнула.

Руки, лежащие на коленях, мелко дрожали. Внутренним зрением я видела, как искры силы еще серебрились на коже, мягко впитываясь, словно пытаюсь хоть немного восстановить мои силы и резерв.

Страшно хотелось пить, в горле першило. Графин стоял в пяти метрах на небольшом столике, но до него надо было дойти, а я была не в том состоянии.

— У меня проблемы, Айола, — тихо произнёс Ивар.

— Я вижу, — устало ответила ему.

— Нужны деньги.

Нечто подобное я и ожидала, поэтому равнодушно уточнила:

— Сколько?

— Много.

— Тысяча, полторы, две? — нудно перечислила я.

— Больше...

Великие, это же такие деньги... На них спокойно можно было приобрести небольшой участок земли в пригороде столицы.

— Ивар, что произошло?

Запнулся, отвёл взгляд и ответил неожиданно зло:

— Я проиграл.

— Проиграл? — повторила я и, всё ещё отказываясь верить, уточнила: — Ивар, ты играешь в карты?

— Вот только не надо читать мне нотации. Ты мне не жена. Пока, — мужчина встал и подошёл к окну. У него то сил стало больше.

— Раз ты уже встал, то будь так любезен, подай мне воды. Очень пить хочется.

Подал и тут же отступил в сторону, словно боялся находиться рядом со мной.

— Я и сам понимаю, что дурак, что поступил глупо, — продолжил молодой мужчина. — Что надо было остановиться, но не смог.

— Может, просто не стоило начинать?

— Это всё Элкиз.

Я замерла и подозрительно сощурилась.

— Ты играл с Торнтоном? Так он и есть тот самый лорд, который за тобой приезжал в гостиницу? — если бы смогла, я бы сорвалась на крик, но сейчас с губ срывался лишь громкий шепот. — Ты в своём уме?

— Мне везло! — отрезал Ивар, взъерошив волосы. — Сильно везло, как никогда в жизни. Я заработал три тысячи золотых. Три тысячи, Айола! Ты представь, какие это деньги?

Представляла. Ещё как. И азартный огонь в его глазах я тоже видела и понимала, что это не первая и не последняя игра в его жизни.

— И где они?

— Проиграл всё Торнтону и его компаньке и еще задолжал.

— Это он приказал избить тебя?

— Нет. Мы разошлись под утро... я не мог всё это оставить просто так и решил попробовать в другом месте.

Я схватилась за голову.

— Боги, ты и там проигрался?

— Да, проблема в том, что вторые ждать не будут... На кону моя жизнь, Айола. Если

завтра я не принесу деньги, мне конец.

— Сколько? — снова спросила я, на этот раз требовательнее.

Мне казалось, что я готова услышать любую сумму. Ошиблась.

— Около шести тысяч золотых, с учётом процентов.

— К-каких процентов?

Это количество денег не укладывалось в голове и казалось просто кошмарным.

— За ожидание и отсрочку на сутки.

Я спрятала лицо в руках.

— Великие, что же ты натворил? Что ты натворил?...

Но тот меня словно не слышал.

— Ты же сказала, что у тебя есть большой заказ на тысячу.

— Был. Этот заказ от Торнтон... Ивар, неужели ничего нельзя сделать? Обратиться к органам правопорядка, еще куда-нибудь? Надо же что-то делать!

— Карточный долг — это долг чести, — упрямо возразил он.

— Ты готов за него умереть? — выкрикнула я и снова задрожала.

— Это не случится. Мы справимся. Ты поможешь мне. Это даже хорошо, что заказчик Торнтон. Ты ему всё сделаешь, а он простит часть долга. У меня есть около пяти сотен золотых и у тебя в банке тоже сумма накопилась за заказы.

— А остальная сумма?

— Попроси у Архольдов. Герцогиня же твоя подруга, — ответил мужчина.

— Надо же, только вчера ты обвинял их во всех грехах, а сегодня хочешь, чтобы я просила деньги у них. Не брезгуешь? — не смогла сдержаться я.

— Прекрати, — скривился он. — Для них эту пустяк, мелочь. Герцогиня больше тратит на тряпки у швеи. Пусть докажет свою дружбу, о которой ты столько рассказывала.

— А отрабатывать чем будем? Ведь их рано или поздно придётся вернуть.

— Придумаем что-нибудь. Айола, тут вопрос жизни и смерти. Понимаешь? Они меня убьют.

Я смотрела в его лицо, на зажившие следы от побоев и понимала, что это правда. И это было страшно. Только сейчас я стала осознавать всю опасность, нависшую над нами. Потерять его как человека... Нет, это выше моих сил. Несмотря на наши разногласия, на подозрения и ревность, я не могла допустить гибель Ивара.

— Хорошо, я попробую поговорить с ними.

— Как можно быстрее.

— Я сегодня всё решу, обещаю, — тяжело поднимаясь, произнесла я и направилась к двери.

— Спасибо... Айола, я...

Ивар попытался подойти ко мне и даже, кажется, обнять, но я увернулась и вышла, бросив напоследок:

— Приходи на рассвете, деньги будут. Обещаю.

И сбежала, оставаясь один на один со своей болью.

Только потом, подходя к большой гостиной, я поняла, что не спросила у Ивара про ту Нэнси, о которой рассказывала Флоренс. И пусть его измена на фоне грядущей беды была пустяком, забыть и отмахнуться от неё я не могла. Мы обязательно поговорим об этом, но позднее. Нам, по сути, о многом надо поговорить и выяснить.

В большой гостиной уже никого не было.

— А где герцогиня? — спросила я у пробежавшей мимо служанки в накрахмаленном переднике и чепчике.

— Ей плохо стало, срочно отправили в спальню. Сейчас с ней лекари и маг. Герцогу уже сообщили, скоро приедет, — сбивчиво ответила она, а глаза были полны страха и тревоги, которые передалась и мне.

— Что-то серьёзное?

Я помнила, какой бледной и уставшей выглядела Селина, и кляла себя за то, что не настояла на своём. Надо было заставить подружку лечь в постель и вызвать герцога.

— Пока не знаем.

Первой мыслью было взбежать по ступенькам прямо в ней в спальню и просто побыть рядом. Взять за руку и не отпускать, впускать в её свою силу. Но я так же осознавала, что сейчас меня просто не пустят. Там искрящие гораздо опытнее меня и сильнее, а я буду лишь мешаться.

Понимала я и еще кое-что. Когда Селина в таком состоянии, просить её о подобной услуге мне нельзя. Она еще больше разнервничается, а это может стать в её положении фатальным. Значит, остаётся герцог или...

— А граф здесь? — быстро спросила я у девушки, пока та не убежала.

— Да, у себя в покоях.

— А где они сейчас располагаются?

Служанка бросила на меня странный взгляд, но всё-таки ответила:

— Третья дверь от вашей.

— Спасибо.

Мне было всё равно, что подумает прислуга и все остальные. Да, я шла в покои к мужчине. Да, это было страшно неприлично и могло вызвать новую волну слухов. Ну и пусть.

У его двери я застыла на мгновение, пытаюсь мысленно прокрутить весь разговор, подобрать слова. Великие, да я готова была ему в ноги упасть, лишь бы это могло помочь Ивару и спасти его от бандитов.

Стук и приглашение войти.

— Госпожа Белфор?

Удивлённым он не выглядел. Наоборот, я была уверена, что мужчина ждал моего прихода.

Громко хлопнула закрывая дверь и я застыла в дверях.

— Мне надо с вами поговорить.

Почему всё, что касается Айолы Белфор, невозможно спрогнозировать?

Леонард Торнтон очень не любил, когда что-то шло не по его плану, а с этой северянкой всё было именно так. Даже небольшое наказание её азартного жениха вылилось в большие неприятности.

Наверное, он был сам в этом виноват. Расслабился, не смог спрогнозировать дальнейшее. Ведь всё было так просто и легко. Игра, полторы тысячи золотых в долг, и Гремзи был отпущен на волю с пустыми карманами и долговыми расписками.

Кто же знал, что этот дурак пойдёт в притон к бандитам и решит отыгаться там, еще больше увязнув в неприятностях. Решил отомстить аристократам, а вышло то, что вышло.

Избили, но не убили.

Когда утром нанятый сыщик сообщил графу о случившемся, Лео впервые был готов взорваться и сломать что-нибудь. Желательно об голову этого охотника.

Шесть тысяч золотых! Даже для него это сумма была ощутимой. Что уж говорить об обычном охотнике.

И тёмный глава города это отлично понимал. Не дурак ведь и должен был знать, что собрать всю сумму не получится. Почему отпустил? Чтобы вернуть хотя бы часть. Приди следующим утром Гремзи с двумя-тремя тысячами и просьбой об еще одной отсрочке, его просто убьют, прикарманив денежки.

Дурак. Ведь не в первый раз играет, а попался как мальчишка. Вот что с людьми делают эмоции и чувства.

Игра вышла из-под контроля, принимая катастрофические масштабы. Он вообще жалел, что ввязался в это. Вот только пути назад уже не было.

Она появилась в его дверях как призрак. Очень бледная, с кругами под глазами, с влажными на висках волосами, которые прилипли ко лбу, и неприкрытой ненавистью в зелёных в глазах.

— Мне надо с вами поговорить.

И голос такой чужой и безжизненный, что больно.

Торнтон не стал напоминать ей о приличиях и о слухах, лишь кивнул, приглашая присесть.

— Воды?

Белфор была такой хрупкой и тоненькой, что казалось еще немного и переломится. Кто угодно, но только не она. Такие не ломаются, а гнутся под неприятностями, выживают и становятся только крепче. Леонард не понимал, с чего так решил, просто знал.

— Нет, спасибо. Что вы хотите?

Граф сел напротив неё, закинув ногу на ногу и пристально изучая её лицо. Сейчас он мог себе это позвонить. Белфор взгляда не отводила и ненависти не прятала за безразличной маской.

— Я его не избивал и приказа не отдавал.

Почему-то было жизненно необходимо сказать ей и понять, что она услышала и поверила.

— Я знаю.

— И не думал, что он свяжется с бандитами.

Кивок и ледяное:

— Но это затеяли вы. Решили отомстить за пощечину? Вам удалось. Что вы хотите, граф? Артефакт? Хорошо, он у вас будет. И не один. Я отработаю каждую монету из шести тысяч. Вам же уже известна сумма долга?

— Вы же уходите в горы через неделю, — напомнил Леонард.

— Не уйду, пока не верну вам всё до копейки. Если надо, могу подписать обязательства.

— А что на этого скажет ваш жених?

— На кону его жизнь, — резко отрезала она.

— Вас не смущают его увлечения?

Вспыхнула. Алые пятна украсили бледные щеки, делая её ещё моложе.

А ведь она ровесница Селины. Значит, Белфор сейчас двадцать три — двадцать четыре года. А выглядит не старше девятнадцати.

«Белфор... Айола...»

Он никогда не называл её по имени, даже мысленно. А сейчас почему-то решился.

Айола... Непривычное имя, северное, незамысловатое и такое простое, но оно удивительно ей шло. Насколько мужчина помнил, это название какого-то цветка, который рос только в Северных горах среди бесконечных снегов. Маленький, белоснежный, хрупкий и в то же время стойкий, если смог пробиться и выжить там, где другие были не в силах.

— А вас не смущают ваши увлечения, граф? — звенящим голосом парировала она. — Вы ведь тоже игрок.

— Я не азартен.

«Если дело не касается тебя... Всего пара дней, а я уже совершаю поступки, которые мне совсем не свойственны».

— Меня это не касается.

— Но вы сами спросили, — напомнил ей Леонард.

— Граф, я пришла к вам за помощью. Готова принести извинения и бесплатно создать десяток ценных артефактов. Что еще вам нужно?

Если бы Торнтон сам мог знать.

Его молчание её злило и выводило из равновесия, заставляло совершать ошибки, произносить слова, которых говорить не стоило.

— Что еще нужно таким как вы?

— Как я?

— Упасть на колени? Прилюдно извиниться. Облизать ваши ботинки? — От гнева её глаза так ярко сверкали, что ему казалось, он видит саму искру. — Или вы предпочитаете забавы поискусшнее? Невинность девушки для вас достаточная цена?

Вот зря она завела об этом разговор, потому что мысли Торнтон пошли совсем по другому руслу и с её участием стали более откровенными, опасными, жаркими. И отклик тела был неожиданно острым и болезненным. Мужчине даже пришлось сесть поудобнее, чтобы избавиться от неожиданного чувства дискомфорта.

— Так вот, граф! Здесь вы не угадали. Мне предложить вам нечего. Совсем. Невинности у меня нет! — чуть ли не выкрикнула она ему в лицо и в ту же секунду застыла, прижимая руку к губам и с ужасом смотря на него.

Разговор зашел слишком далеко. Это понимали оба.

Её слова подействовали на Торнтон как ушат ледяной воды и реакция была неожиданно яркой и злой. Слова сами сорвались с губ, ведя их обоих к краху.

Глава Восьмая. Выбор

— Так вот, граф! Здесь вы не угадали. Мне предложить вам нечего. Совсем. Невинности у меня нет! — и замерла, прикрыв рукой губы, словно хотела остановить слова, которые с них сорвались, попытаться вернуть всё назад.

Великие, если бы это было только возможно.

И реакция Торнтон, который до этого вальяжно расположился напротив, осматривая меня странным, опьяняющим взглядом, была очень резкой.

— Даже так, Белфор? — Его холодному тону могли позавидовать вечные снега Анагорских гор. — Я знал, что нормы морали и этики, которые отличают аристократию от обычных людей, вам чужды, но не думал, что вы дойдёте до такого.

— Вы не имеете право меня судить. Ивар мой жених.

А в ответ увидела, как заходили желваки.

— Гремзи? Кто бы сомневался. Вы считаете меня исчадьем бездны, Белфор? Но у даже у такого как я есть свои принципы, одним из которых является — никаких девственниц в собственной постели.

Я задрожала, тяжело сглотнув.

— Но ведь сейчас всё иначе, не так ли? — тихо закончил мужчина, смотря мне прямо в глаза.

И этот взгляд был как проклятье: резкий, ядовитый и прожигающий всё нутро.

— Что вы такое говорите...

— Я прощу долг вашего жениха в полторы тысячи золотых и подарю четыре с половиной за одну лишь ночь в моих покоях.

— Что? — я резко поднялась и отскочила в сторону, с ужасом смотря на него. — Вы с ума сошли?

Не шутка, не розыгрыш. Я видела это в его глазах. Граф был как никогда серьёзен, озвучивая свой приговор.

— Думаю, это самая щедрая оплата из возможных. Шесть тысяч за одну ночь, о которой никто не узнает. Не беспокойтесь, я умею хранить тайны. И не в моих интересах кому бы то ни было сообщать об этом.

— Нет.

— И ваш жених умрёт.

Я мотнула головой, пытаюсь прояснить мысли, которые сейчас путались, накрывали волной друг на друга и смешивались в непонятную кучу.

— Это была ошибка прийти сюда, — ответила ему, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Надо было сразу понять, что договориться с вами не получится.

— Надеетесь, что Селина вам поможет? — догадался Торнтон, даже не пытаясь меня остановить.

— Мне казалось, что вы не можете упасть в моих глазах еще ниже, чем сейчас. Я ошиблась, — направляясь к выходу, сказала ему я. — Но я ошиблась. Вы чудовище, граф Элкиз. Самое настоящее чудовище. Воспользоваться ситуацией и так поступить... Вы мне омерзительны.

Выйдя из его спальни, я некоторое время стояла, словно оглушенная, ничего не видя перед собой.

— Айола! — крик Делайн привёл меня в себя.

— Что? — я обернулась и взглянула на кузину.

— Наконец-то я тебя нашла... А что ты тут делаешь? — тут же подозрительно спросила девушка, бросив взгляд на дверь Торнтона.

— Стою. А что ты хотела?

— Герцогиню отправляют в Академию.

— Что? Как? Когда?

— Прямо сейчас. Прибыл герцог и они уезжают.

Я не стала её дослушивать, подхватив юбки, бросилась вниз по лестнице, а оттуда на улицу.

— Корвил?

Герцог нахмурившись смотрел, как его жену мягко и бережно сажают в карету.

— А, Айола, добрый день, — рассеяно ответил он, не отрывая взгляда от бледного лица жены. Выглядел Архольд не очень хорошо: взъерошенный, встревоженный и страшно обеспокоенный. — Мы срочно уезжаем в Академию, Сэм надо показать искрящим. Хотя она до сих пор сопротивляется. Мне совсем не нравится, как она выглядит.

— Да, вы совершенно правы, — кивнула я, поддерживая его решение, и тут вспомнила о своей проблеме. — Дерек, мне надо с вами срочно поговорить.

— Конечно-конечно, только давайте завтра. Мы опаздываем к порталу. Мне с трудом удалось найти свободное время. Сами понимаете, сейчас речь идёт на минуты.

— 3-завтра? — переспросила я, чувствуя, как надежда серым пеплом осыпается в груди.

— Да, я прибуду утром, и мы с вами всё обязательно обсудим. А теперь прошу прощения, — он кивнул мне и поспешил к карете, не дав мне даже возможности возразить.

Я и не могла. У них свои проблемы и неприятности, я и не имела права нагружать их и что-то требовать.

Оставалась еще одна попытка.

Я вернулась домой, схватила сумку, перчатки и шляпку, после чего поспешила в банк, который находился недалеко от центральной площади.

— Денежные накопления мы вам сейчас выдадим, но вот с кредитом могут возникнуть проблемы. Сумма очень большая, госпожа Белфор, — произнёс молодой мужчина, стоя за стойкой администратора. — В данный момент у нас просто нет её в наличии. Необходимо заказывать и доставлять из хранилища. Плюс ко всему ваша заявка должна быть одобрена вышестоящими руководителями. А это занимает не менее трёх дней.

— Неужели ничего нельзя сделать? Хоть что-то? — взмолилась я. — Я согласна даже на самый высокий процент.

Он виновато покачал головой.

— Мне очень жаль, но это невозможно. День уже заканчивается, из начальства уже никого нет, а вы просите деньги на утро. Ещё такую крупную сумму денег.

— Я понимаю, но всё-таки...

— Мне очень жаль, — снова повторил администратор.

Не получилось. Деньги взять неоткуда. Если только не ограбить особняк Архольдов, заложив все ценные вещи, картины, предметы интерьера. Вот только на это я не была

способна. Даже ради Ивара.

Вернувшись в особняк, я отказалась от ужина и сразу пошла к себе в покои, упала на кровать, рассматривая потолок и прижимая к груди сумочку, в которой тяжелели монеты.

Отказаться и оставить его. Бросить на милость судьбы и просто стоять в стороне?

А перед глазами возникла картинка мутной ледяной воды, злобные зверюги на берегу и тихий, но уверенный шёпот Ивара, убеждающий меня, что всё будет хорошо.

Когда-то он рискнул всем и помог мне выжить.

Жизнь за жизнь.

Торнтон ведь был совершенно прав. Я сама выбрала этот путь. Отошла от норм этики и морали, отринула всё то, чему меня учили с рождения, уступив и отдав в залог свою невинность. Залог того, что ничего не изменится, что я не передумала. И только тогда мне было позволено провести еще один год в княжестве, выхаживая больного отца.

Отбросив сумку в сторону — монеты громко и противно зазвенели, — я перевернулась на живот, обнимая подушку и зарываясь в неё лицом. Слез больше не было. Если бы от воспоминаний можно было так же легко избавиться.

Я хорошо помнила тот вечер под ракитой год назад. Так четко и ясно, словно это было только вчера. Как и боль, скрутившую тело, и мою наигранную пустую улыбку, которую я через силу выдавливала из себя, слушая утверждения, что в следующий раз всё будет лучше и хорошо. Кивала, соглашалась и умирала от стыда и отчаянья.

Не будет, уже не станет.

Помнила, как всю ночь проревела, вымаливая прощение у строгой Богини Матери, убеждая её и себя, что так надо, что так правильно, что мы любим друг друга и эта ночь ничего не изменит, а лишь крепче свяжет нас. Клялась, что это в первый и последний раз решалась на такое вне священного союза.

Себя убедить удалось, Богиню — нет.

И вот оно наказание.

Следующие часы я раз за разом прогоняла через себя прошедшие годы. Вспоминала каждый жест и улыбку, наши долгие прогулки с Иваром. Подаренные им цветы, от аромата которых кружилась голова. Звезды, которые были такими яркими над нашими головами. И это безграничное ощущение счастья, пьянящее сильнее любого вина.

Любила? Да. Того мальчика с бездонными карими глазами и очаровательной улыбкой, от которой замирало сердце. Только вот что сейчас осталось от этого мальчика, который спасал меня в ледяной воде?

Надо было понять, что Ивар меняется. Еще год назад, когда он приехал неожиданно чужой и холодный, как колюче смотрел и собственнически сжимал в своих руках, игнорируя мои болезненные гримасы и удивлённые взгляды.

Не хотела верить, не хотела признавать и акцентировать внимание, слишком занятая болеющим отцом. По-детски уверенная в нашей любви.

Зачем согласилась тогда на его требования? Потому что боялась потерять. Как глупо и страшно. Цеплялась, держалась и умирала. А за что пала? Ведь нет больше того мальчика солнечной улыбкой. И той девчонки тоже нет. Умерла, рассыпалась прахом, сторев от боли и тоски.

Оставался лишь долг. Жизнь за жизнь...

Всего лишь одна ночь. Ночь с человеком, которого ненавидела всем сердцем. Разве это высокая цена за спасение чужой жизни? Я не знала, но выбора не было. Ведь хранить мне было нечего.

Часы пробили полночь, когда я тенью, никем незамеченная прошла по коридору, открыла знакомую дверь и бесшумно скользнула внутрь.

В покоях было темно, лишь пара светильников по углам, которые скорее не освещали, а наоборот еще больше усиливали напряжение и сгущали обстановку. Или может быть дело в моём состоянии. Всё тело, а не только щеки, горели от жгучего стыда. Нервная дрожь заставляла мелко трястись, и больше всего мне хотелось сбежать отсюда.

«Не смогу... не смогу...»

Честно говоря, я уже сделала шаг назад, чтобы последовать своим желаниям, как из спальни неожиданно вышел граф. Мужчина замер в дверях, и я всё никак не могла разглядеть выражения его глаз, которые были скрыты в сумраке ночи.

— Айола? — в голосе слышалось удивление, а я дернулась в ответ, услышав своё имя в его устах.

— Ваше предложение еще в силе? — прочистив горло, спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал от страха.

— Да, — тихо ответил он.

— Тогда я согласна.

И сама не верила в то, что произнесла это, лишая себя последнего шанса на побег. Но сделанного не воротишь и отступить было не в моих правилах.

Торнтон еще некоторое время изучал меня, потом подошёл к шкафу и достал из ящика небольшой бумажный прямоугольник, который демонстративно положил на журнальный столик у дивана.

— Это чек на четыре с половиной тысячи золотых. Его можно будет обналичить в любом отделении банка уже завтра утром. Распоряжение я отдал.

Я кивнула, чувствуя, как в груди всё закипает от гнева и отчаянья.

«В этом весь Торнтон. Невыносимый, заносчивый, самоуверенный. Он уже приготовил всё. Отдал распоряжения, подписал чек. Значит знал, что я соглашусь и приду к нему этой ночью. Не сомневался, что попаду в его сети. Невозможный человек. Невыносимый, который всегда получает то, что хочет. И здесь он угадал... Я ведь пришла, сдалась...»

Как же мне хотелось разорвать эту бумажку в клочья и бросить их в лицо графу, с наслаждением смотреть, как от гнева заблестят его глаза. Как много мне хотелось, но сделать я ничего не могла.

— Хорошо, — лишь сдержанно кивнула ему.

После чего прошагала прямо в спальню и застыла на мгновение у огромной кровати. Подавив рвущийся наружу всхлип, покрепче стиснула зубы и, путаясь в длинном подоле сорочки, забралась в постель. Вытянулась во весь рост, сложив руки на животе, и крепко зажмурилась.

Уже не маленькая девочка и хорошо знала, что должно произойти. Больно уже быть не должно, а всё остальное... Переживу, перетерплю и выдержу.

Смогу.

А сама замерла, прислушиваясь к каждому шороху и звуку приближающихся шагов, мысленно считая от одного до десяти и обратно.

«Всё будет хорошо... всё будет...»

— Ох, — выдохнула я, когда меня неожиданно схватили за локоть и выдернули из постели, заставляя столбом застыть рядом с ней, непонимающе распахнув глаза.

Торнтон всё ещё сжимал мою руку и стоял так близко, что я могла разглядеть каждую чёрточку его лица. И это несмотря на то, что в спальне было достаточно темно.

— Так не пойдёт, — неожиданно хрипло произнёс мужчина. — Только не так...

— Вы же требовали от меня ночь в своей постели. Разве я не сделала то, что вы хотели? — спросила у него, чувствуя, как бешено бьётся сердце в груди.

Он был слишком близко.

— Не так, — повторил Элкиз, отпуская мой локоть и поднимая руку вверх.

Ладонь коснулась растрёпанной косы, наводя еще больший беспорядок, расплетая волосы и пропуская через пальцы светлые пряди.

— Я не понимаю, — прошептала в ответ, не зная, что делать и куда бежать.

Всё было не так, как я представляла, и эта неправильность и неоправданность представлений сводила с ума.

В моих представлениях Торнтон должен был повалить меня на постель, задрать подол сорочки, навалиться сверху, до боли сжимая грудь, и сделать своё дело. Ну уж точно мужчина не должен был так касаться моих волос, которые уже мягкими волнами падали на грудь и плечи, окружая лицо пушистым облаком.

— Моя ночь и мои правила, Айола, — произнёс Торнтон одними губами, но я поняла.

Чуть шершавая ладонь мимолётно коснулась плеча, обхватила затылок, большим пальцем поглаживая бьющуюся на шее жилку.

— Боишься?

— Не понимаю, — повторила я и прикусила губу, пытаюсь понять природу своих чувств и желаний.

Его лицо приближалось. Или моё к нему, направляемое чужой волей? Я не могла толком сказать. Всё смешалось: звуки, запахи, цвета и собственные ощущения. И среди этого безумия затерялась я.

— Поймёшь.

Лёгкое прикосновение губ и никакого принуждения. Я застыла, упрямо сомкнув их и напоминая себе, что собиралась игнорировать все его действия. Поцелуй стал более требовательным, и я зажмурилась, стараясь не поддаваться той лёгкой дрожи, которая загоралась в животе. Рука на затылке мягко поглаживала, пальцы зарывались в волосы, убеждая открыться, довериться, но разум был сильнее.

До того момента, пока моих губ не коснулся кончик его языка. Это было так неожиданно, что я протестующе ахнула и тут же пропала.

Меня поймали, сжали в своих объятьях, не давая даже шелохнуться, целуя, лаская, побуждая открыться и довериться.

Но я не могла... не могла и всё тут. По крайней мере, первое время. Мысль о том, что ненавижу, никуда не делась и я цеплялась за неё как за соломинку.

Его губы ласкали, сводили с ума. Руки требовательно, но нежно гладили спину, бедра, ласкали моё лицо.

— Откройся... откройся для меня, — шепот на грани сознания, который проигнорировать не было сил.

Ненависть была со мной, но уступила место другим чувствам.

Руки сами потянулись к его плечам, робко касаясь и поглаживая, совсем не так, как он касался меня, а иначе, еще так нерешительно. Но начало было положено.

— Айола... Айола...

Моё имя в его устах было неправильным и правильным одновременно. Он не должен был

так меня звать и должен одновременно. Я запуталась в своих чувствах и эмоциях. В ненависти и желании большего.

Не знаю как, но Торнтон чувствовал меня, не торопился, но и не пасовал, давая разуму вновь взять верх над чувствами.

Я так увлеклась поцелуями, что не заметила, как мягко мужчина уложил меня в постель и навис сверху, не подавляя, как было когда-то.

«Ненавидеть. Я должна его ненавидеть, но и противиться соблазну не могу. Это походит на наркотический дурман, лихорадку в крови, безумие, которое не поддаётся осмыслению».

Может и не надо? Не надо думать о том, что будет, а просто отдаться желаниям? Узнать, что такое настоящая страсть, куда приведёт нас это безумие и раствориться в нём, забыв обо всём. Нет Торнтон и Белфор, что сейчас стягивали друг с друга одежду, которая жалобно трещала по швам. Только лишь мужчина и женщина. А завтра... завтра будет завтра.

Запускала пальцы в его волосы, сжимала обнажённые плечи, оставляя на коже белые полумесяцы от своих ногтей, чувствовала, как перекачиваются мускулы под моими руками. Задышалась, ощущая грешные губы на свой груди, вздрагивающем животе, бедрах.

— Айола... Айола...

Сходила с ума от своего имени, которое Торнтон... Леонард выдыхал, не прекращая касаться везде и всюду.

Сгиб коленей, горячая рука на бедре, как печать нашей страсти, и сильное тело надо мной... во мне. Я с глухим стоном подалась вперёд, принимая его до конца, дрожа и кусая губы.

— Леонард, — его имя срывается с моих уст против воли. Когда терпеть уже почти нет сил, когда дорожка дрожи, зарождаемая внизу живота, безумной волной распространяется по всему телу.

Всего лишь имя, но мужчина вздрогнул, усиливая напор, ловя губами мои стоны.

Мой тихий вскрик и его тяжелый стон.

... И всего мгновение, чтобы прийти в себя и понять, что произошло и как именно.

Стыд? Нет, боль и тоска, женская радость и гордость.

Осторожно пошевелилась и отвернулась от лежащего рядом мужчины, пытаюсь найти, чем укрыться, спрятаться от его нескромных глаз. Я знала, что Леонард смотрит на меня, изучает, чувствовала его взгляд между лопатками.

По телу прошла дрожь, хотя в спальне было жарко, и вся кожа была покрыта капельками пота, от которого волосы намокли так сильно, хоть выжимай.

— Замёрзла? — тихий шепот совсем рядом и спасительное покрывало на плечах, в которое я тут же укрылась.

— Спасибо, — тихо произнесла в ответ, разглядывая узор на подушке.

Пара секунд тишины и новый вопрос:

— Жалеешь?

— У нас договор, — напомнила ему.

Зря, наверное, потому что напряжение только усилилось.

— Но по договору всё должно было быть по-другому, не так ли? — как-то зловеще переспросил Торнтон. — Ты хотела лежать бревном, сжимая покрывало, мысленно

считая до ста и обратно, стараясь не морщиться от отвращения, когда я буду прыгать на тебе?

«Почти...»

— Вы... — начала я, но была перебита.

— Ты. Ты уже произносила моё имя, Айола. Совсем недавно. Или не помнишь?

— Помню.

Разговаривать так было тяжело. Я повернулась, продолжая прятаться в покрывале, при этом всё равно чувствуя себя ужасно голой и беззащитной.

— Проклинаешь себя за то, что ответила?

Надо было солгать. Надо было, но не смогла.

Не отвела глаз, задыхаясь от требовательного взгляда и тихо, но твёрдо произнесла:

— Нет.

— Нет.

Не солгала, не спряталась и не скрылась. Торнтон видел правду в глубине её глаз и злость, сдавившая сердце, лопнула как пузырь. Мужчина чуть не задохнулся от волны облучения, которая затопила с головой. Странное ощущение, не понятное и быть его не должно. Потому что это просто одна ночь и всё. Жажда утолена, и они разойдутся каждый в свою сторону.

Она лежала совсем рядом, под подбородок закутанная в стёганое покрывало, с припухлыми от поцелуев губами, растрёпанными волосами, пряди которых прилипли к влажному лбу, и от макушки до пяточек пропитанная его запахом и их страстью. Яркой, взаимной и обжигающей.

Искренняя, порывистая, честная.

— В моей жизни и так произошло много такого, о чём стоило пожалеть. Я устала от этого. И эта ночь, — сглотнула и провела кончиком языка по пересохшим губам. — Не хочу, чтобы она тоже стала ошибкой. Хотя это ничего не изменит. Мне стоило догадаться, что так будет. Вы умелый любовник, граф, и выстоять против вас у меня не было даже малейшего шанса. Что ж, пусть так и будет. Моё тело вы получили, а душа... Она останется при мне.

Девушка села в постели, прижимая покрывало к груди и выставляя мужчине на обозрение обнажённую спину с выступающими позвонками.

Не изменит? Да, наверное. Чужая невеста, бедная аристократка из далёкого заснеженного княжества и лучшая подруга младшей сестры.

Для жены слишком проста, такую никогда не примут в обществе. Графы, обладающие высоким положением и внушительным состоянием, никогда не женятся на таких, что бы ни утверждали сказки. Для любовницы — недостижима.

Сегодня днём стоило двери за ней закрыться, он тут же пожалел о своих словах и предложении. Ведь всё начиналось ради другого. Надо было лишь унижить её, заставить приклонить колени и создать артефакт. Даже десять. Но горькие слова и мысль о том, что её кто-то касался подействовали как спусковой крючок.

«Ты... в моей постели...»

Дурак.

Сжал стакан в руках, который впервые в жизни захотелось разбить о стену, наслаждаясь звоном разбитого стекла. Глухая боль и злость в груди. И картинки перед глазами. Айола и чужой... другой, не он...

Не должно волновать, но волновало. И раздражения быть не должно, но было.

Стакан с грохотом опустился на стол, нарушая звенящую тишину.

Но жалеть о случившемся Торнтон не собирался. Сказал и сказал. Значит теперь стоило переключиться и извлечь пользу из того, что произошло. Максимальную пользу и выгоду для себя.

Граф вскочил, схватил камзол и вышел из спальни, чтобы узнать, что Селину только что срочно отправили в Академию. Первой мыслью было броситься следом. Просто оказаться рядом, как много лет назад, когда сестра чуть не убила себя, попав в ловушку старого герцога Архольда.

Остановился в последний момент, понимая, что сейчас сестру есть кому защищать и беречь. Корвил, каким бы гадом он ни был, никогда не позволит, чтобы его жену кто-то обидел или навредил ей.

Оставаться в особняке сил не было. Вновь заныла нога, следствие травмы у разрушенной обвалом деревни. Когда мощным выбросом магии их с Селиной чуть не убило. Тогда они пытались найти под завалами Корвила и едва не погибли сами.

Трость в руке и давление на ногу спало, сменившись легким дискомфортом.

Солнце снова нещадно палило, не давая сосредоточиться. И даже лёгкая тень придорожных деревьев не спасала.

А мысли то и дело возвращали его к Белфор. К той звонкой пощечине, которая послужила началом изощрённого плана мести, к обвинениям, которые она, не таясь, бросала ему в лицо. Другие предпочитали не воевать с графом, а если и делали это, то только за спиной и через десятые руки. Но не она.

Рука сама собой потёрла скулу, словно стремясь стереть воспоминания о пощечине. Кто бы мог подумать, что всё зайдёт так далеко и будет иметь такие последствия.

Леонард сам не заметил, как оказался у входа в банк.

— Торнтон? — знакомый голос заставил замереть и обернуться.

К нему с другой стороны улицы спешила маркиза Констанци. Пружинистые локоны обрамляли бледное личико, которое скрывалось в тени изящной шляпки с короткими полями, украшенной разноцветными перьями птицы фольк*, а соблазнительное тело было облачено в красивое шелковое платье ярко-розового цвета с глубоким вырезом.

Женщина была не одна. Её сопровождал какой-то молодой хлыщ. Леонард понятия не имел, кто это, и даже не хотел знать, сосредоточившись на любовнице. Яркая красота Армель многих пленила и свела с ума.

— Маркиза, — мужчина кивнул подошедшей женщине.

— Что-то давно вас не видно. Не приходите, не отвечаете на приглашения, — ласково произнесла она, хотя глаза метали молнии:

«Ждала тебя прошлой ночью и буду ждать этой. Только посмей не прийти.... Только попробуй...»

А внутри поднялось раздражение. Маркиза и раньше позволяла себе слишком многое, но сейчас явно перешла рамки дозволенного.

— Дела.

— Дела могут и подождать. Надо же находить время для развлечения, — промурлыкала женщина, подаваясь вперёд и касаясь тоненьким пальчиками лацкана его камзола. — Жизнь так коротка.

— Я подумаю об этом, — буркнул он, краем глаза замечая тоненькую фигурку Айолы, которая вышла из здания банка, прижимая сумочку к груди.

Девушка явно ничего не видела перед собой и возникни Торнтон прямо перед ней, скорее всего бы даже не заметила, но мужчина всё равно отступил в тень дерева, провожая её внимательным взглядом.

— Так-так-так, — Армель проследила за его манипуляциями и хищно улыбнулась. — Маленькая северянка, протеже самой герцогини. Говорят, ты уже успел развлечься с её кузиной.

— Кто говорит? — равнодушно уточнил он, переводя взгляд на маркизу.

— Слухами мир полнится, друг мой. Решил попытать удачу и со второй сестрой?

— Какое пристальное внимание к моей личной жизни, — криво усмехнулся Торнтон, опасно сузив глаза.

— Интересный мужчина не может не вызывать повышенного внимания, — она шагнула еще ближе, обдавая его удушливым ароматом роз. — Главное, чтобы наш граф не возгордился и не забыл про старых друзей.

Он чуть склонил голову, давая понять, что понял скрытый смысл фраз.

— Было приятно вас встретить, — натянуто улыбнулась она. — Прощайте, граф. Лорд Ройдос, давайте продолжим нашу прогулку?

— Прощайте.

А сам поспешил в банк. Через полчаса граф вышел из здания с обещанием начальника банка предоставить завтра утром любому, кто придёт с чеком, указанную в нём сумму денег.

Чек был подписан сразу по приходу в особняк. Элкиз собирался отдать его Белфор сразу после ужина, сказав, что передумал и согласен на десять артефактов, но девушка так и не вышла из комнаты. Тогда он решил отложить разговор до утра.

А потом получилось то, что получилось.

Воспользовался ситуацией и взял то, что давали.

— Ночь еще не закончилась, — заметил мужчина, касаясь выступающих позвонков.

Напряглась, но не отодвинулась, только застыла, сжавшись точно пружинка.

— Произошедшее не изменит моих чувств к вам.

— Ненавидишь?

— Да, — спокойно ответила Айола, ничуть не смущаясь. — И больше всего на свете хотела бы сейчас уйти.

— Но этой ночью ты моя, — рыкнул Торнтон, опрокидывая её на кровать и нависая сверху. — Моя...

Она ушла на рассвете. Как только солнце лениво позолотило верхушки деревьев. Бесшумно встала, надела сорочку, которая немного пострадала от нетерпения мужчины. Немного помявшись, схватила плед с кресла и закуталась в него.

На графа она не смотрела. Лео следил за Айолой сквозь ресницы, тщательно контролируя дыхание и изображая спящего.

Не посмотрела, даже не оглянулась.

Быстро вышла из спальни, замерла у столика — Торнтон слышал, как едва слышно зашуршала бумага, — а потом и вовсе ушла, оставив мужчину одного в постели. Ни оставив ничего, кроме аромата шампуня на подушке и жарких воспоминаний в сердце.

Легче не стало. Наоборот, ситуация еще больше осложнилась. Впервые Торнтон не знал, что делать и как быть дальше. Этой ночи не должно было быть, но она случилась,

навсегда изменив их жизни.

*фольк — огромная птица, напоминающая что-то среднее между страусом и павлином, с длинными ногами, вытянутой шеей, крохотной головой и пышными разноцветными перьями, украшающими её хвост и крылья.

Глава Девятая. Разрыв

Ивар пришел рано. Я только успела принять ванную, переодеться и сидела у зеркала, наблюдая как Криста сооружает на моей голове низкий пучок, украшая его незабудками.

Мне очень нравились эти цветы. Они хоть и мелкие, совсем не изящные и простенькие, но тем не менее любимые. Нежно-голубые соцветия с желтой сердцевинкой и длинными стебельками, на моих волосах они смотрелись как россыпь звездочек.

— Вы такая бледная, госпожа, — подала голос горничная, которой явно надоело наблюдать за кислым выражением на моём лице, и она решила попытаться завести хоть какой-то разговор. — Плохо спали?

— Отвратительно, — сообщила ей, стараясь не вспоминать о прошедшей ночи.

Кто бы мог подумать, что тело может так предавать и все доводы о ненависти исчезать под напором искушенного мужчины. Куда наивной северянке тягаться с опытным сердцеedom, о котором вздыхают все столичные дамы?

— Ох, я тоже почти глаз не сомкнула. Так переживала за герцогиню. Так волновалась, — зашебетала Криста.

— Уверена, в Академии ей помогут, там лучшие специалисты.

— Молюсь Богине за неё. Вчера даже сходила на вечернюю службу. И не я одна. Герцогиня хорошая женщина и заслуживает счастья.

— Ты молодец, — рассеяно кивнула я.

Смотреть на собственное отражение, встречаться с тусклым взглядом серо-зелёных глаз было тяжело. В них читался укор и немой приговор в наказание за страшный грех, который я совершила во имя спасения Ивара. Но разве это оправдание?

«Элитная куртизанка», — пронеслась мысль, и я зажмурилась, дёрнув головой.

Шпилька впилась в голову, заставив едва слышно зашипеть от боли.

— Ох, простите, госпожа, я случайно, — сразу же забормотала девушка.

— Всё нормально, — ответила ей и сосредоточилась на дыхании.

— С вами точно всё хорошо?

— Голова разболелась.

— Может, вам стоит отдохнуть? Полежать? Я могу принести специальный отвар, он снимет боль.

Стук в дверь не дал мне ответить. Напрягшись, я смотрела на появившегося лакея, ожидая дурных новостей.

— Госпожа, вас ожидает господин Гремзи, — сообщил он и я сдержанно кивнула.

— Спасибо. Я сейчас спущусь.

Путь от покоев до небольшого кабинета занял от силы пару минут, но сколько всего я успела передумать и вспомнить, пока к нему шла. Вспомнилась мне и красавица Мирта, дочь мельника, самого богатого человека в нашем городке. У него в отличие от большинства всегда была работа, еда и деньги, ведь обращаясь к нему с просьбой помолоть зерно, люди были вынуждены отдать часть своего урожая. Самая богатая... но после меня. Наша ферма с отцом всегда была на отшибе, и мы не принадлежали к общей деревенской массе, но числились зажиточными, раз могли нанимать работников.

Почему семь лет назад я не подумала о том, как легко и просто Ивар обменял одну богачку на другую. Наивная дурочка, которая предпочла обвинить во всех грехах Мирту.

Радовалась и даже немного злорадствовала, когда она оказалась не у дел, не понимая, что сама угодила в ловушку. И ребёнок. Почему я отказывалась верить, что это был ребёнок Ивара? Мирте тогда пришлось прикрывать позор, по-быстрому выйдя замуж за парня из соседней деревни.

Не Ивар изменился, а я отказалась верить в его меркантильность и зависть к аристократам. Закрывала глаза, унижалась, чувствуя свою вину за отложенную свадьбу. Вина... как же жестоко я сама себя наказала, прощая Ивару всё и считая, что так и надо. Даже год назад, когда он приехал всего на неделю и лишь для того, чтобы забрать меня с собой, ведь уже тогда было видно, как он изменился. Дело было совсем не в больном отце, я просто предпочла не видеть правды, погрязнув в чувстве вины.

Ведь так казалось проще. Жить в выдуманном счастливом мире лишь для того, чтобы мечта стать женой Ивара сбылась.

— Айола! — молодой мужчина бросился ко мне и крепко обнял. — Вот ты где. Я заждался.

— Здравствуй, — ответила я, высвобождаясь из его крепких объятий и не давая себя поцеловать, отходя в сторону.

Кабинет был выдержан в тёмно-зелёных тонах с тяжелыми шторами, которые не пропускали через себя солнечный свет. Вся правую стену занимал огромный шкаф доверху забитый книгами в дорогих тисненых переплётках с золочёной гравировкой.

— У тебя получилось? — нетерпеливо спросил он.

— Да. — Я протянула ему чек, который до этого сжимала в руке, и отошла к шкафу, касаясь переплётков и пытаясь прочесть хоть одно название. Но буквы расплывались перед глазами и отказывались складываться в слова.

— Торнтон? — удивлённо переспросил Ивар, разобрав подпись на чеке.

— Да. Здесь четыре с половиной тысячи, которые ты можешь обналичить уже сейчас. Долг в полторы тысячи прощен.

— Ха! Это просто невероятно! Как тебе это удалось? Я тоже собрал денег, ребята одолжили. Вот такие парни! Здесь около двух тысяч вместе с моими... Великие, до сих пор не верится. Мы справились! Айола, у нас получилось!

— Да, справились, — осторожно ответила ему, пытаясь выдать хоть какую-то эмоцию.

— Айола? Ну что же ты? — Ивар наконец заметил моё состояние и снова попытался обнять, но я отступила и покачала головой, обхватив плечи руками. — В чём дело? Злишься, да?

Глубокий вдох и ощущение падения в пропасть, но пути назад не было.

— Всё кончено, Ивар.

Лучше так, резко, честно и спокойно, без чувств и истерик. Лучше так, чем растягивать это безумие, мучая нас обоих.

— Кончено, кончено. Я спасён!

— Ты не понял. Между нами всё кончено.

Не поверил.

— Это всё из-за карт? Так я больше не буду так увлекаться. Это всё Торнтон, заманил, соблазнил, вывел из себя. Всё образуется. Айола, ты же меня знаешь.

— Нет. Как оказалось, я тебя совсем не знаю.

— Что за глупости? — наиграно рассмеялся он. — Тебя кто-то надоумил, да? Ты же любишь меня. Это всё твои аристократы?

— Ивар, хватит, — перебила его, не в силах сейчас слушать гадости про подругу и её мужа. — Не надо усугублять и без того сложную ситуацию.

— Какую ситуацию? Ты завелась на пустом месте. Наплевала на наше прошлое и мечты. Вспомни, сколько мы всего пережили, сколько выстрадали, чтобы быть вместе. И вот теперь, когда счастье так близко, ты отступаешь в сторону, бежишь поджав хвост. Я не ожидал от тебя такого предательства. Одна трудность и ты сдалась, оставив меня один на один с проблемами. Разве так поступают? — он горестно вздохнул. — Я просто не узнаю тебя. Стала совсем чужой и холодной.

— Может, ты тоже не знаешь меня так хорошо, как думал?

— Так, я понял. Ты просто злишься. Ждёшь извинений? Отлично. Признаю, я был не прав, поступил глупо и опрометчиво, повёлся как мальчишка. Но я люблю тебя. Очень сильно люблю.

Признание, которое теперь не находило отклика в моём сердце, отзываясь глухой застарелой болью.

— А как же Ненси? Её ты тоже любишь?

Замер на долю секунды, потом с досадой отвернулся, потирая небритую скулу, но которой еще оставался желтоватый след от побоев.

— Фло растрепала.

— И ты хотел, чтобы я жила рядом с твоей любовницей? Разговаривала с ней, общалась и дружила? Выносила насмешки и издевательства? Ты как себе вообще представлял нашу жизнь? Что мы все будем жить большой и дружной семьёй и ждать тебя с охоты?! — выкрикнула я, сжимая кулаки.

— Не передёргивай.

— Ты мне лгал, Ивар. Лгал и изменял. Это после того, что между нами было.

— Я мужчина, — отрезал он, совершенно не чувствуя себя виноватым. — И у меня есть потребности. Если бы ты не осталась с отцом, то и Ненси бы не было в моей жизни. Виновата сама, а пытаешься повесить всё на меня. Но не выйдет.

— Я виновата? — потрясённо выдохнула в ответ. — После того, что между нами было? Я отдалась тебе, Ивар, доверилась! Или для тебя мой позор пустяк? И мужские потребности важнее моих чувств?

— Я не принуждал тебя тогда.

— Конечно, — фыркнула я, уже не в силах остановиться. Великие, где была моя голова и сила воли еще год назад? — Но дал понять, что исчезнешь из моей жизни, если я не уступлю.

— Не надо делать из меня монстра, Айола! Решение принимала ты, вот себя и вини. И сейчас тебя совершенно не пугает мысль о том, что я могу уйти.

Я замолчала, внимательно рассматривая его лицо, ища того мальчика, которого так любила.

— А были ли чувства с твоей стороны? Настоящие? Или просто ты гордился тем, что бедная аристократка бегала за тобой как собачонка?

— Я люблю тебя. Люблю и поэтому забуду этот разговор. Всему виной нервы и потрясение. Ты испугалась за меня и поэтому так среагировала. А то, что было с Ненси, останется в прошлом. Ведь без любви не считается.

— Без любви? — эхом повторила я.

— Да. Это просто животный инстинкт. Ну, не устоял мужик, соскучился по женским ласкам. Так этого больше не повторится, ты же рядом будешь. Это была не измена, а так, недоразумение.

— Правда?

— Конечно, — улыбнулся он, решив, что я вновь попалась на его крючок.

— Что ж, тогда тебе будет не обидно услышать о том, что я тебе изменила... Ведь без любви не считается.

Снова неверие и мой внутренний протест. Я уже не могу остановиться и не хочу. Хочу сделать ему больнее, чтобы он тоже почувствовал мою боль, хоть немного. И пусть это мелко и некрасиво. Я имела право на маленькую месть. Она до такой степени захватила меня, что я совсем не подумала о последствиях своих действий, наивно веря, что это останется между нами.

Молодой человек некоторое время просто стоял, недоверчиво нахмутив брови, а потом потряхнул головой.

— Это шутка, — уверенно произнёс Ивар.

— Нет.

— Тогда розыгрыш.

— Правда.

— Нет, — упрямо повторил бывший жених. — Ты просто пытаешься мне отомстить, ударив побольнее. Мелочно и глупо, Айола. Я слишком хорошо тебя знаю. Ты никогда не опустишься до такого, аристократическое воспитание не позволит. Только не ты. Я столько лет уговаривал тебя о близости и чтобы кто-то другой. — Он тяжело сглотнул и сжал кулаки. — Это неправда.

Я зябко повела плечами и снова повторила.

— Думай, что хочешь, но я тебе изменила.

Всего лишь один удар сердца, и вот Ивар уже совсем рядом. Болезненно сжал плечи, встряхнул так сильно, что заныла шея, и зло сверкнул глазами.

— Лжешь, — процедил едва слышно.

Я отлично видела, как побелели сжатые губы и лицо исказилось от едва сдерживаемой ярости, но не испугалась.

— Ты же знаешь, что это не так, — упрямо повторила в ответ, не боясь последствий. Даже наоборот, с каким-то болезненным предвкушением ожидая удара.

— Кто он? — прорычал Ивар и снова меня встряхнул. — Кто?

— Ты делаешь мне больно.

Но он меня словно не слышал, до синяков сжимая плечи и нависая надо мной.

— Кто он?!

— Я всё равно не скажу.

— Ты!.. как ты могла?! Строила из себя недотрогу, кривила нос и смотрела заплаканными глазками... Лгала! Всё время лгала! Под кого легла?

— Ты не имеешь права так со мной разговаривать!

— Имею! Ты моя! И только моя!

И как доказательство жесткий болезненный поцелуй, чужой язык во рту и волна отвращения, накрывающая меня с головой. Попытка вырваться, жалкие удары по его спине и плечам, но всё бесполезно. Ивар слишком сильный и я лишь отбила руки.

— Моя! Моя! Только моя! — рычал мужчина, покрывая влажными липкими поцелуями

лицо и шею, прикусывая до крови кожу.

— Ивар! Пусти! — испугано вскрикнула я, с отчаяньем понимая, что противопоставить ему мне сейчас нечего.

Руки, не таясь и даже не пытаясь быть мягче или нежнее, сжимали плечи, стягивая с них платье, обнажая и едва не разрывая на части, сжимали грудь и бёдра, прижимая к своему возбуждённому телу.

— Ивар! — вновь жалобно вскрикнула я и забилась, застучала кулаками по его спине.

Мне всегда казалось, что я собрана и могу быстро действовать в любых сложных ситуациях. Но вышло всё наоборот. Вместо того, чтобы призвать искру и отбросить мужчину от себя, как уже было когда-то, я безвольной птицей трепыхалась в его руках, глотая горячие слёзы.

Защита на мне стояла — крепкая и сильная. Но проблема была в том, что Ивар был своим и без соответствующего приказа вред ему никогда бы не был причинён. Я всё ещё верила ему, верила в то, что он не опустится до насилия и не причинит мне боль.

— Моя! — рычал молодой мужчина, покусывая нежную кожу на груди, лишая меня последних надежд на благополучный исход. — Никому не отдам! Убью любого!

Зажмурившись, начала призывать искру, которая тут же засеребрилась на руках. Еще немного и произошёл бы взрыв, но меня опередили. Неведомая сила оторвала Ивара от меня и швырнула в сторону.

Открыв глаза и прижимая руки к груди в жалкой попытке прикрыться, я видела, как граф Торнтон хладнокровно и методично наносит жестокие удары по лицу бывшего жениха, а тот от неожиданности даже ничего не может сделать, разве что попытаться прикрыться. Я видела капельки крови, вытекающие из разбитого носа и кровавой ссадины на щеке Ивара, алыми брызгами окрашивая костяшки сбитых пальцев на руках Элкиза.

— Не надо, — прошептала едва слышно, попяtilась и упала на стул, приставленный к небольшому столику.

Дрожащими руками попыталась вернуть платье на место, но оно всё равно сползло с плеч.

Не знаю как, но граф меня услышал, выпрямился, достал из кармана белоснежный платок и бросил в лицо Ивару. Только после этого взглянул меня. Я замерла, увидев обжигающий холод его голубых глаз.

— Вы в порядке?

— Д-да.

Смотреть ему в глаза было стыдно, а на бывшего жениха, который постанывая поднялся, встал на колени, дополз до кресла и с трудом в него влез, больно.

Отвернулась, прижимая руку к лицу, стирая остатки слёз.

— Так вот значит кто он, — сплевывая кровь, прохрипел Ивар. — Продалась, Айола? Купилась на титул и деньги?

— Убирайтесь вон, — процедил Торнтон, подошёл ко мне и осторожно положил ладонь на плечо, вызывая у меня ступор. Слишком личным и ласковым было это прикосновение.

— Дура ты, Айола, — продолжил Гремзи, игнорируя графа и его приказ. — Просто дура. Он же попользуется тобой как игрушкой, отымеет и выбросит, сломав, растоптав и уничтожив. Неужели считаешь на что-то серьёзное? И на это ты променяла нашу любовь?

— Если вы сейчас не уйдёте, то я позову слуг. В этом доме вам больше не рады.

Если бы голосом можно было заморозить, то в кабинете всё давно бы застыло от холода,

таким ледяным был голос графа.

— Айола моя! — упрямо повторил Ивар, пошатываясь встал, вытер лицо и швырнул окровавленный платок на пол. — Никакие деньги не заставят меня отказаться от неё.

— Даже её собственное желание?

— Ивар, — подала я голос. — Уходи! Уходи и не возвращайся. Не хочу тебя больше видеть. Никогда.

— Ты еще пожалеешь, — буркнул он и вышел, громко хлопнув дверью.

А из меня словно весь воздух выпустили, сразу поникли плечи и рыданье заклокотало в горле, вышибая дыхание, мелкой дрожью сотрясая тело.

— Воды? — спросил граф, обходя столик и присаживаясь напротив.

— Нет, — я мотнула головой, пытаюсь сдержать запоздавшие слёзы. — Всё нормально. Я сейчас приду в себя.

— Ты ему рассказала?

Я кивнула, проигнорировав его фривольное обращение. В конце концов, между нами столько всего было, что обращение на ты ничего не изменит.

— Может стоит обратиться в органы правопорядка?

— Нет. Я благодарна вам, граф, за помощь и спасение. Очень благодарна, но дальше разберусь сама.

Промолчал, продолжая сверлить взглядом, от которого становилось только хуже.

— Спасибо, — вновь повторила я и неловко поднялась, задев бедром стол.

Жалобно зазвенела фарфоровая чашка. Я бросила на неё непонимающий взгляд, пытаюсь понять, как она тут оказалась. Наверное, кто-то из слуг принес чай Ивару, чтобы скрасить его ожидание.

— Айола.

Торнтон поднялся следом, но продолжить я ему не дала.

— Не надо, — прошептала, мотнув головой. — Пожалуйста, не надо.

Я не хочу ничего слышать. Ничего не хочу.

Выскочив из кабинета, я едва не наткнулась на Архольда, который как раз шел по коридору.

— Айола, — он бережно и осторожно обнял меня за плечи (я вздрогнула от боли), не давая упасть, и тревожно заглянул в глаза. — С вами всё в порядке?

— Да. Герцог, я так рада вас видеть. Мы можем поговорить?

— Ну, конечно.

А чёрный взгляд внимательно и цепко осматривал меня. От герцога не укрылись заплаканные глаза, алые пятна на щеках, испорченное платье, которое я продолжала прижимать к груди, и бледный цвет лица.

— Пройдёмте в мой кабинет.

Присев в кресло, я вымученно улыбнулась герцогу, пытаюсь спрятать боль терзающую сердце как можно глубже.

— Айола, вы ничего не хотите мне сказать? — осторожно произнёс он, присаживаясь напротив.

Я всё-таки рискнула убрать руки от груди. Платье не сползло, но плечи так и остались обнажёнными. Кожа на них болезненно ныла, скорее всего, будут синяки. Я не видела, но чувствовала красные следы от рук, которые адели и горели огнем.

— Всё хорошо. Как Селина? — попыталась я перевести беседу в другое русло.

— Под заботой моей сестры и искрящих. Они посоветовали оставить её на пару дней в Академии. Будут следить за самочувствием.

— Что-то серьёзное? — сразу встревожилась я.

— Они говорят, что это последствия того случая, — Архольд запнулся и чёрные глаза вспыхнули от застарелой боли, следы которой не исчезли даже спустя столько лет. — Когда она пыталась выжечь чувства.

Я быстро кивнула, показывая, что поняла, что о чём он говорит. Тогда пять лет назад Торнтон и дед Архольда пытались разлучить влюблённых, подставив Корвила. Селина, пытаясь выжечь любовь к Дереку, едва себя не убила. Лишь вмешательство искрящих не дало ей умереть. И пусть Селина выжила, но смотреть на неё было тогда страшно — почерневшая и поникшая, как пустая оболочка, оставшаяся от некогда весёлой девушки.

— И что теперь? — осторожно спросила у него.

— Сказали, что всё будет хорошо. Сэм и ребёнку ничего не угрожает.

— Но вы всё равно волнуетесь, — мягко улыбнулась ему. — Это нормально и естественно.

— Я здесь, а сердце там, — просто ответил герцог, чуть приподняв уголки губ. — Сэм и за вас волнуется.

— Со мной всё хорошо, — быстро ответила я, резко выпрямляясь.

— Айола, вам не стоит бояться Элкиза. Если этот... мужчина что-то вам сделал или попытается сделать, то вы только скажите. Поверьте, я найду, чем его достать и приструнить.

Выражение лица мужчины было таким красноречивым, что я ни на секунду не усомнилась, что сможет и достанет.

— Нет, — поспешно произнесла я. Становиться причиной новой затяжной войны между мужчинами я точно не хотела. — Вы не так всё поняли. Граф помог мне.

— Торнтон? — Чёрная бровь поползла вверх. — Торнтон вам помог?

— Да.

— И что потребовал взамен? Душу?

Вот зря он так сказал, потому что я замерла и сердце тревожно забилося, напоминая о собственных словах, которые произнесла этой ночью графу.

«Тело получите, но душа останется при мне...»

— Ничего, — быстро ответила я и снова попыталась поправить платье, которое так и норовило сползти с плеч, открывая грудь. Пусть вырез всё равно был скромным, но я чувствовала себя неловко.

— Айола, вы можете довериться мне. Поверьте, мне не безразлично ваше состояние. И дело не только в том, что вы лучшая подруга Сэм, хотя это даже даёт вам сто очков вперёд. Вы добрая, открытая и честная. Таким сложно в этом мире. Я хочу помочь.

— Спасибо, — смущенно улыбнулась я, тронутая его словами и поддержкой. — Но всё хорошо. Правда.

— А ваше платье? Кто вам порвал его? — устав ходить вокруг да около, прямо спросил герцог.

— Ивар Гремзи, — немного подумав, ответила ему.

— Ваш жених? — поднял брови Корвил.

— Бывший. Я разорвала помолвку.

Удивился и даже не попытался этого скрыть.

— Вы уверены?

— Более чем. Скажите, я могу отправиться к Селине? Мне хотелось бы быть с ней рядом, помочь. Вы не переживайте, тревожить или нагружать её своими проблемами я точно не стану. Мы пять лет прожили в Академии, там столько воспоминаний.

— Когда вы хотите отправиться?

— Как можно быстрее.

Сбежать из этого дома, проблем и воспоминаний. Сбежать от графа, один взгляд на которого путает мысли и заставляет совершать ошибки.

Мне просто необходимо прийти в себя и принять случившееся. А для этого надо время. Пара дней в Академии вернёт мне душевное спокойствие.

— Хорошо, — немного подумав, произнёс герцог. — Мы с вами отправимся после обеда. Уверен, ваше присутствие пойдёт Сэму на пользу.

— Спасибо. Большое спасибо. Я соберу вещи, — я вскочила со стула и поспешила к двери.

— Айола? — Голос герцога остановил меня у самого выхода. — Помните, что вы не одна и вам есть кому помочь. Вы нам не чужая.

— Я помню. Спасибо.

Белфор сбежала в Академию.

Граф лично видел, как её небольшой чемодан грузили в карету. Как она сама, взволнованная и покрасневшая от ярких летних лучей, улыбаясь, разговаривала с Архольдом, наблюдая за погрузкой.

Уехала...

Это даже хорошо. Будет время прийти в себя и понять, что происходит в его жизни. Как, когда и почему всё так изменилось, вытаскивая его из скорлупы отчуждения, в которой он надёжно жил и существовал столько лет?

Торнтон поднёс руку к лицу, рассматривая разбитые до мяса костяшки. Натянувшись, кожа заныла и от сжатия пальцев в кулак вновь выступила кровь. Можно было обратиться к лекарю или выпросить у кухарки лечащую мазь, но он не стал. Пусть эта боль и ссадины будут живым напоминанием его ошибки и несдержанности.

Не стоило поддаваться гневу и так реагировать. Но жалобный вскрик Айолы, её тонкие руки, которыми она пыталась отбиться от бывшего жениха, и полные ужаса глаза заставили мужчину потерять контроль.

Никогда и никого до этого Леонард не бил с таким остервенелым удовольствием. Если бы она не остановила, то всё могло зайти слишком далеко. И угрызений совести по этому ублюдку Торнтон бы точно не испытывал.

Нахмурившись, провёл пальцами по лбу, пытаясь прогнать воспоминания, выбросить образ северянки из головы.

Нет, так не пойдёт. Он же решил забыть, значит так и будет.

Балы и рауты, полные блеска и фальшивых улыбок. Забыться, окунуться в это с головой, вытравить не нужные мысли и забытые чувства.

Ночь и очередная попойка. Но на этот раз только для избранных. Дом Армель был открыт лишь для высшей знати. Всё те же лица и давящая тяжесть чужих взглядов.

Глотнул обжигающий бренди и откинулся на спинку мягкого кресла, закрыв глаза и пытаюсь унять пульсирующую боль в висках, которая лишь с каждой секундой усиливалась. Следом заныла нога, а трость, как назло, осталась в особняке.

Разговаривать не хотелось и когда в нос ударил знакомый приторно-сладкий запах роз, он едва не скривился от отвращения.

— Граф, — промурлыкала Констанци, проведя пальцами по его напряженным плечам и присаживаясь на подлокотник. — Я так рада вас видеть. И даже готова простить вашу забывчивость и не выполненные обещания.

Пальчики коснулись его лица, вызывая непреодолимое желание отвернуться. А еще лучше умыться.

Ощущение грязи стало таким сильным, что Леонард быстро поймал её руку, отводя ладонь от своего лица, и открыл глаза.

— Не слишком ли много внимания для одного меня, маркиза? Ваши гости могут обидеться.

— Моё право как хозяйки. Да и поздравить вас хотелось одной из первых.

— С чем?

— Или посочувствовать, — продолжила она насмешливо, но его было не обмануть, Леонард видел, как зло сверкали её глаза. — Не думала, что ваш вкус может настолько испортиться. А с другой стороны, ваша смелость не может не вызывать восхищения.

— В бездну, Констанци, эти игры. О чём вы сейчас?

— Затащить в постель чужую невесту и протеже вашей сестры, которая к тому же является герцогиней, — прошипела маркиза. — Такое безрассудство не может не восхищать!

— Что за глупости, — спокойно отозвался граф, не выдавая ни голосом, ни взглядом своих истинных эмоций. — Я не настолько самоуверен.

— А вот её жених утверждает обратное, — выдернув руку из его захвата, парировала женщина. — Уже пару часов пьёт в лучшем кабаке столицы и рассказывает всем и каждому, как граф Элкиз увёл и соблазнил его простушку-невесту.

«Убью...»

Торнтон медленно встал и быстро огляделся.

На него все смотрели. И как он раньше не обращал на это внимание. Кто-то ехидно, кто-то осуждающие, а кто-то зло. Такой скандал никого не мог оставить равнодушным. И они жаждали продолжения.

Резко повернулся и подошёл к журнальному столику. Схватил бумагу, написал всего пару строчек и быстрым росчерком поставил подпись, после чего сложив несколько раз листок. На титульном обороте еще одна строчка с именем главного редактора сангорианского «Сплетника». Капли воска и личная печать, чтобы не вскрыли конверт раньше времени.

— Ты, — мужчина взглянул на застывшего слугу. — Живо передай это записку в редакцию «Сплетника». Скажи, очень срочная новость, требующая выхода уже в завтрашнем номере.

— Да, милорд, — склонив голову, произнёс он и бросился к выходу.

— Граф, объяснитесь! — потребовала маркиза, но была проигнорирована.

— Валкот, — Леонард увидел лучшего друга Архольда, который стоял у окна и был одним из немногих, кто не смотрел на него. — Вы завтра свободны утром?

— Смотря для чего, — медленно ответил тот.

— Леонард, что происходит? — Армель никак не хотела отставать и просто пылала от гнева. Ситуация выходила из-под контроля и пошла совершенно по другому сценарию.

— Мне нужен секундант.

— Дуэли в Сангориа запрещены, кроме самых серьёзных случаев, — напомнил тот, не спеша соглашаться.

— Защита чести моей невесты достаточно подходящий случай? — зло выдал Торнтон, игнорируя потрясённый вскрик любовницы и шум присутствующей знати, которая жадно ловила каждое его слово.

Рано утром на первой полосе сангорианского «Сплетника», в самом его центре расположилась витиеватая рамка, внутри которой сообщалось о помолке и скорой свадьбе Леонарда Торнтон графа Элкиза и некой Айолы Белфор.

Глава Десятая. Невеста

— И всё-таки я вижу, что у тебя что-то случилось, — произнесла Селина на следующее утро.

Мы с ней расположились во внутреннем дворике, сидя в плетёных креслах из гибкого ротанга. Перед нами расположился небольшой низкий столик, на котором стоял поднос с запотевшим графином, до верха заполненным прохладным чаем с мятой и лимоном, высокие стаканы и большая чаша с сочными фруктами. В паре метров от нас был небольшой фонтан, в котором мягко журчала вода, над головами пели птицы, привезённые из разных уголков Киа.

Оказывается быть герцогиней очень выгодно. Простым студентам таких почестей не воздавали. А тут тебе уют, покой и комфорт.

Всё вокруг дышало покоем и умиротворением. Я бы с радостью поддалась этому чувству, расслабилась, наслаждаясь незапланированным отдыхом, если бы каждый раз закрывая глаза не видела перед собой перекошенное от гнева лицо Ивара, не слышала его слова в голове и не сгорала медленно от чувства тоски.

Клянусь, я пыталась улыбаться и была искренне рада общению с подругой, но играть роль так сложно, почти не выносимо.

И было глупо считать, что Селина этого не заметит. Мы слишком хорошо друг друга знали. Но я всё продолжала притворяться и прятаться за отрешённой маской.

— Всё хорошо, — отмахнулась я, усаживаясь поудобнее и закрывая глаза.

Лишившись одного органа восприятия, организм обострял другие. Я постаралась сосредоточиться на окружающих нас звуках, вдыхала дурманящий аромат цветущего сада и наслаждалась солнечными лучиками, что каким-то чудом пробивались сквозь густую листву дерева, под которым мы сидели.

Вот только Селина отказывалась сдаваться так просто.

— Это Дерек запретил тебе меня волновать?

— Нет.

Герцог Архольд бесед со мной не проводил, правила поведения не расписывал и вообще вёл себя максимально корректно и дружелюбно. Я сама не хотела волновать подругу, да и представить было сложно, что я начну с ней обсуждать последние события моей личной жизни. И пусть мы всегда были очень дружны, есть вещи, которые обсуждать не принято. Как я могла предугадать реакцию Селины, когда сама не знала, как должна ко всему относиться и как с этим жить.

— Нет, — задумчиво повторила молодая женщина, явно обдумывая новые вопросы и догадки.

Я услышала, как зашуршала одежда, когда подруга потянулась к графину, как мелодично звякнули кубики льда и прохладный чай разлился по стаканам.

— Ты поссорилась с Иваром?

— Нет.

Позу я не сменила и глаза не открыла, боясь, что она может увидеть в их глубине все мои эмоции и чувства. С каждым часом их всё труднее скрывать. Может, это была ошибка? Приезжать сюда, пытаюсь сбежать от проблем?

— Тогда что? Я же вижу, что тебя что-то гложет, сжирает изнутри. Ты несчастна и это делает несчастной меня.

— А вот этого не надо, — я выпрямилась и обеспокоенно посмотрела на подругу. — Никаких волнений, тревог и сомнений. Тебе надо думать о ребёнке. И только о нём.

— Я думаю, — молодая герцогиня вздохнула, касаясь совсем небольшого и едва заметного живота. — И чем больше я думаю, тем тоскливее становится. Это ведь я виновата...

— Остановись, — я подалась вперёд, накрывая ладонью её руку, которая лежала на подлокотнике кресла. — Даже не смей так думать. И себя винить не стоит. Уж если и кто виноват в случившемся, так это старый Архольд, да простят Великие его грешную душу, и твой братец. Но не ты.

— Я так понимаю, ваш конфликт с Леонардом вступил в новую фазу? — слабо улыбнулась Селина.

— Ошибаешься, — отвела взгляд в сторону и убрала руку, сцепив пальцы в замок, пытаюсь скрыть накотившее смущение и злость. — У нас перемирие.

— Даже так?

Я взяла стакан и сделала глоток, чувствуя, как подруга внимательно за мной наблюдает. Как я не подавилась, не знаю.

— А где Одетт? — быстро перевела тему, вспомнив, что со вчерашнего дня не видела золовку подруги.

— Не знаю. Скорее всего дуется в своей комнате. Переходный возраст и упрямый характер Дерекка. Никто не хочет уступить другому, уверенный в своей правоте. Одетт я еще могу понять, она совсем ребёнок, но Корвилу стоило бы быть умнее.

— Они вчера опять поругались?

— Мне, конечно, никто ничего не сказал, но я почти уверена, что так оно и было. Они слишком похожи.

— Знаешь, мне кажется, что Одетт слишком упорно и рьяно отрешивается от кандидатуры Валкота.

Селина согласно кивнула:

— Я тоже так думаю. Валкот красивый, обаятельный мужчина. И пусть разница между ними внушительная, он производит впечатление умного и понимающего человека. И он ведь нравится Одетт. К сожалению, это видит еще и мой муж, у которого такта как у слона в посудной лавке. Если бы Дерек так сильно не давил, то Одетт приняла бы свои чувства, осознала и смирилась. А сейчас она просто действует всем на зло, стремясь поступать с точностью до наоборот. И это меня пугает.

— Не стоит волноваться, — напомнила ей.

— Мне тревожно от мысли, что Одетт совершит какую-нибудь глупость, пытаюсь разрушить помолвку. И у неё это получится, только когда эйфория спадёт, придёт боль и разочарование. Она ведь пожалеет, хотя никогда и не признается в этом, а будет поздно.

— Уверена, что всё будет хорошо. У Одетт есть любящая её семья. Вы не дадите ей совершить глупости.

— Хочется в это верить. — Подруга допила чай и поставила пустой стакан на столик. — Ценю твою попытку перевести разговор на другую тему для того, чтобы меня лишней раз не волновать, но незнание тревожит куда больше. Фантазия у меня всегда хорошо работала, и я могу напридумывать таких ужасов...

— Вместо того, чтобы сосредоточиться на ребёнке и собственном здоровье, — мягко пожурела её.

— Ты мне не чужая, Айола. И я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я и так счастлива, — фальшиво улыбнулась подруге.

— Но твои глаза говорят о другом. Меня тревожит этот взгляд, — призналась Селина. — Ты никогда не была такой, даже в самые тяжелые мгновения жизни... Сейчас из тебя

словно вытянули саму душу.

— Я просто стала другой.

— И что послужило тому причиной?

— Взросление, — ответила ей и, подумав, добавила. — И прозрение.

Селина нахмурилась.

— Мне это не нравится. Совсем не нравится.

— А должно быть наоборот. Я думаю принять твоё предложение и остаться в Сангория. Разве это не чудесно?

— Я очень рада, — осторожно ответила молодая женщина. — Но надеюсь из-за этого вы с Иваром не поругались? Мне не хотелось бы стоять между вами, даже неясной тенью.

— Ты не стоишь, — поспешила уверить её. — Мы просто другие.

— Вы поругались, — попытожила Селина. — Я так и знала. Ну ничего, всё будет хорошо. Остынете, успокоитесь вдали друг от друга. Всё обдумаете и помиритесь.

Я промолчала, не желая вдаваться в подробности. Пусть думает так, правду я всё равно не смогу ей сказать.

Именно в этот момент в саду появилась Одетт. Девушка так спешила к нам, что едва не бежала по узкой дорожке, громко стуча каблучками по разноцветной плитке. Чёрные волосы, заплетённые в косу, растрепались и падали на глаза.

— А вот и Одетт, — улыбнулась Селина, смотря на золовку, которая приближалась к нам. Улыбка сползла с её лица, когда подруга разглядела выражение лица девушки. — Великие, что произошло?

Описать его было сложно. Это была какая-то фантастическая смесь ужаса, шока, удивления, изумления и недоверия.

— Что-то с Дерекком?

— Что? Нет, с ним всё хорошо, — Одетт быстро села в свободное кресло, откидывая косу назад и протянула Селине измятую газету. — Вот!

Кажется, это был сангорианский «Сплетник», хотя я могла и ошибиться.

Не знаю, что именно Селина там прочитала, но чем больше проходило времени, тем тревожнее мне становилось. Особенно, когда, закончив чтение, а вчитывалась в напечатанное она очень долго, подруга взглянула на меня.

— Странно, когда ты говорила о перемирии между тобой и Леонардом, я думала, что ты имела в виду нечто другое.

Внутри словно что-то оборвалось. Неужели кому-то стало известно о той ночи? Нет! Этого не может быть. Торнтон обещал, что никому ничего не скажет и я почему-то ему верила. Оставался еще Ивар, но он не мог быть настолько подл. И пусть бывший жених обещал отомстить, но он не мог опуститься до такой низости. Не мог уничтожить меня.

— Селина, — выдохнула едва слышно. — Я всё объясню.

— Ты не обязана, хотя я не понимаю, почему такие тайны. Ты вообще уверена в том, что делаешь? Я, конечно, буду рада такому повороту событий, это же мой брат. Но ты же его едва терпишь, а теперь... эта новость, — она беспомощно указала на газету. — Вы что заключили какое-то соглашение? Он тебя заставил? Угрожал?

— Соглашение было, — призналась я, едва не задыхаясь от жгучего стыда. — Но это был мой выбор и отвечать за него тоже мне. Прости, если разочаровала тебя... если ты не захочешь меня больше видеть, то я пойму и не обижусь. Сейчас же вернусь в особняк и уеду.

— Кажется, она не в курсе, — неожиданно произнесла Одетт, которая всё это время молча за нами наблюдала. — Такое ощущение, что вы говорите о разных вещах.

— Мне тоже так кажется, — вздохнула Селина и подала мне газету. — И это очень странно.

Большую, узорчатую рамочку с завитушками и жирным текстом внутри было очень трудно не заметить. Она притягивала взгляд, обращала на себя внимание. Прочитать поздравления тоже не составило труда. А вот с осмыслением всё было намного сложнее.

У меня в голове никогда не было такого грохота. Такое ощущение, что там началась глобальная перестройка, в связи с полученной информацией. Потому что в нормальном состоянии осмыслить прочитанное было просто невозможно.

— Это что? — прошептала я, взглянув на подругу.

— Объявление о вашей с Леонардом помолвке и скорой свадьбе, о которой ты явно была не в курсе.

— Н-нет! — Я снова взглянула на газету. — Великие! Этого... этого просто не может быть. Я не понимаю, как и зачем? Я вообще ничего не понимаю. Это какая-то ошибка или розыгрыш.

— На розыгрыш похоже мало, — заметила Одетт. — Сплетник дорожит своей репутацией и с потолка такие сведения не берёт. Боюсь, всё очень серьёзно.

— Значит стоит вернуться в особняк и всё узнать самостоятельно, — решительно произнесла Селина.

— Дерек будет против, — заметила молодая девушка, не делая попыток остановить невестку.

— Ничего, я сама с ним разберусь. Но стоять в стороне, когда дело касается моего брата и лучшей подруги, я не могу. Айола, ты как?

— Феерично.

Грохот в голове стал стихать и сейчас я не знала, чего хочу больше: сбежать в Изгар или вернуться в Сангорию, найти Торнтон и отвесить ему еще одну пощечину. Кровожадные мысли об убийстве пришлось на время отложить в сторону, трупы не разговаривают. А я хотела узнать, что именно двигало графом, когда он решался на такое. Вот выясню, а потом можно будет и пустить кровь.

Селина не стала откладывать дела в долгий ящик. Благодаря её влиянию и социальному статусу мы оказались в особняке уже через три часа, где меня ждали еще одни новости и не слишком радостный приём.

— Ты! — Элодия вылетела в холл, стоило мне только войти внутрь особняка. Такое ощущение, что она ждала меня у окна. — Ах ты, лицемерная дрянь!

И бросилась на меня с кулаками. Признаюсь, зрелище было то еще: золотистые волосы торчали в разные стороны, глаза сверкали от ненависти, а лицо перекосила гримаса гнева.

Защита на этот раз сработала как надо, и дорогая кузина с громким хлопком отлетела в сторону, падая на пол. Надо сказать, такое болезненное приземление несколько не ослабило желание девушки и дальше посылать проклятья в мою сторону:

— Лицемерка! Лгунья! — кричала она, растирая по лицу горячие слёзы, размазывая уродливыми потёками косметику. — Учила меня морали, а сама легла под графа! Он всё равно на тебе не женится! Никогда! Ты пустышка! В тебе нет изящества аристократки! Глупая деревенщина! Дура!!

— Элодия? — тётушка вбежала в холл и бросилась поднимать с пола зареванную дочь. — Милая, как же так?

— Это она! — Обвинительный тычок в мою сторону. — Это всё она! Она виновата! Бросила меня Шеридану, избавилась и заняла моё место! Это моё место!

— Замолчи, — тихо сказала я.

Меня еще немного потряхивало от использования щита. Искры магии серебрились на пальцах, не желая успокаиваться, чувствуя исходящую от кухни угрозу.

— Элодия, вам стоит взять себя в руки, — вмешалась Селина, которая до этого молча стояла за моей спиной. — Где Леонард?

— Она отняла его у меня! Отняла! — всё никак не желала отступить девушка, ища поддержки у герцогини. Кузина оттолкнула мать и встала на колени, не сводя жалобного, просящего взгляда с Селины. — Это ведь неправильно. Нечестно. Граф должен был стать моим. Я же лучше. Понимаете, лучше! Я образованна, умна и красива. Она не подходит графу. Вы же видите это! Должны видеть!

— Элодия. — В голосе герцогини прорезались металлические нотки, которые даже меня заставили вздрогнуть. — Успокойтесь. Леди не пристало себя так вести и унижаться.

За её спиной одобрительно хмыкнула Одетт, но от дальнейших комментариев удержалась.

— Дочка, вставай, — тётя Полин засуетилась вокруг кухни, которая вновь упала на пол, сотрясаясь от рыданий. — Герцогиня права. Не надо тебе так делать... что скажут слуги.

— Так, где мой брат?

— Граф у себя в покоях, — ответила Делайн, застыв в проёме. — С ним лорд Валкот.

— А этому что тут надо? — сразу вспыхнула Одетт и нахмурилась.

— Он доставил графа, — пояснила тётя, которой всё-таки удалось поднять Элодию с пола.

— Что значит доставил? — тут же встревожилась Селина. — Чего я еще не знаю?

— Ой, — охнула Делайн, прижимая руку к губам и тревожно взглянув на меня.

— В чём дело? — тут же спросила я. — Не молчи же.

— Вся столица гудит.

— О помолвке? — вставила Одетт. — Так мы знаем уже. Поэтому и вернулись так рано.

Поддерживая рыдающую дочь, тётя повела Элодию в гостиную.

— О дуэли, — пояснила кузина. — Граф Элкиз дрался на дуэли с твоим Иваром.

— Что? — мне пришлось сделать шаг в сторону и схватиться за стену, чтобы не упасть. — Что ты сейчас сказала?

— Какая дуэль? — судя по голосу, Селина тоже прибывала в глубочайшем шоке.

— За честь Айолы, — пояснила, смутившись, Делайн.

— Ничего себе поворот, — совсем не аристократически присвистнула Одетт.

— Он жив? — быстро спросила я.

— Кто?

— Граф, конечно!

В живучести Ивара я не сомневалась. Охотник и деревенский парень, который много времени проводил в кузне, куя металл и размахивая огромной кувалдой.

— Ох, Великие, — простонала Селина, и я тут же подбежала к ней, обнимая за талию.

— Воды? Врачей? Тебе не стоило возвращаться с нами.

— Всё хорошо, — мотнула она головой, но я видела, как на пару секунд побледнело её лицо. — Что с Леонардом?

— Жив и относительно здоров, — тут же успокоила нас Делайн, до которой только стало доходить, какую глупость она только что произнесла. — Помят немного. Совсем чуть-чуть. Искрящих вызвать отказался. Поэтому с ним лорд Валкот.

— Идём, — распорядилась Селина, уже придя в себя.

— Я вас тут подожду, — крикнула Одетт.

Вверх по лестнице, едва сдерживаясь, чтобы не броситься бежать, и застывая у двери в его покои, так, словно наткнулась на невидимую стену.

— Всё будет хорошо, — шепнула я подруге, не зная, кого хочу убедить больше — себя или её.

— Да, всё будет хорошо. Плохие новости обычно быстро распространяются. Открывай. Клянусь, если это всё розыгрыш, то я сама лично его покалечу.

— Становись в очередь, — мрачно сообщила ей, осторожно постучав.

Дверь открылась почти сразу.

— Герцогиня, — лорд Валкот улыбнулся, увидев нас на пороге и посторонился, давая пройти. — Не ожидал, что вы так быстро вернётесь. Дерек в курсе?

— Пока нет. Где Леонард? — Селина первой зашла внутрь. — Почему вы не настояли на лекарях?

— Граф весьма категорично о них высказался, но может у вас получится его уговорить, изменить своё мнение. Госпожа Белфор, — Валкот повернулся ко мне, и его улыбка стала еще шире. — Поздравляю с помолвкой и скорой свадьбой.

— Спасибо, — промямлила я, стараясь не вдаваться в подробности.

Сделала всего пару шагов и замерла, сжимая ткань платья и тревожно смотря на закрытую дверь спальни.

— Ты чего? — Селина обернулась и недоумённо на меня посмотрела. — Пошли.

Войти туда, начать разговор, потом не сдержаться, сорваться на крик, весьма красноречиво высказать графу всё, что о нём думаю, подтверждая слова Элодии о своём грехопадении и той проклятой ночи... И всё это на глазах у Селины.

Нет, этого допустить нельзя.

— Ты иди. А я тебя тут... подожду.

Если не сбегу.

Подруга задумчиво посмотрела на дверь, потом на меня, снова на дверь, а затем перевела взгляд на Валкота.

— Как вы говорите его состояние?

— Удовлетворительное. Волноваться не стоит.

Она кивнула и снова взглянула на меня.

— Тогда будет лучше, если ты войдёшь туда одна.

— Не думаю, что это хорошая идея, — пошла на попятную я.

Это выглядело неправильно, странно и двусмысленно.

— Наоборот. Мне же нельзя нервничать и волноваться. Да и пользы будет мало. Вылечить я его всё равно не смогу, мне пока запрещено вызывать искру. Вот подлечишь его, уберёшь синяки, а потом уже я с ним поговорю. А сейчас будет лучше спуститься вниз и отправить Дереку сообщение о том, что я здесь.

— Селина. — Я поймала подругу за руку и покачала головой. — Не надо.

— Я прошу тебя помочь моему брату. Ты можешь это сделать для меня?

— Да, — сдалась я.

— Спасибо, — молодая женщина улыбнулась и крепко обняла меня. — Всё будет хорошо. Ты должна с ним поговорить и всё выяснить. Первая. А я в любом случае тебя поддержу. Только не убивай его, оставь и мне кусочек.

— Ты не понимаешь...

— Не понимаю, — посерьёзнев, призналась она. — Как и ты. Не уверена, что сам Леонард понимает, что сделал.

— О чём ты?

Та отмахнулась, отступая к Валкоту.

— Буду ждать тебя внизу.

Дверь за ними тихо закрылась, я все никак не могла войти в спальню. Для того, чтобы собраться с духом, мне понадобилось секунд тридцать.

В спальне было светло, шторы распахнуты, впуская солнечные лучи. Торнтон лежал на кровати и при моём появлении даже не дёрнулся. Голова откинута, пара светлых прядей упали на лицо, а брови нахмурены. Рубашка с алыми пятнами на воротнике расстёгнута, обнажая грудь.

Подойдя ближе, я присела на краешек кровати и принялась осторожно рассматривать синяки и ссадины, которые украшали лицо графа. Признаюсь честно, я ожидала худшего, но Торнтон выглядел неплохо.

Кажется, у меня входит в привычку лечить пострадавших в драке.

Можно было, конечно, разбудить мужчину, поговорить, а уж потом лечить, но мне стало его жалко.

Осторожно протянула руку, ладонью вниз, задержав над его лицом и призвала искру для полного осмотра.

Она лишь засеребрилась на кончиках пальцев, когда Торнтон тихо вздохнул, дёрнул головой и открыл глаза, посмотрев прямо на меня.

— Белфор, — беззвучно прошептали губы, в уголке которых запеклась кровь.

— Она самая.

— Пришла добить меня?

— Стоило бы так и поступить, но это было бы бесчеловечно. Так что лежите спокойно, граф, мне надо проверить ваш организм на наличие переломов, трещин и ушибов.

— Не надо, — он попытался поймать мою руку, но я увернулась, сердито на него уставившись.

— Это было крайне глупо!

— Что именно? — хмыкнул он, приподнимаясь и усаживаясь поудобнее, при этом его лицо скривилось от боли.

Я задумалась всего на мгновение.

— Всё. Давать это глупое объявление, вызывать Ивара на дуэль, драться с охотником и после отказываться от лекаря. Я еще удивляюсь, как он вас не покалечил.

— Лекарь? — невинно уточнил он, наблюдая за мной сквозь полуприкрытые веки.

— Ивар.

— Знаешь, твоё неверие в мои силы и способности раздражает. Считаешь меня слабее?

Изучая рёбра внутренним взглядом, я не сразу поняла суть вопроса.

— Ивар охотник, — дипломатично ушла от ответа. — Профессиональный борец против нечисти.

— А я изнеженный аристократ, — догадался тот. — Видела бы ты своего женишка сейчас. Ему досталось больше моего. Не всё так просто, как может показаться на первый взгляд.

— Он не мой и уже не жених, — поправила я. — Переломов нет, трещин тоже. Вы легко отделались, граф.

— Да, — медленно повторил мужчина. — Теперь твой жених я. И ты моя.

Руки дрогнули, и я быстро опустила их на колени, пытаюсь скрыть свои эмоции.

— Объявление будет опровергнуто. Я не стану вашей женой, Торнтон.

— Всё ещё на вы. — Губы сложились в кривую усмешку. — После того, что было... и что будет.

— Не будет. Свадьбы не будет.

— У тебя нет выбора, Айола.

— Снова шантаж? — выдохнула едва слышно. — Что вы еще захотите отнять у меня на этот раз?

— Я ничего не отнимал, а наоборот подарил... Чувственность, желание, наслаждение. — И протянул руку, пытаюсь коснуться моего лица. — Тебе ведь было хорошо той ночью, Айола? Твои стоны до сих пор звучат у меня в голове.

Я дёрнулась, но смогла усидеть на месте, чувствуя, как жар смущения начал окрашивать щеки в румянец. Эта спальня, этот мужчина и воспоминания, которые стоило похоронить еще вчера.

— Вы не должны этого вспоминать.

— Не должен, — согласился Торнтон. — Но не получается.

— У вас жар, горячка и бред.

— Гремзи всем растрепал о нашей ночи. Он уничтожил тебя и твою репутацию, Айола.

Тяжело сглотнула, пытаюсь осмыслить и принять всю череду последствий, которые ждут меня за стенами особняка.

— Переживу.

— А твоя семья? Отец, тётя, кузины. Я сейчас говорю не про Элодию. Что будет с Делайн? Скандал затронет и её, лишив возможности на счастливое будущее. А о Селине ты подумала?

— Я всё решу. Отец не узнает. У нас в Изгаре другие правила. Я исчезну из Сангориа и все забудут.

— Не переживай, ему я сообщу сам. Лично.

— Что-о?!

— Я не меняю своих решений, Айола. Ты должна была это уже понять. Если я сказал, что ты будешь моей женой, то ею будешь.

— Граф Элкиз, который всегда добивается того, чего хочет, — зло выдавила я из себя. — Только в чём выгода тут? Приданного не имеется, красоты особой тоже.

— Меня устраивает.

— Происхождение столь туманно, что почти не считается, — продолжила я. — Общество примет простушку? Простит?

— Мне простит.

— А ваша семья? — Если Торнтон думал, что отступлю, то жестоко ошибся. — Они обрадуются деревенщине в качестве вашей жены? Стоит ли дело всех этих трудностей, граф? Ведь кроме дара у меня нет ничего.

— Разве этого мало?

— Я не люблю вас! — выпалила последний довод.

— Я вообще бесчувственная скотина, — спокойно отозвался он, ничуть не смутившись, — не способный на сильные эмоции.

— Я вас ненавижу!

— Это придаст пикантности и остроты нашему браку.

Аргументы кончились. Я еще некоторое время сидела, хватая ртом воздух и лишь потом смогла прохрипеть:

— За что?

Мой вопрос вызвал совершенно неожиданную реакцию. Торнтон изменился в мгновение, как по щелчку пальцев. Вот только что передо мной сидел любовник, уставший, измотанный, один взгляд в светло-голубые глаза которого заставлял моё бедное глупое сердечко замирать от непонятной тоски.

Всего один вопрос, как крик израненной души, и мужчина вдруг резко выпрямился, взгляд заледенел, а черты лица заострились, став угловатыми, резкими и жесткими. Любовник сменился, уступив место расчетливому дельцу, надменному и черствому.

Может, это и хорошо. С таким Торнтоном я знала, как разговаривать и как быть. Он не вызывал в душе раздразни, не путал мысли непонятными взорами. Это был истинный граф Элкиз, гордый и недоступный для северянки аристократ.

Так хорошо, так правильно.

— Это так страшно, Белфор? — выплюнул он зло, а я вздрогнула от того, как прозвучала моя фамилия в его устах: резко, как пощечина. — Или ты в таком шоке от счастья, что совершенно перестала соображать?

— Выбирайте выражения, граф, — выдохнула в ответ.

— Вот именно. Граф. А тебе на блюдечке преподносят титул графини, состояние, земли, деньги, почёт и уважение.

— Фальшивое, — вставила я.

— В нашем мире всё фальшивое, — парировал тот и продолжил перечислять мои плюсы: — Возможность заниматься любимым делом. Я не буду возражать против твоей работы артефактором. Даже буду платить, как и обещал. Можешь откладывать эти деньги и гордиться тем, что сама их заработала. Это ведь так важно для тебя, потешить свою гордость.

— Всё? — с трудом сдерживаясь, уточнила у мужчины.

— Почти. И я в твоей постели.

— Надолго ли? — не удержалась от ехидного комментария.

— Пока не произведёшь одного-двух сыновей. Титулу нужны наследники. А дальше всё в твоих руках.

Меня замутило. Как может он так легко и равнодушно говорить о таких важных вещах. Сын, дети, мужчина в моей постели. Я позволила себе представить это и вздрогнула. Одна... огромный дом, полный чужих воспоминаний и собственной боли. Одиночество, которое не в силах заглушить даже работа. Клетка, золотая, но клетка, которая будет давить на меня из года в год, пока не задушит в своих объятьях.

— Вы слишком плохо меня знаете, граф, — сглотнув ком, тихо ответила ему. — Я не продаюсь.

— Всё продаётся. Надо лишь назвать приемлемую цену. Не деньги, так что-то еще.

— Но не любовь.

— Снова любовь? Мы уже это обсуждали, Айола. Я не требую от тебя и не буду требовать великих чувств и страстей. Хотя страсть в спальне нам пригодится, но там же участвует тело, а не душа, не так ли?

Я молча смотрела на него, ожидая продолжения.

— Послушание, пристойное поведение, манеры, соответствующие статусу графини, верность и благоразумие. Вот и всё, что от тебя требуется. Считаю, что это еще одного наше соглашение. Соглашение длиною в жизнь.

— Вы не получите моего согласия.

— Я спас твою честь, Айола. Скандал набирает обороты, прямо сейчас, в эту секунду. Лишь наша помолвка удерживает эту жаждущую твоей крови толпу.

— Какое благородство! Вы так рьяно и показательно перечислили мои плюсы, но забыли упомянуть о своих. Вам то какое дело, Торнтон? В чём выгода?

— А мне казалось, что ты умнее. Неужели не видишь?

— Видела, не стала бы спрашивать, — огрызнулась в ответ. Сидеть на одном месте становилось всё сложнее. Этот мужчина выводил меня из себя, тревожил, заставлял совершать ошибки. — На ум приходит лишь одно. Вам стало скучно. Игра чужими жизнями приелась и захотелось новых ощущений. И тут появилась бедная северянка. Та, которой можно играть как куклой, ломать и заставлять плясать под свою дудку... Но я так не хочу. Сейчас я пытаюсь вырвать из своего сердца одного кукловода, который играл моими чувствами семь лет, как в моей жизни появился другой.

— Только на этот раз выхода у тебя нет. Наш брак состоится.

— Силой потащите в Храм? Угрозами? Ваш любимый способ добиваться желаемого.

— Ты сама пойдешь. По собственной воле.

Его самоуверенность страшно раздражала.

— Никогда. Вы не получите игрушку, которая наскучит вам через месяц-два. Я не позволю сломать мне жизнь!

— Игрушку? — зло оскалился Торнтон, хватая меня за руку. — Для игрушки ты слишком несговорчива, Айола. Хочешь знать, в чём моя выгода? Отлично! Я скажу.

— Мне больно, — прошипела я, пытаюсь вырвать руку из захвата. Не вышло.

— Я давно искал кандидатуру на роль моей жены. Мне скоро тридцать и пора обзавестись наследником. Признаю, претендентки были несколько иного плана и отличны от тебя. Богатые наследницы респектабельных семей с внушительным

приданным и связями. Невинные девы со школьной скамьи, которые смотрели бы мне в рот и беспрекословно подчинялись, выполняя все мои прихоти. Вот это как раз подходит под твоё определение «куклы». Они такие и есть — яркие, ослепительные, послушные и насквозь фальшивые.

— Ну так и женитесь на такой.

— Ты подойдишь больше.

— Вы издеваетесь? — Руку всё-так удалось вырвать, и я быстро вскочила, потирая ноющее запястье. — Напомнить, как кривилась ваша матушка, стоило ей лишь увидеть меня, а отец вообще смотрел как на пустое место. Думаете, свадьба изменит это отношение?

— Мне совершенно всё равно на мнение лорда и леди Торнтон. Они давно утратили вес и какое-то значение в обществе. В отличие от четы Архольдов.

— Вы... — я распахнула глаза, захлебнувшись от шока.

— Ты лучшая подруга Селины. Почти сестра. Ты вклад в наше дальнейшее сотрудничество с герцогом.

— Корыстный ублюдок, — выдохнула я.

— Рождён в законном браке, — невозмутимо отозвался граф. Не мужчина, а холодная статуя. — Плюс ко всему ты талантливый артефактор и вполне устраиваешь меня в постели. Опыта, конечно, мало. Но я научу...

Пощёчину я ему всё-таки дала. Не такую болезненную как хотелось бы. В последний момент, вспомнив о его травмах, я придержала руку. Но всё равно хлопок был громким. Вот только удовлетворения это не принесло.

— Ненавижу!

Но и это не возымело должного эффекта, только глаза опасно блеснули в тени длинных ресниц.

— Ты же хотела откровенности, требовала перечислить плюсы. Я честен с тобой, Айола. А ты? Ты честна со мной и с собой? Может, хватит играть в обиженную невинность? Наш брак будет выгоден обоим и тебе стоит это признать.

— Мне всё равно, что обо мне будут говорить. Мне всё равно на скандал и позор, который покроет моё имя... Высшая аристократия давно утратила для меня привлекательные краски и вариться в этом гадюшнике я не стану. Приняв это предложение, Торнтон, я потеряю себя... исчезну, сметённая вашей гордыней и честолюбием. Я просто не смогу так жить, не смогу притворяться счастливой изо дня в день. Рожать сыновей и молча наблюдать, как вы превращаете их в своё подобие? Нет, никогда.

— Это ваш окончательный ответ?

— Да. Я благодарна вам за попытку спасти моё честное имя. Но моя благодарность не распространяется так далеко. Прощайте...

Селина пришла через час. Замерла в дверях, молча изучая брата и только потом вошла, сразу присаживаясь на кровать.

— Ужасно выглядишь, — сообщила она.

— Чувствую себя не лучше.

— Тогда почему отказался от лекаря?

— Он не поможет.

Разве лекарь может залатать ту огромную чёрную дыру, которая горела в груди? Разве она может заглушить гнев, который сжимал сердце и требовал совершить глупость? Разве он сможет вернуть былое хладнокровие и спокойствие?

— Дрался на кулаках?

— Я ведь вызвал Гремзи на дуэль, так что право выбора было за ним. Я бы остановился на кинжалах. Красиво, эффектно и изящно. Но пришлось соглашаться, — ответил он, потирая скулу.

— Сильно покалечил Гремзи?

— Хорошо хоть ты не сомневаешься в моих способностях...

— Первое место в мужском клубе по боксу, — фыркнула она. — Ты ведь всегда и во всем стремился быть первым.

— Привычка детства.

«За ошибку отец наказывал жестко, бескомпромиссно и больно...»

Кивнула, задумчиво водя ладонью по покрывалу.

— Она же моя подруга, Лео. Моя лучшая подруга.

— Я знаю.

— У тебя должны были быть очень веские основания, чтобы совершить такое.

— Я лишь защищал её честь.

Снова кивнула, но не поверила, задав следующий вопрос:

— То, что говорил Гремзи, правда?

Торнтон лениво усмехнулся, закидывая руки за голову и вздрагивая от боли, прострелившей бок. Он отлично понял, что именно сестра имела в виду, но отвечать не спешил.

— Неужели думаешь, что я стану обсуждать с тобой чисто гипотетическое моральное падение госпожи Белфор?

В глубине её синих глаз, что-то промелькнуло и пропало. Леонард не успел отследить и понять, но насторожился. Она слишком хорошо его знала. Понимала ли это Селина? Он сам не знал, но подобрался, готовясь к худшему.

— Почему она, Леонард?

— Решил оказать тебе услугу и спасти лучшую подругу.

— Врёшь. Не только мне, но и себе. Помнишь, год назад я сказала тебе, что наступит такой день и в твоей жизни появится девушка, которая полностью перевернёт твоё сознание? Что однажды тебе придётся сделать выбор — долг или сердце?

— Я не умею любить, Селина, — мужчина холодно прервал сестру. — И здесь выбора нет. Голый расчёт и только. Не приписывай мне тех качеств, которых нет. Разочаровываться больно.

Но герцогиня его словно не слушала.

— Великие, как Айоле удалось пробиться через твою броню?

— Ты принимаешь желаемое за действительное, сестра.

— Я говорю то, что вижу, братец, — парировала она и тут же посерьёзнела. — Не сломай её, Леонард. Айола сильная, гибкая и стойкая, но даже у неё есть предел. А она и так сейчас на грани.

— Если ты действительно желаешь ей счастья, то помоги её уговорить.

— Она тебе отказала, — понимающе улыбнулась Селина. — Ожидаемо.

— Ты ведь знаешь, что с ней могут сделать. Они растопчут её, будут смаковать детали позора.

— Что ты хочешь от меня? Чтобы я предала подругу и уговорила её стать твоей женой?

— Это так плохо?

— Ты её не достоин, — честно ответила молодая женщина, даже не думая приукрашать правду. — Айола — сокровище, а ты бездушное чудовище.

— Я — зло, — согласился граф. — Но выбирая из двух неприятностей, надо остановиться на наименьшем. Я не прошу тебя предавать подругу, а лишь подумать, взвесить и сделать выводы.

— Хорошо, — помолчав, ответила она. — Я подумаю. Ничего не обещаю, но лгать Айоле я не стану.

— Я и не прошу. Спасибо и на этом.

— Рано благодарить. Но я тоже хочу, чтобы ты был счастлив, Леонард. Несмотря на твой отвратительный характер. А теперь отдыхай. Тебе надо восстановиться.

Выйдя в коридор, герцогиня Архольд некоторое время просто стояла, смотря перед собой. Сложно сказать, какие мысли были в её голове, но простояв так минуту, она неожиданно встряхнулась, выпрямилась и сделала кое-какие важные для себя выводы.

Осталось лишь убедить этих двоих.

Глава Одиннадцатая. В ловушке

Нити не желали соединиться. Как ни пыталась, как ни старалась, обливаясь потом и бормоча едва слышно проклятья, они всё равно разрывались, отслаивались и совершенно отказывались подчиняться. Вот уже почти час я, разложив по полу заготовки и бумаги, чертежи и планы, инструменты, камни, проволоку и накопители, пыталась хоть немного отвлечься от проблем.

Работа всегда помогла прийти в себя и разобраться в проблемах. Сосредоточившись на искре, полностью погружившись в волшебный мир артефактов, я очищала своё сознание и выход находился. Всегда, в самой сложной ситуации у меня был выход. Всегда, но не сейчас.

Силовая нить снова порвалась. Жалобно звякнув и ослепив меня короткой вспышкой, она рассыпалась в моих руках, оставив после себя лишь лёгкий, едва заметный блеск на пальцах. Прошипев сквозь зубы изгарское ругательство, я перестала пытаться хоть что-то сделать, оперлась спиной о диван и закрыла глаза. Ладони болезненно пощипывали от магической отдачи и впервые за долгое время хотелось плакать. От бессилия.

— Тук-тук-тук. — Стук, заставивший меня открыть глаза и напрячься. Дверь осторожно приоткрылась и в проёме показалась голова Селины. — Не помешаю?

— Нет. — Я устроилась поудобнее и убрала ноги с прохода. — Проходи.

— Работаете?

Подруга осторожно опустилась рядом, прямо на пол, поджав под себя ноги и опираясь на руку. Сколько раз мы сидели так же в нашей комнате, разговаривали, делились планами на будущее, мечтали. Как давно это было.

— Немного. Пытаюсь отвлечься. Тебе не тяжело сидеть на полу? Может, сядешь на диван?

— Не хочу. Я еще не такая большая и отлично чувствую своё тело. Мне удобно. Помнишь, как мы сидели так же в общегитии?

— Помню, — улыбнулась в ответ.

Как же мы похожи. Даже мысли те же в голову приходят. Может поэтому так сильно подружились.

— Всегда восхищалась и завидовала твоему таланту, — произнесла тем временем Селина, беря в руки одну из заготовок. — Управлять материей и искрой, уметь соединять их, используя в своих интересах. Создавать что-то новое, ранее никем не придуманное. Это достойно восхищения.

— Спасибо, — ответила я, ожидая продолжения. Ведь не просто так она сейчас ко мне пришла.

Заготовка вернулась на место и Селина взглянула на меня — прямо и открыто. Взгляд, который говорил мне, что избежать разговора не получится.

— Может поговорим?

— О чём? — устало спросила у неё.

— О том, что произошло.

— Мне придётся съехать. Как только будет дано опровержение о помолвке начнутся неприятности. Я не хочу, чтобы они затронули тебя и твою семью.

— Прекрати, — неожиданно резко прервала меня молодая женщина и сморщилась. — То, что я беременна, не значит, что глупа. И уж точно не стоит делать из меня беспомощную куклу. Мне уже лучше, и я хочу помочь. Расскажи мне всё.

— Нечего рассказывать, — ответила ей и принялась собирать всё с пола в небольшую

коробку, которая стояла у столика, пряча взгляд и боль.

— А я так не думаю. Что происходит между тобой и Лео?

— Селина, не надо, — предупреждая произнесла я, прекрасно зная, чем может закончиться этот разговор. Я многое не могла пережить, но не её потерю. Если и Селина от меня отвернётся... это будет очень больно.

— Я большая девочка, Айола, и понимаю, что вы с ним были... — она всё-таки запнулась, — близки. Не смотри на меня так. Я давно об этом догадалась. Пойми, я не собираюсь от тебя отворачиваться, закатывать глаза и падать в обморок. Если так произошло, значит, на то были причины. И мне бы хотелось их знать. Иначе я просто не смогу тебе помочь. А я очень хочу.

Смотрела ей в глаза и видела, что подруга не врёт мне сейчас. Ни мне, ни себе.

— Я ошиблась, Селина, — выдохнула в ответ, обнимая себя за плечи.

— Всё ещё можно исправить.

— Нет. — Я покачала головой. — Нельзя. Уже нельзя. Я сама себя загнала в ловушку.

— Не вини себя и не спеши с опровержением помолвки.

— Ты серьёзно? Думаешь, я соглашусь на этот брак? — и только потом догадалась. — Это Торнтон попросил тебя поговорить со мной?

— Просил, — не стала лгать она. — Но я не собираюсь вставать на его сторону и тащить тебя в Храм. У меня есть идея, выход, который удовлетворит интересы каждого. Хотя бы часть, кое-чем придётся пожертвовать.

— И что это за идея?

— Сначала ты мне всё расскажешь. Я должна знать, что происходит.

— Всё-всё? — нервно улыбнулась в ответ.

— Всё самое главное.

Внутри меня боролись два чувства. Желание поделиться своей болью и отчаяньем или дальше копить всё это изо дня в день, пока они не сожрут меня изнутри.

— Я ошиблась, Селина, — вновь повторила я. — Как же сильно я ошиблась...

И рассказала. Всё без утайки. Наплевав на стыд и страх потерять лучшую подругу.

— Так, — медленно произнесла она после того, как я закончила. — Давай проясним ситуацию. Вдруг я что неправильно поняла... Лео шантажом вынудил тебя...

— Купил, — поправила её я, не давая ей закончить. — Не шантажировал, а купил. Одну ночь за шесть тысяч золотых.

— У меня просто нет слов... Хорошо оценил.

— Селина!

— Прости, мысли вслух. Просто не похоже на моего брата. Такие риски, суммы и просто так... Или не просто так.

— Задетое самолюбие? — предположила я.

Но подруга со мной не согласилась.

— Ты сама то в это веришь? Тут что-то другое. В любом случае, чести это моему брату не делает. Он воспользовался твоим положением и поступил плохо. Больше всего мне хочется пойти и прибить его... нет! Наслать на него Дерекка. Тот точно ему что-нибудь оторвёт. И будет прав.

Я грустно улыбнулась.

— Ты раньше не была такой кровожадной.

— Беременность. Малыш меняет моё сознание... Ивара ты больше не видела?

— Нет. И не хочу... Слишком больно. И так сложно. Умом я понимаю, что надо порвать и выбросить, перерубить этот узел. А сердце... семь лет, Селина, семь лет я любила его или думала, что любила. Такое так просто не забывается. Боюсь, что увижу вновь и снова провалюсь.

— Я не дам тебе это сделать. Деньги он взял?

— Конечно, взял. На кону стояла его жизнь. Так что забрал и уже давно обналичил. Подробности я не знаю, если хочешь узнать, то спроси у Торнтон, деньги-то были его.

— А казался таким очаровательным парнем. Кажется, я совсем не умею разбираться в людях.

— Он и был хорошим. Когда-то был и сейчас, наверное, остался. Только я не хочу в этом разбираться. Пусть предательство, пусть бросила. Просто не хочу. Прав был папа, говоря, что мы слишком разные. Но мне хотелось верить в обратное, что любовь спасёт нас и всё победит.

— Любовь всё победит. Если это любовь.

— Значит, мне не так повезло как тебе.

— Отставить грустные мысли! — Селина, кряхтя, поднялась и пересела на диван, потирая затекшие ноги. — У тебя всё обязательно будет. Я знаю. Может и хорошо, что всё открылось сейчас. Потом бы было сложнее.

— Наверное, но боль от этого не уходит и проще не становится. Так что у тебя за идея?

— Пообещай, что выслушаешь и не станешь хвататься за сердце.

— Начало не очень обнадеживающее, — заметила я.

— Ничего страшного. Мы спасём тебя от позора, но и полноценной женой Лео ты не станешь, если не захочешь.

— Ничего не поняла, — нахмурилась в ответ, а по позвоночнику пробежал холодок. — К чему ты ведёшь?

— Фиктивный брак!

— Что-о?

Такого поворота я точно не ожидала.

— Ты обещала выслушать, — напомнила подруга, не давая мне взорваться от возмущения, хотя очень хотелось.

— Я помню, что обещала. Но то, что ты предлагаешь...

— Реальный шанс. Послушай, — она снова переместилась, пытаясь сесть поудобнее, рука неосознанно коснулась живота. — Давай признаем, что если Лео втемяшил себе в голову, что ты должна стать его женой, то он своего добьётся. Любыми способами и даже шантажом. А ты не сдашься, упорствуя из принципа. Мне не хочется смотреть на ваше противостояние. В конечном итоге оно может плохо закончиться для всех. Почему бы не удовлетворить его желание, пойти с ним в Храм, но на наших условиях?

Почему? У меня было много возражений, но на ум почему-то приходило так мало. И как объяснить подруге, что Торнтон никогда на это не пойдёт. Граф наверное успел мысленно дать имена нашим детям, а тут такой обман.

Я уже собиралась сообщить ей об этом, когда внезапно в голову пришла другая мысль.

- Ты же сама через это проходила. И ваш брак с Корвиллом тоже был фиктивным.
- У нас другой случай. У нас был не обычный брак, а благословлённый богами. Не будь этого благословения, нас бы развели еще пять лет назад.
- А если у нас, — произнесла я и запнулась, понимая, что это невозможно.
- Для такого брака надо любить друг друга и как раз эту любовь и благословляют Великие, — заметила Селина. — У вас же всё иначе. Или я чего-то не знаю? — синие глаза лукаво блеснули.
- Нет, — поспешно ответила я, поднимаясь с пола и неловко переступая ногами, которые немного затекли от длительного сидения в одном положении.
- Тогда волноваться нечего. Ваш брак можно будет легко расторгнуть.
- На каком основании?
- Нарушение брачного договора.
- Какого договора? — я села напротив подруги и блаженно откинулась на мягкую спинку кресла. Как же сильно болела спина.
- Брачного. У вас в Изгаре такое не практикуется, но в Ванагории и Сангориа уже давно составляют брачный контракт.
- Да, у нас в княжестве были более консервативные взгляды и браки заключались на всю жизнь и только смерть могла разлучить супругов.
- И что это будет за условие?
- Любое, — пожала плечами молодая женщина. — Всё зависит от твоей фантазии.
- Ладно, но есть одно очень большое «но».
- Это какое же?
- Твой брат никогда в жизни на такое не согласится. Торнтон рассчитывает на обычный брак и не пойдет на уступки.
- Но Селину это совершенно не смутило.
- По поводу этого не беспокойся. Я сама с ним поговорю.
- Почему-то мне это не нравилось. Уж слишком довольный был вид у подруги.
- Что ты ему такого скажешь, что он изменит своим планам и сделает то, что ты хочешь?
- Это мои проблемы. Мы с Дерекком поможем составить договор, учтём все нюансы, если хочешь, можем даже использовать Нерушимое Слово.
- Я вздрогнула. Магическая клятва. Опасная штука, которая не позволит участнику данного соглашения нарушать своё обещание. Вечное клеймо на запястье, если не оговорено иное. Невольно потёрла руку, словно знак клятвы уже был выжжен там и теперь болезненно ныл.
- Не знаю. Мне надо подумать. Всё слишком быстро происходит. Я не могу так быстро... Это же нереально.
- Реально, — спокойно перебила меня Селина. — Ты просто об этом не думала. Послушай, я не собираюсь на тебя давить, уговаривать и требовать. Это решение ты должна будешь принять сама. И никак иначе. А с Леонардом я поговорю, поверь, я смогу найти слова, чтобы достучаться до своего брата. Ты просто подумай, не торопись, взвесь все за и против.
- Хорошо, — сдалась я.

— Ты умница.

И я думала. Следующие три дня.

Большую часть я провела у себя в покоях, почти не выходя наружу. Еду мне приносила горничная, сплетни и новости доставляла Селина и Делайн. Но самое главное, я не видела Торнтон, что давало возможность прийти в себя и всё обдумать.

— Он согласился, — как бы случайно сообщила мне подруга на следующий день после нашего разговора.

Мы сидели у меня в покоях и пили чай с фруктовыми корзинками в песочном тесте. Любимое лакомство Селины. Надо сказать, что поездка пошла ей на пользу. Её почти перестало мутить, голова не кружилась и цвет лица приобрел прежние яркие краски.

В тот момент, когда она сообщила мне эту новость, я как раз делала глоток чая. И естественно чуть не подавилась, закашлялась, отставляя чашку в сторону и пытаюсь сделать вдох.

— Ох, прости, я не хотела. Похлопать по спине?

— Н-нет. Согласился? — прохрипела я, сморгнув выступившие слёзы. — То есть как согласился?

Я была уверена, что Торнтон откажется. Этот мужчина не умел уступать и здесь бы не потерпел вмешательства в свои планы. Выходит, я ошиблась. И совершенно ничего про него не знаю.

— Вот так. Детали вы обсудите лично. Когда ты примешь моё предложение.

— Если приму, — упрямо поправила её я, вызвав тяжелый взгляд у молодой герцогини.

— Твоя принципиальность и гордыня сведёт меня с ума.

— Какая есть, — обиженно фыркнула в ответ.

— Давить не буду. Решай сама. Время еще есть.

— И на этом спасибо.

Делайн рассказывала о суматохе в городе, которая всё не утихала после объявления о нашей помолвке.

— Элодия в истерике и была уже готова отказать Шеридану. Но после того, как герцогиня поговорила с ней наедине, она вроде как успокоилась. Не знаю, что леди Корвил сказала, но помогло. Даже у мамы так не получалось.

— Селина умеет уговаривать.

— Я до сих пор не могу поверить. Ты и граф.

— Поверь мне, я тоже.

Чем больше проходило времени, тем больше я понимала, что подруга права. Но так страшно было сделать этот шаг. Нырнуть в непривычный мир, стать графиней и чужой женой. Отказаться от всего, к чему так привыкла. Правила, этикет, свекровь, которая волком будет смотреть на меня, унижая за каждую ошибку. Это всё можно было вынести, если бы рядом был сильный мужчина и его любовь. А у меня нет ничего. Ни любви, ни поддержки, ни намёка на счастье.

На исходе третьего дня я решила выйти из дома и немного прогуляться по небольшому дворику. Сидеть в четырёх стенах было невыносимо тяжело.

И там меня уже ждали.

— Айола! — Ивар выскочил из кустов, заставив меня шарахнуться в сторону, рефлекторно призывая искру для защиты, и перегородил дорогу.

— Великие, — выдохнула я, прижимая руку к груди, где в страхе билось сердце. — Ты меня напугал.

— Ты здесь. Наконец-то! Я так долго ждал тебя, каждый день выискивал.

— Что ты здесь делаешь?

Это был всё еще мой Ивар с копной бронзовых волос, мягким взглядом карих глаз и обаятельной улыбкой. Или всё-таки не мой, чужой? Я помнила, каким ледяным был его взгляд, какие слова срывались с губ, ранив в самое сердце.

— Пришел за тобой, — ответил он, жадно оглядывая мою фигуру.

— Что значит за мной?

— Слушай, Айола, хватит, пообижалась и будет. Я понял, осознал свои ошибки и готов тебя простить.

— За что? За то, что, пытаясь спасти твою жизнь, была вынуждена продать себя Торнтону? — ледяным тоном уточнила у него. — За это ты решил меня спасти?

— Ты с ним спала.

— Ивар, уходи. Твое прощение мне не нужно.

— Ты это специально? Специально решила меня вывести из себя. Я же знаю, что помолвка ложь. Ты никогда не продашься за деньги, никогда не переступишь через принципы. Слишком гордая, принципиальная и глупая. Думаешь, что мир поделён лишь на чёрное и белое. Но это не так. Слышишь? Не так. Мир серый. И тебе давно пора это понять, сбросить наивные мечты и стать взрослой.

— Уже сбросила. Благодаря тебе, кстати. Ведь это ты всем разболтал о ночи с Торнтоном?

— Я был пьян, — хмуро отозвался он.

— И что? Это должно служить оправданием? Ты сам подтолкнул меня в объятия Торнтон, сам! Не надо винить кого-то другого.

— Айола, слушай! — он попытался схватить меня за плечи и тут же отлетел в сторону с недоумением смотря на свои ладони. — Это что?

— Защита.

— Ты поставила против меня защиту? — всё никак не мог поверить мужчина.

— Да. И в этом ты тоже виноват.

— Тебя послушать, так я всегда во всем виноват, а ты чистенькая и вообще чуть ли не святая.

— Я этого не говорила.

— Но ты себя именно так ведешь. Я мерзавец, а ты несчастная дева, полностью растворившаяся в своих страданиях.

— Ты за этим пришел? Унижать меня? — я сузила глаза и отступила еще на шаг.

— Завтра наша свадьба. В том храме у гостиницы. На рассвете. Ты придёшь?

— Я... — у меня просто слова закончились от такого заявления.

— Я буду ждать тебя у Храма. Если не придёшь, то женюсь на Флоренс.

И крохотная искра надежды рассыпалась пеплом, а сердце покрылось тонким слоем льда.

— Флоренс? — переспросила у него, пытаясь не замечать боль, от которой было сложно

даже дышать, не то, что разговаривать.

— А ты думала, я буду стоять в сторонке и смотреть, как ты красиво себя жалеешь? Я мужчина, откажешься ты, найдётся другая.

— Даже так... Тогда желаю вас счастья.

Ивар дёрнулся, словно хотел схватить меня за руку, но потом отступил, помня о защите.

— Не пожалеешь?

— Я сама выхожу замуж. Совсем скоро. О чём мне жалеть, Ивар?

«Разве что о тех годах, которые я провела, веря, что люблю и что любима тобой...О том, что еще не могу забыть, хотя разумом понимаю, что надо...»

— Что ж, — криво усмехнулся он. — Ты сделала свой выбор. Смотри не пожалей.

И ушел.

На следующее утро я проснулась задолго до рассвета, который встретила уже у храма, стоя на улице. Кеб не составило труда поймать, и я велела извозчику ехать на окраину города, попросив остановиться чуть дальше.

Найти укромное место было несложно, напротив располагался небольшой парк, в тени которого я и спряталась.

Я видела, как приехал Ивар, как он стоял, нервно притоптывая и смотря по сторонам, как ждал, но так и не дождался, а потом вошёл внутрь. Видела, как приехала радостная и сияющая Флоренс в сопровождении высокого бородатого мужчины, скорее всего отца.

Я пробыла там до конца службы, встречая молодых.

«Всё кончено... теперь всё точно кончено...»

Вернувшись в особняк, я сообщила Селине, что согласна и готова встретиться с Леонардом для того, чтобы обсудить наше совместное будущее. Внутри словно что-то сломалось, открывая новую Айолу Белфор, чужую, незнакомую, холодную и словно не живую, похоронив старую под толщей льда. Прав был Ивар, хватит уже цепляться за пустые идеалы и пора посмотреть правде в глаза. В нашей жизни всё продаётся и покупается, а бунт одной северянки ничего не изменит. Быть графиней Элкиз гораздо лучшая участь из всех возможных.

«Хочешь чего-то большего, добейся этого сам».

Слова сестры вот уже несколько дней мухой зудели в голове, не давая сосредоточиться и хоть на мгновение отпустить ситуацию, в которую он ввязался. Но дело было не только в Селине, весь мир словно сошёл с ума, испытывая его на прочность.

Армель устроила жуткую истерику с битьем бесценных ваз, метанием статуэток в его голову и слезливыми, полными бессильной ярости мольбами не делать опрометчивых поступков. Это было отвратительно. Комната герцогини, пропахшая дурманящими курительными смесями, была уничтожена всего за пару минут.

— Ты не можешь так поступить со мной, — рычала женщина. — Не посмеешь!

— Я ничего тебе не обещал.

— Ты мой!

— Ошибаешься, — ответил он, стряхивая с плеча осколки стекла, после чего развернулся и ушел даже не попрощавшись.

— Ты всё равно будешь моим! Ты вернёшься! — кричала маркиза ему вслед, но Элкиз даже не остановился, чувствуя невероятное опустошение и грязь.

Его словно вымазали в ней с ног до головы. Больше всего хотелось вернуться домой, войти к Айоле в покои, схватить за плечи и заглянуть в светло-зелёные честные глаза. Но нельзя.

И все остальное общество. Его спрашивали, заискивали и продолжали шептаться за спиной, выдвигая всё новые и новые версии этого скандального союза. Их брак привлёк слишком много внимания, которое никак не хотело утихать.

И тут еще мать, которая наотрез отказалась приезжать на этот фарс и требовала его одуматься, отправив гневную записку.

«Она не пара тебе. Откажись! Подумай, что о нас скажут люди! Её никогда не примут! Я никогда не приму!»

От отца не было даже письма, но это совершенно не удивило Леонарда, тот давно перестал вмешиваться в жизнь сына, зная, какие последствия могут его ожидать. Мальчик для битвы давно вырос и научился давать сдачи.

Когда Селина, хотя в тот вечер к нему во второй раз явилась не просто младшая сестрица, а настоящая герцогиня Архольд — гордая, независимая и могущественная, — Леонард сразу понял, что дело плохо. Хотя на первый взгляд понять это было довольно сложно. Её синие глаза не метали молнии, зубы не скрипели и выглядела она спокойной и невозмутимой. Но взгляд. В нём было столько осуждения, что Леонарду впервые за долгое время стало немного стыдно. Чуть-чуть, но этого хватило, чтобы почувствовать себя уязвимым.

— Я многого ожидала от тебя. Думала, что удивить меня ты больше ничем не сможешь. Но ошиблась... Единственное, что меня сейчас удерживает от желания дать тебе пощечину и выгнать из дома — мысль, что это всё не зря.

— Что именно? — Торнтон так и продолжил лежать на кровати, не делая попыток встать или даже пошевелиться.

— Всё это, — она сделала непонятный пасс рукой и вздохнула. — Я разговаривала с Айолой и предложила ей альтернативный вариант ваших будущих взаимоотношений.

— Это еще какой?

Когда младшая сестра озвучила ему свою идею, первой мыслью было отказаться. Фиктивный брак и фиктивная жена. Это ведь совершенно не то, чего он добивался и желал. Видеть Айолу каждый день, знать, что она твоя, и не иметь права коснуться... Невыносимо, мучительно и опасно, ведь всегда есть риск сорваться. Но вместо того, чтобы отказаться, Торнтон холодно спросил:

— Почему я должен на это согласиться?

— Потому что это единственный шанс хоть чего-то добиться от Айолы, — отрезала Селина. — Будешь настаивать, давить и принуждать, она еще больше закроется, сделает совершенно противоположное, лишь бы насолить тебе. Если хочешь добиться чего-то большего, добейся этого сам.

— Ты ведь уже всё решила. Решила за нас.

— Нет. Всё придётся делать вам. Я могу лишь посоветовать. Поверь мне, Лео, если это было возможно, я бы всё сделала для того, чтобы ты находился как можно дальше от Айолы, помогла ей выжить, оправиться, встретить кого-то другого. Того, кто бы смог понять, какое она сокровище и не ломал бы её по своему вкусу... Великие, я бы даже нашла другого претендента на роль фиктивного мужа! — вскрикнула она.

— И почему же не нашла? — зло спросил он, чувствуя, как внутри всё закипает.

— Ты сам отлично знаешь почему. Это не поможет и сделает лишь хуже. К моему большому сожалению, спасти Айолу можешь лишь ты.

— Спасибо за великую честь.

— Честь? Да, ты прав. Это честь. Та сама, которую ты не заслужил, — вспыхнула она, ударив по больному, и ведь достигла своей цели.

— Прекрати, Селина, — оборвал Леонард сестру и сморщился. — Я ведь могу и передумать.

Она запнулась, сверкнула глазами и неожиданно успокоилась, будто из неё разом сдули воздух. Только добавила устало:

— Тогда я тебя точно никогда не прощу.

Этот разговор состоялся почти четыре дня назад, долгих четыре дня, когда он силой заставлял себя не ходить к Айоле в покои, чтобы вытрясти из неё ответ. Четыре дня, когда он сходил с ума от неизвестности и собственного бессилия.

И вот Белфор согласилась на встречу, назначив её в своих покоях. Наедине.

— Не боишься, что это может вызвать новую волну слухов? — спросил мужчина, входя внутрь и плотно закрывая за собой дверь.

Девушка стояла у окна и смотрела прямо на него. Ждала.

«Что же ты задумала, Айола? Что решила?»

— Какие могут быть слухи, если для всех мы жених и невеста. Самая скандальная пара за последние несколько лет, — ответила она и сделала приглашающий жест. — Прошу, присаживайтесь.

— Благодарю, — Леонард сел, поправил брюки и взглянул на невесту.

Слишком бледна и сдержанна. Холодна и неприступна. И глаза такие пустые и равнодушные, что его охватила непонятная злость. Неужели брак с ним так ужасен? Зачем она вновь разыгрывает из себя несчастную жертву?

— Чай? — Айола села рядом и потянулась к фарфоровому заварнику.

— Нет, спасибо.

Ему сейчас хотелось чего-нибудь покрепче.

— Как пожелаете, — она убрала руки, положив их на колени, и повернулась к мужчине.

Они сидели так близко, что еще немного и их ноги могли бы соприкоснуться. Вот только жары Леонард не чувствовал, лишь северный холод.

— Я решила принять ваше предложение, граф, — продолжила северянка.

— Селина мне сказала, — старательно контролируя голос, ответил Торнтон. — Что ж я рад, что ты приняла верное решение. Она с Корвиллом сейчас готовят примерный план нашего брачного контракта. Думаю, тебе стоит составить перечень своих условий, мы их обсудим и внесём.

— Вы не поняли меня, граф, — нетерпеливо перебила его Айола. — Я принимаю ваше предложение.

Сначала не понимал, а потом просто не поверил. Помолчал несколько секунд, изучая лицо невесты и пытаясь понять, какую игру она с ним ведёт. Ведь изменилась. Неуловимо, но изменилась. Взгляд стал жестче, появились складки у губ, добавляющие ей возраста, кожа стала бледнее, словно из девушки ушли все краски. Айола и не она. Застывшая статуя. Погасшая...

— Ты понимаешь, на что соглашаешься?

— Надо же как вы это произнесли, — хмыкнула Айола, теребя кайму на платье. — Разве не вы совсем недавно описывали мне все прелести этого союза?

— А разве это не ты не купилась на мои слова?

— Тогда нет.

— И что изменилось?

Равнодушное пожатие плеч и пустая улыбка, лишённая эмоций.

— Наверное, я подумала, взвесила и решила, что вы для меня самый лучший вариант. Титул, деньги, положение в обществе — всё это звучит очень заманчиво.

— И совершенно тебя раньше не интересовало.

Пусть она произносила его слова, но сейчас Лео отчего-то было больно их слушать.

— Осторожнее, граф, еще немного и я решу, что вы меня отговариваете.

— Леонард, — машинально поправил он её. — Зови меня по имени. Раз уж мы жених и невеста.

Ни капли смущения или неловкости в ответ, лишь лёгкий кивок.

— Хорошо, Леонард. Но вы так и не ответили. Неужели передумали?

— Нет, но уверена ли ты? Ночи в моей постели, наши дети, — ответил Торнтон немного резко. — На это ты тоже согласна?

— Есть несколько моментов: о моём участии в воспитании детей, которые я бы хотела обсудить.

— И что это за моменты?

— Я просто хочу принимать участие в их жизни. Я не ваша мать и не собираюсь бросать воспитание на няnek и гувернёров. Вы должны сразу понять, что этого не будет.

— Я вас понял.

— А насчёт меня в вашей постели, — продолжила Айола. — Вы хороший любовник, гр... Леонард, и мне надо радоваться такой возможности и удачи.

«Великие, что с ней стало? Куда делать та искренняя девушка, которая не побоялась дать ему пощечину, с ясным взглядом и настоящими эмоциями... Неужели я её сломал? Уничтожил и растоптал? Неужели уже поздно?...»

— Что ж, хорошо. Тогда предлагаю скрепить нашу сделку.

— Надо где-то поставить подписи?

— Поцелуем.

— Поцелуем? — эхом повторила Айола.

Ему всё-таки удалось вызвать у девушки эмоции. Всего на долю секунды на лице отразилось замешательство, которое она так отчаянно попыталась скрыть за равнодушной гримасой.

— Как скажете. Прямо сейчас?

— А что тянуть? Ведь между нами всё давно ясно. Не так ли? — ответил он, пододвигаясь ближе, пока их колени не соприкоснулись, наклонился вперёд и протянул руку, осторожно касаясь золотистых локонов, которые выбрались из пучка на голове. Как бы случайно затронул пальцем щеку, внимательно наблюдая за её реакцией, ловя каждый вздох.

Расстояние между ними сокращалось медленно, но неуловимо. Всё ближе и ближе к друг другу. Теперь Лео мог рассмотреть серые крапинки в глубине её зелёных глаз, россыпь едва заметных веснушек на носу и щеках.

— Айола...

Невеста сопротивлялась ему, сдерживалась, противилась реакции собственного тела, которое уже тянулось к нему, моля о продолжении.

Они оба не забыли ту ночь и теперь это предвкушение сводило с ума. Оба знали и понимали, что будет, стоит им коснуться друг друга. Ждали и боялись этого взрыва.

— Айола, — прошептал Лео ей в губы, прежде чем дотронуться до них.

Осторожно, едва заметно, но этого хватило, чтобы она задрожала.

Поцеловать уголок рта, щеки, кончик носа, снова губы, обвести их контур кончиком языка, ловя прерывистый вздох. Задрожать самому, почувствовав её ладони на своей груди. И наброситься как голодный зверь, сметая всё на своём пути, лаская, ставя свою печать, утверждая права.

— Айола...

Она должна была остановить его, оттолкнуть, стукнуть, должна была хоть что-то сделать. Но не запускать пальцы в его волосы, притягивая мужчину к себе. Не падать на подушки, ведомая его волей. Не всхлипывать, когда его рука медленно задирает подол летнего платья, касаясь кружевной грани тонкого чулка, лаская нежную кожу бедра.

Кто-то из них двоих должен был сохранить разум и противиться желанию тела.

Леонард первым пришёл в себя, ощутив, как её тонкие пальчики пытаются расстегнуть пуговицы рубашки, чтобы добраться до гладкой кожи.

— Бездна, — прохрипел Торнтон, отшатываясь и выпрямляясь, чтобы голодным взглядом рассмотреть плоды трудов своих.

Растрепанные волосы, лихорадочно блестящие глаза, припухшие от его поцелуев губы, красные следы на шее и плечах, спущенный лиф платья, оголяющий белые холмики её груди, еще не открытые полностью, но такие манящие. И ни капли холодной неприступности, лишь обжигающее желание.

Она тоже поднялась, лихорадочно пытаясь собрать волосы в пучок и поправить одежду.

— Прощу прощения за мою несдержанность, — ответил Леонард, наблюдая, как покрываются румянцем её щеки.

Ожидая... Чего? Что она бросится на него с упрёками, обвиняя в соблазнении, или разразится истерикой, заливая его горячими слезами?

— Сделка скреплена? — спросила Айола, стараясь не смотреть ему в глаза, занятая приведением себя в порядок.

— Безусловно.

— Я рада. Тогда у меня к вам еще одна просьба. Давайте до свадьбы обойдёмся больше без поцелуев? О нас ходят и так слишком много слухов, не хочется запускать новую волну.

— Как скажешь.

Что ж, их брак обещает быть очень интересным и страстным. А невеста не так холодна, как хочет казаться себе и ему. А со всем остальным они справятся.

Глава Двенадцатая. Графиня

Неделю спустя

Вот так погрязает с головой в собственных проблемах, разочаруешься в мужчинах и считаешь, что сердце умерло. Нет, оно возможно и умерло, но тело осталось живо и здорово. И Торнтон тут же доказал мне это, обрушившись как стихийное бедствие.

Можно было биться в истерике, свалить всё на него, утверждая, что именно граф меня соблазнил, именно он воспользовался моей беспомощностью и уложил на диван. Можно было многое свалить на него, но я не стала.

Если честно, то я даже немного обрадовалась произошедшему. Значит, не всё умерло, есть шанс продолжить жить, а любовь... Не всем так везёт с ней в этой жизни. Если мы с мужем будем комфортно чувствовать себя в постели, наслаждаясь близостью, пусть и непродолжительное время, то это уже большой плюс, которому надо радоваться. А не пытаться найти минусы нашего брака.

После того памятного дня в моих покоях прошла неделя. Надо сказать, что мою просьбу граф выполнил и с поцелуями больше не приставал. Мы вообще почти не виделись, полностью погрязнув в подготовке предстоящей свадьбы, которую они с Селиной каким-то чудом умудрились организовать за неделю.

Последний раз я видела своего жениха три дня назад, когда он нашёл меня в гостиной, где я пыталась спрятаться от участи выбирать цвет салфеток, размеры букетов, их состав и прочую свадебную ерунду, в которой ничего не понимала и даже не хотела в это вникать.

— Твоё кольцо, — произнёс Леонард, положив рядом со мной на диван небольшую коробочку из ювелирного магазина.

Отложив в сторону брошюры, которые мне впинула Селина, я осторожно взяла её в руки и открыла. Естественно, кольцо было непозволительно дорогое, красивое и стоило огромную кучу денег. Тонкое, изящное, но не маленькое, выполненное из белого золота с огромным, прозрачным, как слеза, овальным камнем посередине в окружении более мелких бриллиантов.

— Очень... красиво, — сглотнув, ответила ему. — Семейная ценность?

— Теперь да, — спокойно ответил Торнтон, продолжая возвышаться надо мной. — Ты первая графиня Элкиз, это кольцо будет передаваться по наследству нашим детям и внукам.

— Ясно, — произнесла я, не зная, что еще сказать.

— Тебе нравится?

— Да, оно великолепно, — ответила ему, захлопывая крышку и протягивая коробочку.

Не взял, только смотрел очень странно, словно я сделала сейчас что-то не то.

— Примерить не хочешь?

— Что? — переспросила я, нахмурившись.

— Примерить кольцо, — терпеливо повторил он, указывая взглядом на коробочку, которая всё еще лежала в моих ладонях.

— Ах, да, конечно, — пробормотала в ответ, чувствуя себя крайне глупо.

Какая я недогадливая, а вдруг кольцо не подойдет. Надо померить.

Но украшение село идеально, камни засверкали в лучах солнца, грозя ослепить.

— Тебе точно нравится? — всё ещё недоверчиво переспросил жених.

— Конечно, — быстро сняв и положив его на место, ответила я. — Как оно может не нравится? Кольцо великолепно.

— Хорошо, — медленно произнёс Элкиз, убирая коробочку в карман. — Как продвигается подготовка к свадьбе?

— Хорошо, — в тон ему ответила я. — Всё успеем.

— У тебя есть какие-нибудь вопросы ко мне?

— Н-нет.

Мужчина еще некоторое время потоптался рядом, словно хотел что-то сказать, но потом передумал.

— Что ж, тогда не буду отвлекать.

И вот время пришло, завтра наша свадьба, а сегодня праздник, посвященный ей. Граф наотрез отказался совершать обряд в часовне при замке Архольдов, настояв на главном храме столицы. Не знаю, как ему удалось протиснуться через очередь, но у него вышло. Впрочем, я не особо удивилась этой новости, граф Элкиз всегда получает то, что хочет. Поэтому и праздник проходил в особняке герцогской четы в столице. Слава Великим, гостей было не так много, и все уместились.

— Честно говоря, не ожидала от тебя такой прыти, — произнесла Мергери, наша вторая соседка по комнате в Академии, яркая блондинка с фиалковыми глазами.

Девушка стояла рядом со мной, обмахивалась веером и фальшиво улыбалась.

— Никто не ожидал, — равнодушно отозвалась я, спиной чувствуя обжигающий взгляд Торнтона.

По правилам этикета на праздничном вечере, посвященном завтрашней свадьбе, жених и невеста не должны были подходить друг к другу ближе, чем на метр и разговаривать тоже было нельзя. Но это не мешало графу весь вечер прожигать взглядом мои лопатки. Можно было списать всё на нервное перенапряжение, страх перед церемонией, но я знала, стоит мне только обернуться, и я попаду в плен холодных голубых глаз.

— Ты всегда была такая наивная, восторженная, так вдохновенно рассказывала о своём женихе. Как его, кстати, звали?

— Что ты хочешь, Мергери? — не выдержав, спросила у неё, чувствуя, как начали ныть виски от боли.

Мы никогда особо не ладили и приглашена она была сюда лишь по чистой случайности. Селина с чего-то решила, что её появление меня обрадует.

— Поздравить, конечно. Граф Элкиз крупная рыба, за которой охотились больше года все столичные красавицы Ванагории.

— А выбрал он меня, — закончила, глотнув игристое вино, бокал с которым до этого грела в руках. — Какая неожиданность.

— До нас дошел один слухок. Говорят, вы с графом уже давно... близки. А каждая близость имеет последствия... граф, безусловно человек чести...

От её фальшивой улыбки у меня зарябило в глазах и засосало под ложечкой.

— Мергери, — ласково пропела я. — Ты считать умеешь?

— Что-о? — растерялась девушка и захлопала ресницами.

— Конечно умеешь. Так вот у тебя есть отличная возможность отсчитать восемь месяцев от этого дня и только потом приходите ко мне с подобными намёками.

— Зачем ты так? — охнула она, обмахиваясь разноцветным веером. — Я же хотела как лучше, показать, что тебя ждёт, когда вы вернётесь в Ванагорию. Остальные будут менее деликатны.

— Спасибо, я учту. Прости, но мне надо переговорить с Селиной, — произнесла я и вручила ей свой бокал, оставив бывшую соседку по комнате стоять с раскрытым ртом.

— Не помешаю? — спросила я, подходя к чете Архольдов, которые расположились у окна, ведущего в сад.

— Конечно, нет, — улыбнулась подруга.

В последние несколько дней Селина резко раздалась в талии и была вынуждена срочно обновить весь свой гардероб. Зато её самочувствие улучшилось, и мы наконец смогли вздохнуть спокойно.

— Не буду вам мешать, — улыбнулся герцог. — Вам есть что обсудить и о чём поговорить. Если понадобится, я рядом.

Поцеловав жену, Корвил удалился.

— Я точно вам не помешала?

— Что за глупости, — Селина улыбнулась и ободряюще сжала мою руку. — Как ты?

Подруга была удивлена, поражена и немного недовольна решением заключить настоящий брак. Она даже решила, что Леонард меня шантажировал и наотрез отказывалась верить, что инициатором была я.

— Но зачем? — спрашивала меня тогда Селина. — Зачем идти на такие риски. Посопровтивлялась бы полгода, потрепала ему нервы, Лео полезна такая встряска, он всегда слишком легко всё получает, и согласилась бы на нормальный брак. Почему так резко? Почему сразу?

— Не хочу играть, — ответила ей. — Мне нужна семья, если с мужем не получится, то у меня будет ребёнок. Мой ребёнок, которому я могу подарить всё тепло и нерастраченную нежность.

— Айола, — ахнула она.

— Так что поддержи меня, просто поддержи. Мне и так тяжело.

Селина крепко обняла меня и едва слышно произнесла:

— Я всегда буду на твоей стороне. И помогу. Помни, что ты всегда можешь найти приют и поддержку у меня. Всегда.

— Спасибо...

... - Айола? — вывел меня из раздумий голос подруги. — Ты меня слышишь?

— Прости, задумалась.

— О чём? — сразу насторожилась она, нахмурившись.

Ответить не успела.

— КАРАБЕСКА! — как гром среди ясного неба прозвучал голос мажордома.

— Великие, — выдохнула я, внезапно потеряв всякую уверенность в том, что собираюсь делать.

— Всё будет хорошо, — шепнула Селина, серьёзно сверкнув глазами и поворачивая меня к середине зала, куда уже медленно двигался Леонард.

Холод голубых глаз и жар взгляда. Как это всё могло сочетаться в нём? Я не знала, но думать времени не было. Решительно вскинув голову, я подошла к нему и встала рядом,

вполоборота, дерзко и храбро встречая его взгляд. Готовясь к этой борьбе характеров и желаний. Я нутром чувствовала, как это будет. Маски равнодушия уже сползали с наших лиц, оголяя желание, которое мы оба так упорно давили внутри.

Жалобно запела скрипка и мы синхронно подняли правые руки, соприкасаясь запястьями, дрогнув от искры, возникшей между нами, которая сверкнула и никак не желала исчезать, разгораясь от пересечения наших взглядов.

Вторая рука безвольно опустилась вниз, в то время как его легла на спину, оставляя жаркий отпечаток на теле, заявляя свои права. Одно биение сердца и Леонард протянул меня к себе. Слишком близко, непозволительно, провокационно. Специально.

Я поняла это по дерзкой усмешке, приподнявшей уголки его губ. Мужчина проверял меня, испытывал терпение, ждал реакции, и я улыбнулась в ответ, так же едва заметно. Лишь ему.

Два круга и мы снова застыли, вслушиваясь в виолончель, которая присоединилась к скрипкам. Леонард поймал мою руку, что была поднята, побуждая опустить её, сжал на пульсе, считывая мою реакцию на раз-два.

Всего долю секунды, показавшейся мне вечностью.

Резкий разворот, от которого мои юбки взметнулись вокруг нас, словно облако, и закружилась голова. И вот я уже прижимаюсь спиной к его груди, чувствуя биение чужого сердца так же чётко, как и своё. Сильные руки на моём животе, которые я накрыла своими, прижимая еще сильнее. Горячее дыхание, шевелившее волосы на шее, и слабость в ногах.

Мне казалось, что я не смогу сделать и шага, слишком сильны чувства и желания. Но Торнтон направлял меня, делая движения назад, вперед и вбок, затем в другую сторону.

— Ты горюшь, — шептал Лео на ушко. — Пылаешь...

— Сумасшествие, — ахнула в ответ, забыв, что мы не одни, что на нас смотрят, ловят каждое движение, о котором потом будут рассказывать всем желающим.

— Да-а-а.

Снова разворот и я едва успела опомниться, когда Леонард подхватил меня за талию, подняв вверх как пушинку и закружил, заставляя прогнуться в спине под сладкий стон скрипок.

И снова испытание для моих расшатанных нервов — медленно спуститься по сильному телу, скользя и чувствуя его возбуждение, теряясь от взгляда, который обещал столько всего запретного и чувственного.

Небольшая передышка, в течение которой мы кружили по залу под звуки духовых и снова всё сначала.

Я не заметила, как к нам присоединились Селина и Дерек, затем и остальные гости, сосредоточившись на собственных ощущениях, на мужчине, который был так близко и в то же время так далеко. Мой? Лишь на время. Но мне хватит, чтобы отогреться в его объятьях. А потом у меня будет ребёнок, он не даст моей душе заледенеть от одиночества.

— Айола... ты скучала по мне? — прошептал он, обнимая меня сзади.

— Перестань...

— Построила между нами стену... но завтра она тебя не спасёт.

— Я не стану прятаться.

— Да... не позволю. Завтра.

Судорожно кивнула, чувствуя, как пересохло горло и страшно захотелось пить.

— Я не сбегу, — произнесла, когда вновь сползла по его телу.

— Догоню, — пообещал мужчина, и я по глазам видела, что он не врёт сейчас.

Карабеска — заключительный танец жениха и невесты, после которого они должны вернуться каждый в свои покои и лечь спать, ведь завтра предстояло встать до рассвета и отправиться в храм.

Музыка еще не успела отзвучать, как подошла Селина.

— Нам пора, — улыбнувшись, произнесла она и взяла меня за руку.

Мне вдруг на мгновение показалось, что Леонард ей откажет, не отпустит, но он вдруг отшатнулся и резко кивнул.

— Хорошо. До завтра, Айола.

— До завтра, — эхом ответила я и позволила себя увести.

Мы шли молча, думая каждая о своём. Лишь у дверей в покои подруга вдруг остановилась и произнесла:

— Беру свои слова обратно.

— Какие?

— Все. Ты правильно поступила. Теперь я это понимаю.

— Ты сейчас о чём?

— Отправляйся спать, — отмахнулась она, улыбаясь своим мыслям. — Но сначала с тобой хочет поговорить твоя тётя. Крепись.

— О, Великие.

Тетя Полин действительно ждала меня в спальне, бледная, взволнованная, она, заикаясь и страшно смущаясь, пыталась мне рассказать о прелестях первой брачной ночи и боли, которая меня ожидает.

— Ты главное не сопротивляйся, — вставила она в конце, и я быстро кивнула, радуясь, что не слышала этого раньше. А то получил бы Леонард трясущуюся от страха невесту, падающую в обмороки каждые пять минут.

Ложась в постель, я попыталась представить себя графиней и не смогла, а вот любовницей Торнтоня легко. И почему-то отторжения это не вызвало.

Тихо вздохнув, повернулась на бок, закрыла глаза и сразу уснула, забыв обо всех тревогах и сомнениях.

Проснулась я сама, еще долго лежала, вглядываясь в темноту предрассветных сумерек и мысленно прогоняя в голове образы прошлого, которые всё никак не желали отступать.

— Доброе утро, — в спальню бесшумно вошла Криста и застыла у кровати. — Вы уже встали?

— Пора? — вместо ответа спросила её и поднялась, откидывая в сторону тонкое одеяло.

— Да.

Наш мир полон традиций и условностей, а такое мероприятие, как брак, считалось самым сложным и ответственным.

Ванна с прохладной водой, точно как в священном озере Гароу, которое располагалось на территории Нарговии совсем недалеко от Академии, где, согласно легендам, совершили своё первое омовение Великие Отец и Мать.

Я была там один раз. Не имея возможности ездить домой каждые каникулы, я

развлекалась как могла. И однажды попала туда. Действительно священное место, полное неги и божественного спокойствия. Озеро овальной формы, неглубокое, с такой прозрачной водой, что можно рассмотреть дно, по которому шныряли рыбки. Я помнила, какая холодная в нём была вода, и что никто из нашей группы не решился окунуться, лишь промочить ноги. Никто, кроме меня, ведь холод северянке не помеха. А какое невероятное чувство свободы я испытала потом. Словно каждая пора открылась, вбирая воздух. И на сердце было так легко, как никогда в жизни.

Водные процедуры и сейчас выдержала, даже не вздрогнув, когда прохладная вода полилась сверху, смывая настойки и благовония, которыми Криста намылила мои волосы и тело. Запах от них был очень резким и сразу зашевелил в носу, а противная память подсовывала совершенно неуместные воспоминания о совсем другом холодном купании.

«Нельзя... не сейчас... прошлое забыто и похоронено».

Выбравшись наружу, я глотнула обжигающий кильяр*, который сразу же согрел замершее тело.

Укутанная в махровый халат, вернулась в спальню и села перед зеркалом, рассматривая собственное отражение, которое казалось таким бледным в ночи.

— Доброе утро, — бодро сообщила Селина, входя внутрь. — Как себя чувствует наша невеста?

— Мокро.

— Мне начинать? — Криста застыла за моей спиной, ожидая дальнейших распоряжений.

— Да, конечно, — улыбнулась Селина, пододвигая стул поближе и присаживаясь.

— Пришла контролировать? — хмыкнула я, поморщившись, когда служанка слегка дернула меня за волосы, заплетая их в толстую косу и украшая безумно дорогой жемчужной нитью.

— Не вредничай. Я просто решила оказать тебе моральную поддержку.

— Проследить, чтобы не сбежала? — хмыкнула я, не в силах сдержать улыбку.

— Ну уж нет, — совсем невежливо фыркнула леди Корвил. — Этим пусть Лео занимается. Если надумаешь сбежать, я тебе скорее помогу.

Тихий смешок и только понятное нам двоим переглядывание, которое разрядило напряжённую атмосферу в комнате, но только до прихода хамиби, которая должна была нанести на моё лицо тонкой кисточкой священный узор невесты.

И это тоже была дань традициям. Раньше такой узор покрывал всё лицо девушки, дабы защитить её от злых духов и косых взглядов завистников.

Я не знаю, что нашло на меня в этот момент. Но только женщина села передо мной и стала распаковывать свои инструменты, смешивать краску, как в голове словно что-то щелкнуло.

— Не надо, — прохрипела я, отворачиваясь.

Узор должен был охранять чистоту невесты. То, чего у меня не было, и это казалось таким неправильным.

— Что не надо? — не поняла женщина.

— Айола, что случилось? — тут же вмешалась Селина.

— Не надо узоров, — тихо, но уверенно произнесла я.

— Но как же...

— Почему? — перебила хамиби подруга, пристально изучая меня.

Ох, если бы я сама знала, почему не надо, просто чувствовала.

— Я хочу, чтобы моё лицо было чисто, — упрямо повторила я, сжимая полы халата и сама поражаясь своим желаниям.

— Миледи! — возмущенно произнесла женщина. — А как же...?

— Айола, повернись, — скомандовала Селина. — Сделайте ей узор на шее, пусть он перейдёт на плечи и коснётся сердца.

— Но это против правил.

— За услугу вам заплатят, — жестко оборвала её герцогиня. — И за молчание тоже.

— Как прикажете, — недовольно поджала губы хамиби, но больше возражать не стала.

Вообще эта свадьба была полна противоречий. Узор не на лице, а в другом месте, обычный, хоть и золотой обруч на голове, а не украшенный драгоценными камнями венец. И еще платье.

Традиционно оно должно быть белого цвета, символизируя собой невинность и чистоту невесты. Конечно, я воспротивилась, не хотелось обманывать ни себя, ни Богов. Поэтому ткань платья выбрала приглушенного молочного цвета, но зато украсила искусной вышивкой из золотых нитей, которые красиво сверкали и переливались на солнце.

Под платьем не было ничего, ни корсета, ни подъюбника — ничего. Лишь моё обнажённое тело. От одной только мысли об этом, у меня перехватало дыхание и пылали щеки. Даже той ночью я не чувствовала себя до такой степени голой, как сейчас.

— Пора, — произнесла Селина, подавая лёгкий белоснежный плащ, который должен был скрыть меня от любопытных глаз.

— Спасибо, — шепнула я, сжимая её руки. — За всё спасибо.

— Уверена? Еще не поздно сбежать.

Взгляд синих глаз был серьёзным.

— Поздно.

В крытой карете уже ждала тётя Полин, именно она, заменившая мать, должна была передать меня мужу.

Увидев моё лицо, лишённое ритуального рисунка, она уже было открыла рот, чтобы возразить, но промолчала.

Путь до храма занял от силы минут десять-пятнадцать.

Еще пять минут, и я в сопровождении древнего старца вошла внутрь в подземелье, располагающееся прямо под храмом. Тёмные коридоры, освещенные лишь тусклыми факелами, шуршание гравия под ногами и волнение, от которого заходило сердце, грозя выпрыгнуть из груди.

Мы замерли у высоких створчатых дверей, ведущих на священную поляну, где обитали Великие.

— Не бойся, дитя, входи навстречу своей судьбе.

Сняв туфельки и сбросив на пол плащ, я сделала первый шаг в мир Богов. Здесь согласно их великой воли всегда царило вечное лето, было тепло и влажно. Мягкий зелёный мох под ногами приятно щекотал стопы, ароматно пахли цветы самых редких видов, звонко журчал прозрачный ручеек, берущий своё начало в корнях могучего дерева с густой кроной, которая тянулась до самого потолка.

Было темно, лишь голубой карбунук и крохотные светлячки освещали пещеру, играя и отражаясь в прозрачных водах.

Еще пара шагов и дорожка закончилась, переходя в неглубокий ручеек с ровной и гладкой галькой. Вокруг моих ног плавали разноцветные рыбки, которые совершенно не боялись и то и дело касались ног, щекотали стопы.

Я шла вперёд, волоча намокший подол платья, смотря только перед собой и зная, что Леонард идёт мне навстречу по такому же ручью. Как тяжело мне давался каждый шаг, я чувствовала на себе чужие взгляды. Боги, статуи которых располагались по разные стороны пещеры, наблюдали за мной.

Суровый отец с огромной секирой, нежная Мать с распущенными волосами и длинной жемчужной нитью на груди, хитрый Сын — плут и насмешник, вершитель судеб и наше проклятье.

Леонард шел мне навстречу и наши пути соединились, как и ручейки, направляющие нас. На нём тоже была ритуальная одежда: не по размерам широкая и свободная белая рубашка, подпоясанная ремнём, тёмные штаны и растрёпанные волосы.

Его взгляд я тоже чувствовала, но глаз не поднимала, молча подавая ему руку.

Так не говоря ни слова, держась за руки, мы подошли к огромному дереву, в подножье которого стоял алтарь из серого камня с белыми крапинками и черно-зелёными прожилками, украшенный выбитыми письменами. На нём стояла золотая чаша с водой, круглый ароматный каравай и белоснежная лента, именно от неё я не могла отвести взгляда.

Дерево, под которым мы стояли, тоже было необычным. Два тонких ствола переплетались между собой, как тела влюблённых, а между ними был один единственный совсем небольшой просвет. Именно через него, с помощью зеркал на наши руки должен был упасть первый лучик рассветного солнца.

— Айола Элис Белфор и Леонард Маркус Торнтон, — произнёс жрец в алой тунике. — Два создания света, два отрока, решившиеся на самый важный шаг в жизни. Шаг в будущее. Светлое и общее.

Старец поднял руки над головой и стал нараспев читать молитву на древнем языке, которая эхом проносилась по пещере.

Леонард осторожно сжал мою ладошку, и я передёрнула плечом, чувствуя непонятное волнение. Ощущение, что за нами подсматривают, не проходило.

«Неужели Боги тут? Но почему? Это рядовой брак, в котором нет ни капли любви, лишь голый расчёт и ничего больше. Благословение мы никак не могли получить...»

— Успокойся, — шепнул почти муж, заметив моё замешательство.

Кивнула и попыталась сосредоточиться на словах жреца, венчающего нас.

— Уже скоро рассвет, — произнёс старец, опуская руки и осматривая нас нечеловеческим взглядом ярко-голубых глаз. — Рассвет вашей новой жизни, дети мои.

Лео сильнее сжал мою руку и потянул к алтарю, надо было подойти ближе, подставить наши запястья, чтобы их соединили навек, но я не могла.

Голова гудела от насмешливого голоса Сына.

«Уверена, что готова?...»

«Сделай шаг, девочка», — шептала Мать.

«Доверься ему», — требовал Отец.

Не может этого быть... не может.

— Айола? — подал голос Леонард, и я растерянно огляделась, прижимая другую руку к груди.

Как же так? Может игра расшалившегося воображения?

— Айола? — уже требовательнее позвал меня жених и я впервые взглянула на него.

— Что-то не так, дитя? — встревожился жрец.

Взгляд Торнтон заворачивал, притягивал и тревожил и без того испуганное сердечко.

— Нет, — я мотнула головой и сделала последний шаг, позволяя связать руки.

— Будь опорой мужу своему, — произнёс старец, касаясь моего лба большим пальцем. — Сохрани очаг в тепле, подари детей крепких и сильных. — Затем повернулся к Леонарду. — Будь силой, защитой и стеной для жены и детей своих. Оберегай от всех напастей. И храните верность друг другу, дети. В этом ваша сила и мощь. Вас и ваших потомков.

— Да, Великие, — одновременно произнесли мы, зная, что устами жреца с нами сейчас говорят Боги.

— Разделите эту пищу между собой, как разделите жизнь свою. Чтобы она была полной чашей и сытным достатком.

Старец взял в руки кубок и первым протянул его Леонарду — как мужчине и главе нашего дома.

— Пей, сын мой.

Затем подал мне.

— А теперь ты, дочь моя.

Это была вода, но какой сладкой она мне сейчас показалась. Словно и не вода вовсе, а сладкий нектар.

— Теперь хлеб. Кормите друг друга, дети.

Мы в точности выполнили его распоряжения. Каравай был вкусным, тесто буквально таяло во рту, не вызывая жажды, как бывает с обычным хлебом.

— Помните о своих клятвах. Помните о том, кто вы друг для друга, — с улыбкой произнёс жрец, оглядывая нас. — Да свершится магия Богов!

Тонкий, совсем слабенький оранжевый лучик упал на наши соединенные запястья, польхнул красным огоньком, заставляя задержать дыхание, и засиял ещё ярче и еще. Мне казалось, еще немного, и я просто ослепну от этой красоты. Солнечный луч не может быть таким ярким. Но он горел, окружая наши руки волшебным светом.

— И пусть любовь живёт в ваших сердцах вечно. Боги скрепили союз, вам в нём жить. Сын мой, можешь поцеловать жену свою.

Леонарда не пришлось дважды просить.

Разворот и лента натянулась на наших запястьях, когда он прижал меня к себе другой рукой и поцеловал, жадно припав ко рту. Никаких условностей, стеснений и прочего.

Я была его женой, и он имел право.

Моя. Печать на губах и на сердце.

А в ушах продолжал звучать смех Сына, как проклятье.

Он не давал мне покоя до самой ночи. Хотя, нет, вру, в экипаже на пятнадцать минут я забыла об этом смехе. Но там я вообще забыла обо всём.

— Надень на голову капюшон, — велел Леонард, когда мы шли ко входу.

— Зачем? — нахмурилась я, едва за ним поспевая.

— На улице толпа газетчиков и зевак, — пояснил мужчина, не останавливаясь.

— Как? — я замерла, со страхом смотря на закрытые двери.

— Ты теперь графиня, — пояснил он. — Они жаждут увидеть тебя... нас.

— Я не хочу, — прошептала в ответ и замотала головой, еще не готовая к такому представлению.

— Знаю, поэтому надевай капюшон, прячь лицо и следуй за мной. Экипаж ждёт во дворе, к нему никого не пускают, так что успеем проскочить.

— А тётя Полин?

— Её проведут. Не переживай. Ты идёшь? — мужчина взглянул на меня, ожидая ответа и я нерешительно кивнула, протягивая руку, которая всё равно слегка дрожала от волнения.

— Иду, — набрасывая капюшон плаща, ответила ему и склонила голову.

Внутри храма было тихо и прохладно, но стоило нам только выйти на улицу, как на нас обрушился свет и людские крики. Я почти ничего не могла разобрать среди этого непрерывного гомона.

— Голову не поднимай, — донесся до меня голос мужа, я согласно кивнула, рассматривая ступеньки под ногами и молясь Богам, чтобы не поскользнуться и не упасть.

А ноги, как назло, ослабли.

Не знаю, как Леонард понял моё состояние, но внезапно мужчина отпустил руку и подхватил на руки.

— Ох, — только успела выдохнуть я, поддерживая капюшон, который так и норовил соскочить.

— Держись крепче.

И я послушно обхватила его шею, задержав дыхание от нечаянной близости и аромата мужа. Муж? Великие, как привыкнуть к этому слову и к этому холодному мужчине, с которым мы теперь были связаны клятвой.

Гул становился всё громче, кажется, можно было разобрать отдельные выкрики, но так не хотелось, и я зажмурилась, пытаюсь отрешиться от всего.

Совсем немного и спасительная темнота кареты. Лео усадил меня на сидение и тут же захлопнул дверь, закрыл замок и задёрнул занавески, погружая нас в сумрак.

— Надо же сколько, — с раздражением произнёс граф, присаживаясь рядом.

— Наша свадьба наделала много шума, — расстёгивая плащ, ответила ему.

В карете было очень жарко и душно и близость мужа совершенно не способствовала общему спокойствию.

— Слишком много, — ответил Торнтон, пододвигаясь ближе и хватая меня за подбородок. — Ничего не хочешь мне рассказать?

— О чём?

— Об отсутствии у тебя на лице рисунка невесты, о том, как чуть не сбежала, отказавшись повязать ленту, — мне не нужен был свет, чтобы понять, что Лео зол, достаточно было услышать металлические нотки в его голосе.

— Рисунок есть, а я не сбежала, а просто, — и запнулась, не зная, как рассказать о своих страхах и сомнениях, которые сейчас казались глупыми.

Карета тем временем тронулась с места и начала свой путь. Голоса становились всё громче и требовательнее. Кажется пару раз в карету кто-то стукнул.

— Что? Решила пойти на попятную?

— Ты же знаешь, что это не так, — вспыхнула в ответ и попыталась отодвинуться, слишком близко он был, слишком сильно давил на меня. — Я дала слово и не отступлюсь.

— Слово? Только слово...

— Ты ничего не слышал? — быстро спросила я, решившись.

Мне всё-таки удалось переключить его внимание.

— Где?

— Во время церемонии. Мне кажется, я слышала голоса... Богов.

Несколько мгновений тишины и его осторожный вопрос:

— Что же они сказали тебе?

— Сын смеялся, велел идти к тебе, и Мать с Отцом тоже... просили довериться.

— И чего ты тогда испугалась?

— Они не должны были приходить. Не к нам.

Снова молчание, на этот раз тяжелое, давящее.

— А чем мы хуже других?

— Ты и сам знаешь, — устало ответила ему и отвернулась. Чувство неловкости только усилилось.

Но мужчина отказался отступить просто так.

— Где он?

— Кто? — несколько раздраженно ответила ему, устав играть в эту игру — угадай, что именно я имею в виду.

— Твой рисунок? Где он?

Торнтон снова был рядом, дыша мне в затылок.

— На шее, плечах, — отозвалась я, осторожно касаясь кожи.

Мою руку поймали и властно отодвинули в сторону.

— Хочу посмотреть.

Я не сразу поняла, что именно мужчина хочет, а потом покраснела.

— Ты с ума сошел.

— Почему? — его руки уже путешествовали по моему телу, напоминая, что кроме плащика и тонкого платья на мне ничего нет.

— Хотя бы потому, что здесь темно, — прохрипела в ответ, ощущая, как горячие ладони накрыли мою грудь и слегка сжали мягкие полушария. — Лео...

— Мне нравится, когда ты так произносишь моё имя.

— Так нельзя...

Губы покрывали быстрыми поцелуями обнаженную шею, заставляя трепетать всем

телом.

— Можно. Ты моя жена.

— Но... мы же скоро приедем, — собрав остатки разума, ответила ему.

Остановился всего на мгновение и невинно уточнил:

— Два круга вокруг парка?

— Не смей. Это неприлично.

— В бездну приличия, Айола. Я скучал.

Поцелуй обещания, запретной страсти, огня и безумия, я растворилась в нём, подаваясь мужчине навстречу, зарываясь пальцами в его волосы и позволяя залезть себе по юбку, коснуться обнаженного бедра.

— Айола...

Я пробралась ему под рубаху, сумев каким-то чудом расстегнуть тяжелый ремень, коснулась гладкой кожи, которая дрогнула под моими руками.

— Бездна... хочу тебя, сейчас, — прорычал мужчина, рванув платье вниз, которое жалобно затрещало, застонало в его руках, разрываясь на части и освобождая грудь.

— Нет... увидят... не надо, — шептали губы, а тело горело от желания оказаться ближе.

Обжигающая ладонь сжала грудь, заставив меня громко охнуть и выгнуться. Но мужчина не спешил продолжать, прижался лбом к моему лбу, тяжело дыша.

— Что ты со мной делаешь? — простонал муж едва слышно.

«А ты со мной? Неужели не видишь, как я схожу с ума от одного твоего прикосновения и пытаюсь корить себя. Пытаюсь и не могу. Ведь это не должно было быть так... не может быть таким ярким. Не так быстро. Сердце еще кровоточит после раны, нанесённой Иваром, а я уже задыхаюсь в твоих руках... кусая в кровь губы, взрываясь на сотни миллиардов искр...»

Но ничего этого я не смогла произнести в слух, поэтому осталось лишь молчать и дрожать. Но недолго.

— Лео, — испуганно прошептала я, чувствуя, как его рука снова дотронулась до бедра, медленно перемещаясь дальше, туда, где огнём горело желание.

— Тшшш...

— Ты... Боги, что ты... ох.

Хватило всего одного прикосновения, что бы я раскрылась ему навстречу, жалобно закрыла глаза и вцепилась ногтями в ворот рубашки.

— Ты скучала по мне? — Греховный шепот на самой грани сознания.

— Да-а-а...

— Я помогу освежить тебе воспоминания... немного... чуть-чуть... чтобы ты, как и я ждала нашей ночи. Сходила с ума от предвкушения.

Искры сверкали перед глазами, огонь желания клубком свернулся внизу живота, грозя в любой момент взорваться тысячей молний, а бедра сами собой двигались навстречу прикосновений его пальцев.

— Лео, — жалобно стонала я, забыв о том, что мы находимся в карете, что в любой момент она может остановиться, ставя нас в весьма неприличное положение.

Следующий вскрик мужчина поймал и заглушил своими губами, помогая сорваться с

пропасти и поймав обратно, крепко сжимая в объятьях, пока тело дрожало в сладких конвульсиях.

Всего пара минут на то, чтобы прийти в себя, поправить подол и запахнуть на груди плащ, пытаясь скрыть разорванный вырез платья. Всего пара минут на то, чтобы надеть на лицо маску и начать игру длинной в жизнь.

Она легко и просто вживается в роль графини, словно всегда была рождена для этого. Манеры, поведение и дежурная улыбка, которую Айола дарила гостям. Лишь для избранных её глаза светились искренним светом, который освещал всё вокруг.

На него она старалась не смотреть. Но иногда их взгляды встречались и весь мир замирал, застывая между ними.

Обещание, томление и яд, сжигающий изнутри.

Ему до одури хотелось увидеть её рисунок, но её новое официальное платье было закрытым и волосы спадали так низко, что рассмотреть что-либо было сложно, лишь пара тонких линий, которые уходили за ткань, терялись в волосах.

Он знал, что все шепчутся по поводу отсутствия традиционного рисунка на лице, но Торнтону было плевать. Проснулись дремавшие инстинкты и какая-то маниакальная радость, что их увидит только он. Этой ночью... совсем скоро.

Но время, проклятое время так медленно двигалось, до бесконечности увеличивая горящее желание.

Карабеска как приговор, на который он шел, как на плаху, и видел расплавленную зелень её желания в огромных глазах.

Держаться, дышать и снова держаться.

Потому что аромат её тела сводит с ума почище любого наркотика, а прикосновения к телу вызывают такую боль, что хочется рычать. Она тоже сдержанна, всё время опускает взгляд и кусает губы, на них совсем скоро не останется живого места.

Но Торнтон молчал. Они оба молчали, сосредоточившись на движениях, запрещая себе думать о большем, тренируя выдержку, которой так гордились когда-то.

Еще немного, еще чуть-чуть.

Музыка еще не успела закончиться, когда они синхронно шарахнулись друг от друга, пряча руки за спиной, встречаясь взглядом.

— Я провожу Айолу в вашу спальню, — сообщила Селина, оказываясь рядом и спасая их от позора.

Леонард потом долго смотрел девушкам вслед, мысленно отсчитывая все те пятнадцать минут, которые должен был оставаться с гостями и играть свою роль.

Может именно поэтому он и пропустил приход Армель.

Маркиза возникла перед ним в провокационном малиновом платье, с кривой усмешкой на пухлых губах и смертельным холодом в глазах.

— Позвольте поздравить вас, граф.

— Спасибо, — Элкиз слегка склонил голову, даже не пытаясь скрыть раздражение.

— Я буду ждать вашего возвращения.

— Напрасная трата времени.

— Я слишком хорошо тебя знаю. Пара недель, возможно месяц и она тебе наскучит. Слишком проста, слишком предсказуема. А ты любишь задачки посложнее.

— Учту.

Но Армель не спешила уходить, коснулась сложенным веером его руки и ядовито улыбнулась.

— Ты всё равно мой.

Сил оставаться уже не было, хотелось принять ванную, отмыться от этого блеска и мишуры, и только потом прийти к Айоле. Жаль, что душу нельзя так же легко отмыть.

... Она ждала его у кровати. Хрупкая фигурка в белом шёлке дорогой сорочки. У него перехватило дыхание, стоило лишь увидеть её.

Пара шагов и руки на её плечах. Она ждёт и верит.

Разворот спиной к нему и тонкая сорочка слетает с плеч, белым облаком опадая на пол.

Рисунок невесты, искусный необычный и лишь для его глаз. Мужчина осторожно проводит по нему пальцем, словно заново рисуя его на коже.

Айола сама развернулась к нему, сама положила ладонь на шею, притягивая к своим губам, затягивая в омут жгучего желания.

Теперь можно. Теперь имеет право...

---

*кильяр — священное вино, которое даётся новобрачным и прихожанам во время служб в храмах Великих.

Глава Тринадцатая. Новая роль

Мы уехали в Ванаторию через два дня. Теперь мой дом был в этой застенчивой, полной правил и условностей, стране, рядом с мужем, которого я так и не смогла понять. Страстный любовник ночами и холодный аристократ днём. Это сочетание смущало, тревожило и выбивало меня из равновесия.

Надо сказать, что в эти два дня в светлое время суток я его почти не видела, проводя его с Селиной и Делайн. Тётушка готовилась к свадьбе Элодии и ей было не до меня, а кухня просто избегала встреч, чему я была, несомненно, рада.

Но больше всего меня потрясло письмо от отца. Я долго читала его в наших покоях, вытирая поступающие слёзы. Он всегда был немногословен и сейчас письмо занимало всего полстраницы, но я вчитывалась в каждое слово, видела перед глазами его лицо и с трудом сдерживалась от нахлынувших эмоций.

Папа благословлял меня, жалел, что не сможет приехать на свадьбу, но обещал обязательно прибыть в гости и погостить подольше. В конце была приписка о том, что он рад, что так всё сложилось, и я осознала, что Ивар мне не пара.

«Хороший парень, но не твой...»

Конечно, отец думал, что я влюбилась в Торнтонна без памяти, наплевав на собственную помолвку и общественные устои. Другой причины папа просто не мог представить, прекрасно зная, что его дочь никогда не купится на деньги и титул.

Ох, папа, если бы ты знал, куда я ввязалась и выбраться уже не смогу. И вполне возможно, что уже не хочу.

— Первый месяц или около того нам придётся пожить в особняке моих родителей, — сообщил мне Леонард за день до нашего отъезда, пригласив к себе в кабинет. — Это не только дань древним традициям, мой дом, подаренный Гареттом Третьим год назад, еще не готов. Капитальный ремонт закончен, остался косметический. Если хочешь, можешь участвовать в выборе интерьера.

Я дрогнула, представив весь масштаб трагедии: обои, полная замена мебели, шторы, тюль, предметы интерьера и всё на мне.

— Полностью доверяю твоему вкусу, — поспешно ответила я, подходя к шкафу с книгами, трогая кожаные корешки, проводя пальцами по полкам.

— Это ведь будет и твой дом тоже.

— Понимаю. Но думаю, что здесь я тебе не помощник.

— Почему?

Леонард никак не желал отступить, выпытывая всё до конца, не оставляя между нами даже малейшей недоговорённости и двусмысленности. С одной стороны хорошо, но с другой... как же было сложно признаться в собственной безграмотности и некомпетентности. Конечно, в Академии нам преподавали уроки этикета и даже были дополнительные занятия по домоводству. Вот только я их не посещала, наивно предполагая, что они не понадобятся, а времени зря терять не хотелось.

— Ты с рождения обучался этому, а я просто северянка из далёкого Изгара, которая жила с отцом в небольшом домике. Поверь, мы совершенно не думали о дизайне и прочих радостях ремонта.

— Айола, — мягко, но требовательно прервал меня муж. — Кажется, ты еще до конца не поняла, кем теперь являешься для остальных.

— Твоя жена? — предположила я.

— Ты графиня, аристократка, которая не может ошибаться и никому не позволит унижить себя. Никогда. Когда мы приедем в Ванаторию, о нашем браке уже будет всем известно и даже больше. Слухи, домыслы, откровенная ложь.

— Я понимаю, — кивнула я, вспоминая Мергери.

Эта точно молчать не станет, во всех красках описывая моё моральное падение и соблазнение самого завидного жениха Ванагории.

— Не понимаешь, — покачал головой Леонард. — Мы будем выезжать в свет, ходить на балы, я представлю тебя королю. Закрыться и спрятаться от этого не получится. Мы с тобой публичные личности и должны поддерживать свой статус. Да, я буду стараться быть рядом и не давать этим акулам вонзить в тебя зубы, но ты сама понимаешь, что всегда делать это я не смогу.

— Знаю.

— Поэтому забудь о сомнениях, — он встал с кресла и подошёл ко мне, держа за плечи и заглядывая в глаза. — Ты графиня Элкиз. И интерьером особняка занимаюсь не я, а приглашённый мастер. По приезду в Ванагорию я распорядюсь, чтобы все вопросы она задавала тебе. Если что-то не понравится, вызовет отторжение, то ты откажешься, заставишь переделать. Обещаешь?

— Да, — кивнула в ответ, а в груди заныло сердце:

«Ещё одна твоя любовница?»

Я не имела право это спрашивать, не могла и не хотела знать, но, возникнув, мысль никак не хотела уходить и требовала ответа.

— Что-то не так?

Хватка стала сильнее, и я покачала головой, выбираясь из захвата и отступая в сторону.

— Нет, всё хорошо. Хорошо, ты совершенно прав. Я займусь интерьером твоего дома.

— Нашего, — поправил меня Леонард, странно блеснув глазами.

— Нашего дома, — тут же подтвредила я, улыбнувшись.

— Вряд ли кто-то тебе поверит, если ты даже себе боишься признаться в том, что мы муж и жена.

Я не стала с ним спорить.

— Мне просто надо время. Совсем немного. Не переживай, я не буду тебя позорить и за твоей спиной прятаться не стану.

— Я несколько в тебе не сомневаюсь. А теперь прости, у меня дела, — мужчина вернулся за стол и склонился над бумагами.

— Да, конечно, не буду мешать.

Я бросила на него всего один взгляд и вышла, отправившись на поиски подруги, которая как раз шла мне навстречу.

— Что-то случилось? — сразу спросила Селина, стоило ей только взглянуть на моё лицо.

А я еще думала, что умею скрывать истинные чувства и мысли.

— Леонард хочет, чтобы я занялась благоустройством... нашего дома, — ответила ей, когда мы сели на террасе в тени раскидистого дерева.

— Так это замечательно! Или ты боишься не справиться? Так я тебя уверяю, что всё получится. Вкус у тебя есть.

— Я не этого боюсь.

— А чего?

— Того, что ждёт меня там, — призналась я. — Здесь всё было как-то проще и легче, а в

Ванагории...

— Тот еще серпентарий, — поняла подруга. — Только переехав сюда, я поняла, как мне повезло. Ой, прости. Кажется я тебя не успокаиваю, а наоборот...

Я махнула рукой и улыбнулась.

— Всё нормально. Я и без этого хорошо помню, как они шушукались за моей спиной в тот первый приезд, как смеялись. Не думаю, что этот брак изменит отношение людей.

— Ошибаешься, перед тобой будут заискивать, лебезить и заглядывать в рот.

— Притворяться, — фыркнула в ответ. — Лгать, пускать пыль в глаза и точить ножи, чтобы воткнуть мне их в спину.

— Ты графиня.

— Но все они будут помнить о том, кем я была раньше.

— И пусть захлебнутся от зависти. Ты просто не реагируй, — ответила Селина и неожиданно хмыкнула. — Никогда не думала, что ты будешь бояться каких-то разряженных кукол. Обычно было с точностью до наоборот. Именно они боялись твоего острого язычка и смелости говорить правду прямо в лицо. Что изменилось, Айола?

— Я вышла замуж.

— И что?

— Надо играть роль, — вздохнув, пояснила я.

— Ерунда. Надо быть самой собой. Поверь мне, Лео именно этого от тебя и ждёт. А любые попытки стать кем-то... ты серьёзно собираешься ломать себя ради злобной аристократии? Поверь мне, они это не оценят.

— Это же надо так уметь, — улыбнулась я. — Всего пара слов и ты смогла до меня достучаться.

— Ради этого и нужны подруги. Тебе стало легче?

Я и не боялась, страх был в другом. В неизвестности и новой жизни, к которой не готовилась и не знала, как быть.

— Да, немного. А как же твои родители?

Селина задумалась.

— Матушка смирится, пошумит, поплачет, но скандал поднимать не будет и не станет обсуждать жизнь Лео со своими кумушками. Для неё положение превыше всего. Она скорее будет искать во всём плюсы. Это, конечно, не мешает ей наедине учить тебя жизни, читать лекции и морщиться от раздражения. Но не при чужих. А отец... — Красивое лицо герцогини омрачила тень. — Он не рискнёт пойти против Лео.

Селина вновь оказалась права. Чему, если честно, я не очень и удивилась.

Когда мы приехали в родовый замок Торнтонов, всё произошло в точности так, как она мне говорила. Никакой торжественной процессии, лишь гробовая тишина, кто-то даже велел задёрнуть шторы на окнах, погружая особняк в темноту и тоску. А вместо приветствия нового члена семьи родителями Торнтонна, нас встречала экономка.

— Добрый день, милорд, — искренне улыбнулась женщина, когда мы зашли в огромный холл.

В тот самый, в котором я когда-то танцевала, радуясь тому, что смогла избежать нежеланной поездки в гости. Не знаю, почему именно этот момент мне вспомнился, но я неожиданно смутилась.

— Миледи, добро пожаловать, — обратилась ко мне экономка и я неловко улыбнулась.

— Здравствуйте, госпожа Кроуст, — поздоровался с ней Леонард и осмотрелся, словно хотел ещё раз убедиться в том, что кроме прислуги нас никто не вышел встречать. — А где все?

— Леди Торнтон вот уже третьи сутки лежит у себя в покоях с жуткой мигренью и никуда не выходит. Отменила все поездки и встречи на неделю вперёд.

— Упивается своим трауром и несчастьем, — равнодушно отозвался Элкиз.

— Уже пять раз вызывали лекаря, — попыталась защитить хозяйку экономка, но вышло плохо.

Даже я не поверила в болезнь леди Торнтон, что уж говорить о Леонарде.

— Значит, мою просьбу она выполнять отказалась. Хорошо. А где лорд?

— У себя в кабинете.

— Предсказуемо. Айола, — супруг взглянул на меня, — дом тебе знаком, слуги тоже, так что за тебя я не беспокоюсь. Мне надо переговорить с родителями. Если хочешь, можешь отдохнуть в наших покоях после поездки.

— Спасибо, я подумаю.

— Я скоро приду, нам надо будет кое-что обсудить.

Кивнула головой, обдумывая, как поступить.

— Франк приготовил ваши любимые пирожные, — неожиданно вставила госпожа Кроуст, вновь привлекая к себе внимание.

— Пирожные? Мне?

Мы, конечно, подружились с поваром Торнтонов, но ведь с тех пор прошло пять лет. Неужели он до сих пор помнит мои любимые лакомства?

— Как узнал, что вы прибываете сегодня, так сразу решил сделать вам сюрприз.

— Он удался, — не смогла удержаться я от ответной улыбки.

Чувство неловкости постепенно уходило. Замок уже не казался таким тёмным и враждебным.

— Я же говорил, что о тебе тут есть кому позаботиться, — усмехнулся Леонард, слегка приобняв меня за плечи и шепнув на ушко едва слышно. — Всё будет хорошо. Я рядом и скоро вернусь.

— Я буду ждать, — ответила тихо.

Осторожно коснулась руки, которая всё ещё лежала на моём плече, провела по костяшкам его пальцев в мимолётной ласке и попыталась отстраниться, чувствуя, как вспыхнули щеки. Это прикосновение было незапланированным и неожиданным даже для меня. Забыла на мгновение, чувствуя поддержку, и отпустила чувства на волю.

Леонард ничего не сказал, лишь на мгновение сжал плечи и тут же отпустил.

— Я найду тебя. Госпожа Кроуст, вверяю графиню в ваши заботливые руки, — произнёс он, прежде чем удалиться.

Мне показалось или в его голосе явственно слышалось предупреждение?

— Миледи, — обратилась ко мне женщина. — Давайте я провожу вас в жёлтую гостиную. Её окна как раз выходят на террасу. Там очень солнечно и очень уютно. Леди Торнтон не любит эту комнату, но я думаю, что вам понравится. Вы отдохнёте, отведаете пирожных и дождётесь милорда. Если хотите, я провожу вас в покои, где вы можете переодеться.

Я осмотрела своё светло-бежевое платье, которое слегка измялось во время поездки,

немного запыхавшись, но совсем чуть-чуть. Переодеваться мне очень не хотелось, свекрови тут нет, так что изображать графиню не перед кем.

«Будь сама собой. Именно этого от тебя ждёт Леонард...»

А вдруг Селина и тут не ошиблась?

— Предложение очень заманчивое, но сначала я бы хотела поприветствовать Франка и отблагодарить его за гостеприимство.

Её глаза блеснули всего на секунду, но я успела заметить.

— Позвать его?

— Буду благодарна, если вы проводите меня на кухню.

— Вы уверены?

— Вполне.

Старый сангорианец совсем не изменился за эти годы. Всё такой же большой, улыбчивый и пахнувший ванилью и корицей.

— Графиня Элкиз, — пробасил он, склонив большую седую голову передо мной.

— Франк, — улыбнулась я, — госпожа Кроуст сообщила, что вы приготовили для меня пирожные.

— Совершенно верно.

— Я пришла сказать вам спасибо, — произнесла, чувствуя, как они смотрят на меня: поварята, кухарка и другие слуги. Они даже на время забыли о своих делах, наблюдая за ненормальной графиней, которая решила прийти на жаркую пропахшую сотней самых разных запахов кухню.

— Для меня честь служить вам.

— Еще раз спасибо. Госпожа Кроуст, вы не проводите меня в жёлтую гостиную? Я не помню, где она находится.

Комната действительно оказалась очень солнечной, уютной и совсем небольшой. Никакой тяжелой мебели, дорогих украшений и броских красок.

Пирожные были вкусными, морс прохладным, но я почти не притронулась к еде. Сначала ходила из одного угла в другой, затем взяла забытую кем-то книгу, но прочитать не смогла. Затем просто стояла у окна, рассматривая ухоженный парк.

О чём я думала? Да не о чем собственно. Мысли накатывали, возникали и исчезали так быстро, что я не успевала на них сосредоточиться.

В таком положении меня и нашёл Леонард.

— Не вкусно? — поинтересовался он, указав взглядом на почти нетронутые пирожные.

— Очень вкусно. Франк, как всегда, на высоте. Просто не хочется.

— Плохо себя чувствуешь? — спросил мужчина, проходя вперёд, а в руках нёс большую шкатулку.

— Нет. Что это?

— Драгоценности. Твои. Здесь небольшая часть, кое-что надо будет докупить.

— Зачем? — спросила я, наблюдая, как муж садится в кресло, ставит шкатулку на столик и открывает её, чтобы продемонстрировать содержание.

Блестящие драгоценные камни, золото, жемчуг, изумруды и сапфиры.

— Красиво.

— Посмотреть не хочешь?

— Я и так вижу, что красиво.

— Завтра утром приедет модистка. Надо будет полностью поменять твой гардероб. А в конце недели нас ждёт королевский бал, на котором мы должны присутствовать.

— Официальное представление?

— Совершенно верно.

— Хорошо, — я села на диван, протянула руку касаясь крупных розовых жемчужин, которые лежали сверху.

— Еще распорядился выделить тебе отдельный кабинет для работы.

Я едва не уронила ожерелье на стол и быстро положила его обратно в шкатулку.

— Работы? — переспросила у него, чувствуя непонятную неловкость.

— Ты же собиралась заниматься артефактами. Или я чего-то не знаю?

— Собиралась. Но не уверена, что у меня теперь будет время.

— Почему у тебя его может не быть?

— Новый гардероб, новая жизнь, балы, званые вечера и еще что-нибудь.

— Модистка лишь снимет с тебя мерки и обсудит гардероб. Работы на полдня. На балы и вечера мы будем ходить вместе. Еще остаются дневные посиделки и чаепития, но здесь всё по твоему личному желанию. Если не хочешь ходить, то не пойдешь. Особняком занимается мама, наш дом пока не готов. С мастером встретишься позже.

— Я смотрю, ты всё предусмотрел, — откидываясь на спинку дивана, заметила я.

— Это плохо?

— Нет.

Полностью в твоём стиле...

— Не хочешь объяснить, что тебя гложет?

— Твои родители отказались меня принять? — ответила я вопросом на вопрос.

Не то, чтобы меня это волновало или удивило, но отчего-то было неприятно.

— Их мнение меня не интересует...

— Значит, против, — усмехнулась я понимающе.

— Оно не должно интересовать и тебя, — спокойно продолжил мужчина.

— Почему?

— Потому что их будет крайне мало в нашей жизни. Я ответил на твой вопрос?

— Да.

Следующие три дня прошли крайне суматошно. Родителей мужа за это время я так и не увидела. Свёкр срочно уехал по делам в дальнее поместье, а свекровь всё еще болела, дважды в день вызывая лекаря. Леонарда я видела только за ужином и ночью в нашей спальне, всё остальное время он был чем-то сильно занят.

Поэтому мне пришлось развлекать себя самой. Например, просматривать почту, нам ежедневно поступало три десятка приглашений на балы, музыкальные вечера и так

далее. Или изучать модные журналы. С модисткой мы сняли мерки, обсудили ткани, цвета и фасоны (всё это время я отчаянно пыталась не думать, сколько это будет стоить и какова будет надбавка за срочность). Женщина оставила мне журнал, чтобы я выбрала себе еще парочку платьев на свой вкус.

Я много читала, гуляла в парке и едва не сходила с ума от скуки. Пару раз пробовала заняться артефактами, но не смогла. Работать не хотелось. Единственное, на что хватило сил — разобрать инструменты и материалы, разложить чертежи на столе и сбежать из кабинета как можно дальше. Позже. Всё позже.

А на исходе третьего дня слуги отвели меня на чердак, чтобы показать кое-что важное.

Франк и госпожа Кроуст.

Они пришли ко мне, неловко переглядываясь и не зная, как начать разговор и подобрать нужные слова.

— Что-то случилось? — откладывая в сторону книгу, спросила у них, чувствуя, как замерло в тревоге сердце.

— Мы хотим вам кое-что показать, — сообщила экономка.

— Мы узнали, что вы скоро собираетесь уехать в свой особняк, — продолжил повар.

— Не так скоро, работы по ремонту ещё ведутся, — пояснила я.

И мастера, которого нанял Леонард, еще не видела. Так много нужно сделать.

— В любом случае, мы должны вам это отдать.

— Отдать что? — еще больше удивилась я.

— Идёмте.

На чердаке было душно, пыльно и паутина висела клоками, которые противно касались кожи, запутывались в волосах. Я не боялась пауков, но чувствовать их на себе не хотелось. А как много здесь было вещей: старых, ненужных, всеми забытых. Затхлая, утратившая краски ткань, покосившаяся мебель.

Я шла за Франком, с интересом оглядываясь и обхватывая плечи руками.

— Еще немного, миледи.

— Почти пришли, — подтвердила госпожа Кроуст.

Они завели меня в самый дальний угол, туда, куда почти не попадал свет, я быстро создала огонёк, что повис над полом, тускло освещая всё вокруг.

— Вот, — торжественно сообщила женщина, наблюдая, как Франк достаёт из плотной портьеры небольшой деревянный сундучок.

— И что там? — совсем не аристократически почесав нос, который щекотало от пыли, спросила я, не решаясь подойти поближе.

Всё это было слишком странным и непонятным.

— А вы поглядите, — с улыбкой ответила женщина.

Они так на меня смотрели странно, что я почувствовала себя еще более неловко.

— Хорошо.

Платье и так запылилось, так что я просто присела на колени перед сундучком, осторожно открыла крышку и заглянула туда.

— Что это? — вновь прошептала едва слышно, не решаясь коснуться хранящихся там сокровищ.

— Игрушки, — ответил Франк.

Да, я видела, что это игрушки и, судя по всему, для мальчика. Небольшая деревянная сабля с крохотными трещинами и царапинами. Её явно не жалели, когда играли в рыцаря. А вот кстати и сам рыцарь, в доспехах. Краска уже стёрлась, но он всё еще был целым и довольно симпатичным.

Я доставала одну игрушку за другой, проводила по ней пальцами, изучала и не могла не улыбаться.

Деревянный крылатый змей, мастерски выполненный: с каждой прорезанной чешуйкой, которые до сих пор не утратили яркого зелёного цвета; с искусно вырезанными перьями, которые выглядели как живые; оскаленной злобной пастью, полной зубов.

Верная лошадка для героя, состоящая из небольшой палки и морды коня. Остальное должно было дорисовать богатое воображение ребёнка.

Лодка с шелковыми парусами ярко-красного цвета, на белой корме которой корявыми черными буквами кем-то было выведено название: «Быстрый».

Звериный клык на верёвочке, который, наверняка, был охотничьим трофеем и бережно хранился маленьким хозяином.

— Это игрушки моего мужа? — спросила я, осторожно складывая всё назад.

— Да. Это игрушки лорда Леонарда, — подтвердила экономка.

Всё это время они стояли надо мной, наблюдая и сохраняя молчание, которое несмотря на обстановку не казалось гнетущим или неловким.

Франк добавил едва слышно, со скрытым гневом и болью в голосе:

— Были ими до достижения милордом пяти лет.

— Что же случилось потом? — я вновь принялась рассматривать рыцаря, поднимала и опускала забрало его шлема, изучала нарисованное лицо.

— А потом воспитанием сына занялся лорд Торнтон. Игрушки были отобраны. Лорд велел нам уничтожить их, но мы не решились, — тихо ответила госпожа Кроуст. — Спрятали только. Думали, может пройдет время, отец успокоится, и мы вручим их назад молодому наследнику. Да куда там.

— Его просто лишили детства. В один день. Отняли игрушки, запретили гулять и играть. Началась одна сплошная муштра и обучение. За любое неповиновение лорд лично высекал мальчика розгами и запирали в подвале, — продолжил мужчина.

— Лорд Леонард так отчаянно сопротивлялся. Первые полгода. Весь синий ходил от побоев, похудел так, что одни косточки остались. Лорд Торнтон запрещал его кормить за непослушание, держа на хлебе и воде.

— Но как же его жена? — сглотнув, подступивший ком, спросила я. — Как она могла допустить такое издевательство над собственным ребёнком?

— Ей было всё равно, да и занята была миледи, ребёнка ждала. Целыми днями лежала в постели и тяжело вздыхала. Только о себе и думала.

— А мальчик остался один на один с извергом и садистом, — горестно покачал головой Франк. — Если бы его видели тогда, леди Айола. Такой солнечный ребёнок был, улыбался, играл. А как смеялся... Ничего не осталось.

— Осталось, — поправила его экономка и осторожно коснулась руки мужчины. — Простите нас, но мы до сих пор с болью вспоминаем те годы, а сделать ничего было нельзя. Лорд Торнтон так решил. За любое неповиновение и помощь лорду Леонарду, даже кусочек хлеба, выгоняли, лишали рекомендаций. И мы молчали. Смотрели и молчали. Но не вышло вытравить из мальчика человеческое, не вышло.

Я с трудом заставила себя положить рыцаря в сундук. Меня буквально трясло от боли и

ужаса. Перед глазами возник хорошенький русоволосый мальчишка, которого предал весь мир и родители.

Хриплый вздох и мокрые щеки. Я и не заметила, как слёзы потекли из глаз.

— Лорд Леонард хороший и человеческое ему не чуждо, — согласился Франк. — Как бы его отец ни старался, чувства живы.

— Когда леди Селине исполнилось пять, лорд Торнтон тоже решил провести с ней ту же программу обучения, — неожиданно заявила женщина и я едва смогла сдержать крик.

— Селина?

Весёлая, обаятельная, с лучистыми синими глазами.

— Он как узнал, что отец задумал сотворить такое с девочкой, как с цепи сорвался, — подтвердил повар. — Всегда такой строгий, серьёзный, не улыбался никогда. А тут вдруг начал дерзить, ругаться, не слушаться.

— Внимание переключил. Ох, миледи, я помню его кровавую ухмылку и ненависть в глазах, которыми смотрел на отца, когда тот вновь его избил. Худенький совсем, десятилетний, а такой стойкий.

— Но ведь получилось. Только лорд Торнтон думал взяться за воспитание дочери, как он тут же становился между ними.

— Спас девочку от той участи, которая досталась ему. Потом леди Селина уехала в пансион и стало легче, — вытирая передником выступившие слёзы, произнесла экономка. — Если бы знали, как мы рады, что вы стали его женой.

— Лишь вы сможете вернуть лорда Леонарда. Что бы он ни говорил, он умеет чувствовать и любить.

— С вашей помощью он оживёт и будет счастлив.

Я даже не знала, что сказать, лишь осторожно закрыла сундучок и стёрла пыль с крышки.

— Я могу взять это себе?

— Да, конечно. Мы для этого и привели вас сюда, — закивала пожилая женщина.

— Спасибо, — быстро стерев слёзы, я поднялась с колен и обратилась к повару. — Вы не можете отнести его в спальню?

— Да, миледи. Простите, что расстроили вас. Но думаем, вы должны были знать.

— Да, должна. Спасибо.

«Ох, Леонард, как же всё запуталось. Какой же ты на самом деле? Что скрывается за твоей маской холодного аристократа? И возможно мне было бы легче, если бы ты был таким, как кажешься...»

— Как прошел день? — граф Элкиз вошел в покои и развязал шейный платок, чувствуя, как болят затёкшие плечи.

Работа отнимала очень много времени. Может это и хорошо. Они стали слишком близки с Айолой. А этого допускать нельзя. Просто жена и всё, ничего большего.

— Хорошо, — молодая женщина сидела у зеркала, медленно водя расчёской по светлым волосам. — А у тебя?

— Неплохо, — он бросил пиджак и подошёл к жене, властно обнимая за плечи, ловя её лучистый, открытый взгляд в отражении зеркала.

— У меня для тебя кое-что есть, — произнесла она, положив расческу и встав.

Ему было не до подарка и, если честно, всё равно. Граф Элкиз мог купить себе всё сам. Нужна была лишь она.

Тонкая сорочка не скрывала соблазнительного тела, от взгляда на которое у него перехватывало дыхание. Интересно, это когда-нибудь закончится? Это жуткое первобытное желание обладать, трогать, ласкать?

— Держи, — жена протянула ему какую-то деревянную игрушку и замерла, ожидая реакции.

— Это что? — удивлённо переспросил он, изучая рыцаря.

Воспоминания пришли не сразу. Понадобилась пара секунд, чтобы узнать старого и верного Геральда, которого он похоронил двадцать пять лет назад.

— Откуда это у тебя?

Голос всё-таки дрогнул. Было так больно, что хотелось отбросить игрушку в сторону, но он сдержался, еще сильнее сжимая её в руке.

— Слуги сохранили. Как и другие твои игрушки. Они все здесь в сундучке. Я знаю, ты думал, что их уничтожили...

— Зачем ты его сюда принесла? — перебил её Элкиз. — Я уже вырос из того возраста, чтобы играть в игрушки.

Вздрыгнула, но не отступилась.

— Не знаю. Думала, тебе будет интересно.

— Пожалуй, любопытно. Что-то еще? — возвращая ей игрушку, спросил мужчина.

— Нет, — несколько разочаровано произнесла Айола и внезапно спохватилась. — То есть, да. Скажи, это будет слишком плохо, если мы уведём пару слуг у твоих родителей? Нам ведь всё равно придётся нанимать.

— Ты этого хочешь?

— Да.

— А что мне за это будет? — неожиданно хрипло спросил Леонард, зачарованно наблюдая, как расширились зрачки её глаз и как она шумно перевела дыхание, облизывая пересохшие губы.

— А что ты хочешь?

— Тебя, — произнёс он и потянулся к её губам.

Всю и без остатка.

Глава Четырнадцатая. На балу

День Икс, он же бал, на котором меня должны были представить королю Ванагории Гаретту Третьему, неумолимо приближался.

Я нервничала. Лео всё больше замыкался в себе. А отношения между нами с той самой ночи, когда я вернула ему детские игрушки, стали еще более напряженными. Хотя ведь должно было быть с точностью до наоборот. Нет, я не ждала от него громких заявлений и признаний в любви (ведь сама еще не разобралась в своих чувствах), но это неожиданное отторжение оптимизма не внушало.

Днём холодный и неприступный с вечно поджатыми губами, ночью — обжигающе-нежный любовник, который знал каждую клеточку моего тела, поднимал до самых звёзд и ловил, не давая разбиться о грешную землю. И чем больше он отдалялся в светлое время суток, тем темпераментнее был по ночам. Этот контраст стал совсем невыносимым.

Я уже не знала, как подойти и как подстроиться под изменчивого супруга. И лишь волнение от встречи с королём — а это было моё первое близкое знакомство с венценосной особой — заглушало непонятную тоску по мужу.

На самом деле всё прошло крайне скучно, если уж быть до конца честной. Не знаю, чего именно ждала, но по факту моё представление королю заняло не больше минуты, в течение которой я ничего толком не успела увидеть или рассмотреть, разве что бриллиантовые брошки на его шелковых туфлях.

Этот день должен был стать моим триумфом и выглядела я соответственно.

Модистка постаралась на славу, создав платье мечты, которое отлично подчёркивало фигуру, делая талию еще тоньше, грудь выше и открывая обнаженные плечи. Яркий шелк насыщенного аквамаринового цвета красиво переливался и в зависимости от освещения менял свой цвет, становясь то голубым, то зелёным, то бирюзовым. Широкая пышная юбка не мешала движениям, корсет не сковывал и давал нормально дышать. Просто не платье, а произведение искусства, которое к тому же было очень удобным и комфортным.

Шею украшало красивое кольцо из сверкающих бриллиантов и белого золота. В комплект ему были серьги, которые оттягивали мочки ушей.

Волосы собрали в затейливую причёску, ради которой я час просидела перед зеркалом, практически не двигаясь. Прясть красивой волной падала на оголённое плечо. Украшал причёску гребень, инкрустированный незабудками из драгоценных металлов. Не знаю, откуда Леонард узнал о том, что это мои любимые цветы. А спрашивать не стала, всё равно это не имело смысла. Узнал и узнал.

На Лео был серый камзол, тёмно-зелёная жилетка и белоснежная рубашка. Галстук украшала брошка из бриллиантов и аквамарин. А в руке трость с тяжелым набалдашником.

— Снова ноги? — тихо спросила я, когда мы сели в карету, взглядом указывая на аксессуар.

— Пока нет. Но бал будет длинный, плюс ко всему танцы. Лучше взять её с собой. В конце концов, она придаёт мне солидности.

— Ты очень солидно выглядишь, — улыбнулась я и нервно повела плечами, когда из открытого окна в карету залетел прохладный ветерок.

— Волнуешься? — сразу догадался муж.

— Немного. Первый бал в качестве графини.

Лео поймал мою левую руку и нежно поцеловал в ладошку, лаская большим пальцем запястье.

— Сегодня ты затмишь всех.

— Ты думаешь?

— Уверен. Ты великолепно выглядишь.

— Неужели комплимент? — усмехнулась я, неожиданно поняв, что впервые флиртую с мужем и еще сильнее сжала кружевной веер в другой руке.

Ответит или нет? И как ответит? Поддержит ли мою робкую игру или отшвырнёт назад одним только взглядом? Замкнётся, скроется от меня за ледяной маской аристократа?

— А разве я не сказал тебе о том, как ты красива сегодня? — мягко улыбнулся он в ответ.

— Только сегодня? — прошептала я, зачаровано наблюдая, как мужчина вновь поднёс мою руку к своим губам, как осторожно коснулся сначала одного пальчика потом другого, затем третьего и так по очереди.

— Всегда. Но сегодня, — говорил Леонард в перерывах между поцелуями, — ты особенно красива. Боюсь, мне придётся весь вечер отгонять от тебя поклонников.

Снова бал и напоминание о той роли, что придётся играть.

Я непроизвольно сжала его руку и тихо вздохнула.

— Всё будет хорошо?

— Всё будет хорошо.

Прибыв к королевскому дворцу, что сверкал сотней ярких огней, из открытых окон которого доносилась музыка и людской говор, мы вышли из кареты и вошли внутрь после того, как слуга объявил о нашем приходе. И естественно тут же стали центром всеобщего очень пристального и раздражающего внимания.

— Какой кошмар, — выдохнула я едва слышно и крепко вцепилась в локоть супруга, пытаюсь сохранить на лице маску добропорядочной графини и не сорваться на истеричное хихиканье, которое уже щекотало горло.

— Спокойнее, — шепнул Лео мне на ушко. — Всё хорошо. Пойдём, я представлю тебя своим друзьям.

— У тебя есть друзья? — не смогла удержаться я от вопроса.

— Знакомые, — поправился тот совершенно невозмутимо.

— Веди.

Следующие полчаса я дежурно улыбалась и пыталась запомнить три десятка новых имён, титулов и лиц. Каждый жаждал со мной познакомиться и наговорить кучу неискренних комплиментов. Приглашения на чай, бал и светские рауты сыпались как из рога изобилия. От фальшивых улыбок разболелась голова и очень хотелось выйти на свежий воздух.

И как раз в этот момент объявили о приходе королевской четы, после которого началось моё официальное представление двору.

— Мои поздравления со свадьбой, граф, — произнёс Гаретт Третий, пока я, согнувшись в реверансе, изучала его туфли. — Красивая девушка, она станет украшением нашего двора. Теперь я могу понять и простить вашу поспешность.

— Благодарю, мой король. Ваше мнение очень важно для меня, — вежливо ответил Торнтон.

— Она мне нравится, — вынес вердикт король и я едва не упала от перенапряжения. — Но мне бы хотелось посмотреть на вас со стороны. Музыка! А вы танцуйте, танцуйте! Торнтон, потом не забудь ко мне подойти, надо кое-что обсудить.

— Да, конечно, ваше высочество.

Лео взял меня за локоть и повёл на середину зала под шепотки гостей и их завистливые взгляды.

— Разве это по правилам? — встревоженно спросила я, кладя ему руку на плечо.

— Король хочет, король получает. Ему можно всё.

И мы были вынуждены одни единственные танцевать на потеху монарха и публики.

— Чувствую себя как в мышеловке.

— Расслабься и улыбайся. Это всех очень раздражает.

— Как умно, — фыркнула я в ответ, стараясь не смотреть по сторонам и сосредоточиться лишь на танце и на мужчине, который обнимал меня и прижимал к себе.

Наверное, я немного перестаралась, потому что дыхание неожиданно сбилось и стало жарко. И Леонард это сразу же заметил, как и мой смущенный взгляд, который я поспешно отвела от его губ.

— Я многое бы отдал, чтобы узнать, о чем ты думаешь, Айола.

— Прекрати.

— Я тебя смущаю? — он придвинулся еще ближе, слишком сильно и не позволительно даже для мужа и жены.

— Да.

— Ты меня заинтриговала.

Как только танец закончился, Леонард повёл меня не к королю, как я думала, а к столику с пуншем и лимонадом. За что я была ему очень благодарна.

— Айола, дорогая, — пропела Мергери, тут же появляясь рядом. — Как же я рада тебя снова видеть.

То-то я смотрю её так перекосило. Точно от счастья.

— Дорогая, я оставляю вас на пару минут, — произнёс Лео. — Мне надо обсудить кое-что важное с королём. Ты же понимаешь.

— Да, конечно.

Мергери подошла еще ближе и взяла со стола бокал с пуншем.

— Хорошо это?

— Что именно? — раскрывая веер и обмахиваясь, спросила я.

— Иметь мужа, который так легко и просто может общаться с королём.

Кто о чём, а Мергери о положении и статусе. Будучи дочерью мелкого барона с юга Ванатории, она так отчаянно стремилась получить более высокий титул, что готова была идти по головам. Я удивилась, увидев её здесь, ведь это был более высокий уровень. Даже интересно, каким образом девушке удалось сюда пробраться.

— Не знаю. Меня интересуют другие качества моего супруга.

Я думала в этот момент о душе, а она явно о чём-то другом.

— Ну, конечно, — наигранно весело рассмеялась она. — Об этих качествах графа такие слухи ходят по столице. Он и правда так хорош, как о нём говорят?

— Ты думаешь, я буду это с тобой обсуждать? — резко ответила ей.

— Графиня Элкиз изволит сердиться? Раньше ты не была такой.

— Все меняются. А ты вот осталась такой же, — я с щелчком закрыла веер и принялась похлопывать им по раскрытой ладони.

— Все в столице ждут, когда ты устроишь грандиозный бал в честь вашей свадьбы, — продолжила Мергери.

— Придётся еще подождать. Наш особняк не готов к приёмам, а пользоваться именем Торнтонов мы не хотим.

— Говорят, леди Торнтон уже неделю не выходит из своих покоев.

Надо же как быстро распространяются слухи. Не светское общество, а одна большая деревня, полная кумушек, жаждущих слухов и скандалов.

— Мигрень, — спокойно ответила ей.

— Как несвоевременно. Как раз совпало с вашей свадьбой.

— Ты на что-то намекаешь? — устав играть в эти игры, прямо спросила у неё.

— Разве? Тебе показалось.

— Отлично. Была рада тебя видеть. Мне пора.

— Но как же...

— Всего доброго!

И сбежала.

Только куда идти? Леонард всё еще общался с королём. После заключения знакового мирного договора между Ванагорией и Сангориа работы у него только прибавилось.

Кругом незнакомые лица, есть парочка относительно знакомых, ведь нас представляли друг другу всего час назад. Но подходить к ним я не стала. Хватит с меня Мергери.

Недолго думая свернула в сторону, где была дверь, ведущая на балкон, и вышла на свежий воздух. Не спеша подошла к перилам и оперлась на них руками, всматриваясь в черноту королевского парка, расположившегося подо мной.

Как же хорошо.

Но моё уединение тут же было потревожено новым гостем, который поспешил за мной на балкон.

— Айола? Ты ли это?

Я резко обернулась и тихо выдохнула, не в силах сдержать радостную улыбку:

— Эйдан!

Синхронный шаг навстречу и улыбка на губах — радостная, искренняя и тёплая. Застыть, рассматривая друг друга и не узнавая. Мы оба так неумолимо изменились за этот год и скорее всего не в лучшую сторону. Эйдан так точно.

Виконт побелел, похудел и осунулся. Тёмные тени залегли под глазами, что совсем потухли и утратили жизнь, делая некогда красивого и статного мужчину гораздо старше своего истинного возраста.

— Здравствуй, — я первая протянула ему руки.

— Здравствуй, Айола, — виконт Санроу взял их и осторожно сжал, приветствуя меня. — Как же я рад тебя видеть.

— Я тоже очень рада.

— Ты изменилась.

Да, больше нет той веселой девчонки в академической юбке и блузке, с растрёпанными волосами и восторженным взглядом наивных глаз. Перед ним была графиня — утончённая, разодетая в дорогие шелка и сверкающие бриллианты.

— Ты тоже. Так похудел. Я с трудом тебя узнаю.

— Как и я тебя. Когда же мы встречались в последний раз? — спросил он, отпуская мои ладони.

— Больше года назад. Во время выпускного в Академии, ты тогда приезжал и подарил мне букет невероятно красивых лилий.

«Ещё будучи женихом Селины...»

Эта невысказанная фраза застыла между нами, стирая улыбки на лицах, возвращая в настоящее, полное горьких потерь и одиночества. Мы оба многое потеряли. Только я научилась жить дальше, переступила через боль. А Эйдан отказался забывать, взращивая тоску потери до предела.

— Прости, — отступая на шаг, произнесла я. — Мне так жаль.

— Расскажи мне о ней, — вдруг взмолился Эйдан. — Мергери почти ничего не сказала, отделалась пустыми фразами. Но ты же до сих пор общаешься с Селиной. Вы же лучшие подруги и теперь ты жена её брата. Расскажи.

Мергери? Шуэстра подружка. Виконт освободился, и она тут же подставила своё плечо, надеясь добраться до сердца. Теперь понятно, как она оказалась здесь, и кто достал заветный пригласительный.

— У неё всё хорошо, — ответила я, отступая к перилам.

Смотреть в глаза Эйдану и честно рассказывать ему о том, как счастлива подруга, я не могла. Это же так мучительно больно.

— Хорошо? — переспросил он и я отчётливо услышала в его голосе боль утраты.

«Счастлива. Любит и любима. И это не игра и притворство. Если бы ты видел, как они с Дерекком смотрят друг на друга, как горят их глаза. Такое нельзя подделать. Вот только я никогда не скажу этого тебе вслух. Остановись! Не мучь себя и меня. Ведь ни к чему хорошему этот разговор не приведёт».

— Не вспоминает обо мне?

— Ты очень дорог Селине, — дипломатично ушла я от ответа.

Но Эйдан всё понял и так.

— Дорог... Как друг, не так ли? Ты же понимаешь, что мне это не нужно? Что я не этого хочу! — он мотнул головой и с силой сжал кулаки. — Я не могу её забыть, Айола. Никак не могу.

— Мне жаль.

Это единственное, что я могла сказать Санроу сейчас. Мне жаль, что ему больно, но не жаль, что так всё произошло. Селина счастлива, по-настоящему и другой участи я ей не желала.

Я знала Эйдана более четырёх лет. Видела, как он мягко и осторожно возвращал Селину к жизни после перенесённого предательства. Как добивался взаимности и готов был достать ради неё звезду с неба. Можно о многом говорить, многое обсуждать, но я точно знала, что если бы не его помощь, никогда бы не вытащила подругу из того кокона, в который она себя посадила. Слишком глубока была рана.

Жаль только, что полюбить его Селина так и не смогла. Точнее полюбила, но как друга и помощника.

Следующий вопрос заставил меня вздрогнуть и отвернуться к парку, цепляясь за каменные перила и мечтая оказаться как можно дальше от него.

— Селина действительно беременна?

— Эйдан, — беспомощно прошептала я, кусая губы. — Остановись. Не надо об этом спрашивать.

— Беременна?

— Да.

— Просто большая счастливая семья! Ведь я был готов ради неё на всё. Пошёл против матери, простил брак с Корвиллом. А она отказалась от всего... ради этого бандита.

— Любовь не выбирает, — ответила я, поворачиваясь к нему.

— А ты? Что выбрала ты? — неожиданно спросил молодой мужчина, оценивающе скользнув по мне взглядом.

— Что ты имеешь в виду?

— Я ушам своим не поверил, когда узнал о том, что ты стала женой Торнтон. Разве та прежняя Айола могла пойти на такое? А как же твои мечты? Планы? Жених? Куда всё делось?

Я вздрогнула, вспомнив, как делилась с ним сокровенными тайнами и целями, которым теперь не суждено будет сбыться.

— Так получилось.

— Это ведь Элкиз, не так ли?

— Что Элкиз?

— Это он заставил тебя.

— Нет, принуждения не было. Это моё решение, — совершенно искренне ответила я, не желая вдаваться в подробности и вновь ворошить грязное бельё моих отношений с Иваром. — И только моё.

— Как ты могла позволить Леонарду совершить такое, — неожиданно глухо произнёс виконт, заставив меня удивлённо вскинуть голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Торнтон тебя не достоин.

— Мне казалось, что вы друзья.

— Да. Были когда-то. Или я считал, что это так.

— И что изменилось?

— Торнтон меня предал. Меня и Селину. Притворялся другом, говорил, что хочет помочь, а сам променял жизнь сестры на титул, земли и богатства. Он отдал её в лапы Архольду.

Наверное, на первый взгляд так оно и было. Если бы не одно «но». Селина и Дерек любили друг друга. Они пронесли эти чувства через боль предательства, годы одиночества и страх возвращения. Да, это Леонард помог им расстаться, но именно он дал возможность воссоединиться, пусть и преследуя свои цели.

Вот только как объяснить это Эйдану, как донести до него эту мысль. Какие слова подобрать. Если даже спустя год он так и не смог забыть свою бывшую невесту.

— Я не буду его судить, Эйдан.

— Он ведь сломает тебя. Растопчет и уничтожит.

— Я сильнее, чем кажется.

А для того, чтобы растоптать, нужно испытывать к нему чувства. Сильные, обжигающие и сводящие с ума. Нас двоих связывает лишь постель и точка. Так что моё сердце останется при мне.

Слушать обвинения в адрес мужа было неприятно. Я не собиралась оправдывать Леонарда, но и обсуждать его поведение была не намерена. Ни с кем.

— Ты должна бежать. Бежать от него как можно дальше. Пока не поздно, — жарко заговорил Санроу.

— Леонард мой муж, — напомнила я ему. — Я не могу сбежать.

— Он чудовище.

— Ты не прав. Я понимаю. В тебе сейчас говорят злость и обида. Но ты успокоишься, придёшь в себя и сможешь жить заново. Эйдан, ты красивый, умный, образованный молодой мужчина. Уверена, стоит тебе лишь захотеть, и ты найдешь ту, которая сможет оценить тебя. Уберёт боль из сердца и научит улыбаться. Ты достоин самого лучшего.

— Но мне нужна Селина. Только она.

Это стало даже раздражать. Ведь он мужчина. Должен быть сильным, а не спускаться в истерику, желая получить то, что взять уже невозможно.

— Но она счастлива с Корвиллом. И если ты любишь Селину, то отпусти, — собирая остатки терпения, произнесла я и уже собиралась вернуться в зал.

Леонард наверняка меня уже ищет.

Эйдан дёрнулся, лицо исказилось от боли, а дальше всё пошло совсем по иному сценарию.

— Знаешь, я тут подумал, что ты единственная, кто смог бы заменить Селину.

— В каком смысле? — опешила я, застыв на полпути к выходу.

— Ты добрая, чуткая, нежная. Ты бы поняла мою боль и смогла её принять.

— Став бледной копией Селины? — Я покачала головой. — Нет, ты сам не понимаешь, что говоришь, Эйдан. Тебе нужны новые чувства, новая любовь, а не замена прошлой. Не обманывай себя.

Но Санроу меня словно не слышал. Подошёл ближе, хватая за плечи и слегка встряхивая.

— Он же не сможет оценить тебя по достоинству, никогда не поймет и не полюбит. Торнтон вообще не умеет любить.

— Ты не знаешь...

— Знаю! Я считался его лучшим другом и успел узнать этого мерзавца. Очень хорошо узнать.

— Со мной своими знаниями поделиться не хочешь? — ледяным тоном спросил Леонард, тёмной тенью возникая за спиной виконта.

Только сейчас я стала понимать, в какой провокационной и двусмысленной ситуации оказалась. Мы стояли на балконе, скрытые от любопытных глаз, совершенно одни. Эйдан держал меня за плечи так крепко, что создавалось весьма однозначное впечатление, будто он меня обнимал. А я совсем не сопротивлялась.

— Леонард, — беспомощно прошептала я и попыталась вырваться из захвата виконта.

Не получилось. Вместо того, чтобы отпустить меня, он еще сильнее сжал плечи, не сводя с бывшего друга напряженного взгляда.

— Торнтон, — не сказал, а выплюнул мужчина.

— Санроу, — спокойно отозвался тот, но я дрогнула от металлических ноток в голосе. — Отпусти мою жену.

— А то что? — спросил Эйдан и прижал к себе так сильно, что я испугано охнула.

— Отпусти, — вновь повторил мой муж и сделал шаг вперед, сжимая трость.

— Хочешь сломать и её? Мало тебе загубленных душ.

— Эйдан, мне больно, — выдохнула я, сморщившись, когда виконт особо сильно сжал плечи. — Отпусти меня, пожалуйста.

Это немного привело его чувство. Санроу разжал пальцы, с каким-то странным выражением на лице рассматривая их, и отступил в сторону перил.

— Прости... я не хотел, — растеряно прошептал молодой мужчина и потёр виски.

— Ты не виноват, — только и успела произнести, когда Торнтон схватил меня за руку и протянул к себе. — Ох.

— Если я еще раз увижу тебя рядом со своей женой, то убью, — очень тихо, но зловеще произнёс Леонард.

— Великие, — только и смогла прошептать я, прижимая руку к губам.

Откуда такая злость и ненависть? Мы ведь ничего предосудительного не сделали. Да, я понимала, что ситуация вышла неловкой, но не до такой же степени.

— Вот как ты заговорил, старый друг, — коротко и хрипло рассмеялся Эйдан. — Открыл своё истинное лицо.

— А я его никогда и не скрывал. А тебе давно пора взяться за ум и перестать вести себя как истеричка, — с презрением проговорил Леонард. — Или ты думаешь, что, если будешь изображать побитую собачонку, Селина к тебе вернется?

— Лео, — охнула я.

Я одной стороны муж был прав, Санроу давно пора было взять себя в руки, но с другой — зачем так жестоко?

— Не смей! Не смей произносить её имя. Это ты во всём виноват. Это ты отнял Селину у меня!

— Если тебе так удобнее, то думай, что хочешь. Переубеждать не стану. Пойдём, Айола.

— Да, конечно, — пробормотала едва слышно, беря его под локоть. — До свидания, Эйдан.

— До скорой встречи! — крикнул тот нам в спину.

Первое время мы двигались молча. Выйдя в зал, Леонард тут же потащил меня танцевать.

— Эйдан, значит? — рыкнул он мне на ухо, с силой прижимая к себе.

— Леонард, прекрати, — только и сумела пискнуть я, совершенно не узнавая собственного мужа.

— С каких это пор ты так легко и близко общаешься с Санроу?

— Не сходи с ума. Мы знакомы почти пять лет.

— Ошибаешься, — неожиданно заявил он.

— Что значит, ошибаюсь?

— Он знал Айолу Белфор, а сейчас ты графиня Элкиз. Совсем другой человек.

— Глупости. Ты же это не серьёзно.

— Серьёзно. В любом случае, я запрещаю тебе встречаться с виконтом Санроу, — процедил Леонард, увлекая меня в танце на середину зала.

Честно говоря, я и не собиралась этого делать. Речи Эйдана мне не нравились, как и отношение к Леонарду.

Наша семейная жизнь только начала налаживаться, и я не хотела всё портить. И если бы Торнтон говорил со мной другим, не таким приказным тоном, подобрал иные слова, то я бы уступила. Но тут неожиданно проснулось упрямство.

— Запрещаешь? А я могу узнать причину столь радикального решения? — прошептала я, двигаясь вместе с ним и каким-то чудом умудряясь не сбиться ритма.

— А ты не понимаешь?

— Не понимаю чего?

Я совершенно отказывалась быть благоразумной и понятливой девочкой.

— Что натворила своими тайными встречами с Санроу.

— Во-первых, встреча была всего одна и то совершенно случайно. Во-вторых, она не была тайной.

— Я предупреждал тебя, что не потерплю любовника.

С ритма я всё-таки сбилась, оступилась, отдала мужу ногу, но он даже не дёрнулся, продолжая вести так, словно ничего не произошло.

— К-какой любовник? — сглотнув, прохрипела я. — Мы просто разговаривали и всё. Я ведь никаких встреч ему не назначала, даже не знала, что Эй... Санроу находится здесь. И вообще, это ты сам меня здесь оставил. Совсем одну.

— А ты не подумала, что о тебе будут говорить остальные?

— Ты же говорил, что тебя не интересует их мнение.

— Зато оно очень интересует «Сплетник», который завтра утром предоставит всем в Ванагории свою собственную версию.

— Какой сплетник? Почему? Как?

Внутри всё похолодело от мысли увидеть своё имя на главной газете страны.

— Леонард... я клянусь... ничего не было... и быть не могло.

— Ты его больше не увидишь. Никогда.

— Хорошо, — произнесла я и кивнула.

Мы пробыли на балу еще пару часов. Всё это время Лео был рядом, но это не мешало всем им каждому смотреть на нас и шептаться. Катастрофа набирала обороты и грозила уничтожить мой новый, еще такой хрупкий мир.

В карете мы ехали молча, каждый сидел в своём углу и молчал.

А ночью Леонард так и не пришел.

Оказывается, за эти неполные две недели я так привыкла к мужу, к его теплу и нежности, страстным объятьям и прерывистому дыханию, что просто не могла уснуть одна. Бесполезно крутилась с одного бока на другой, смотрела в потолок,

прислушивалась, тщетно пытаясь услышать звук его шагов. Но всё было бессмысленно.

Часы показывали половину четвёртого утра, когда я перестала пытаться уснуть и решила на безумство.

Она возникла как видение из ниоткуда.

С четвёртым ударом часов. Воздушная фигурка с облаком белоснежных растрёпанных волос. С грешным телом, скрытым лишь тонким фреольским шелком.

— Пьёшь? — Айола подошла к столу, взяла полупустой стакан и понюхала, после чего недовольно скривилась.

— Нет.

Торнтон не солгал. За эти часы, которые он провёл в своём кабинете в полной темноте, мужчина выпил всего пару глотков.

Алкоголь был не для него. Он притуплял сознание, замедлял инстинкты, а мужчина этого не хотел. Нет, Леонарду нужно было подумать о своей жизни и о том, как быть дальше. Поэтому мужчина просто сидел в кресле, смотрел, как играет вино в отражении магического огня и молчал.

Айола в чужих руках.

Его жена в объятьях бывшего друга.

— Гадость, — продекламировала она, залпом опустошая бокал.

— Не понравилось? — с любопытством поинтересовался Леонард.

— Нет. — Жена села в кресло напротив и выжидательного на него взглянула. — Поговорим?

— Сейчас четыре часа ночи. Не самое лучшее время для разговора. Иди спать, Айола. Сегодня нас ждёт тяжелый день.

— Ты раньше никогда не бегал от разговоров. Наоборот, заставлял меня вылезти из раковины и поговорить.

— Тебе же это не нравилось.

— Когда ты меня спрашивал? — усмехнулась она, совершенно не смущаясь. От алкоголя её щеки покрылись румянцем, а глаза засверкали. — На меня злишься?

— Нет.

На себя. На жуткую ревность, которая изъедала сердце и туманила разум похлеще любого наркотика.

— Я ждала тебя, — неожиданно призналась молодая женщина, постукивая короткими ноготками по подлокотнику.

— Ждала? — удивился он. — Мне казалось, что супружеские обязанности тяготят тебя.

— Врёшь, — искренне улыбнулась Айола, совершенно не смущаясь. — Ты отлично знаешь, что это не так. Я с самого начала говорила тебе, что наши супружеские отношения меня более чем устраивают.

— И я должен поверить тебе на слово?

— Я думала, мы обсудим случившееся. Возникшую проблему, мою ошибку.

— Проблемы нет. Я уже отправил записку редактору «Сплетника» и чек.

— Ты дружишь со всеми редакторами бульварных газет?

— Только с самыми важными. Статья выйдет, но содержание будет приличным. Так что волноваться нечего. Но вернёмся к нашим отношениям, — мягко произнёс Лео. — Если тебя все устраивает, то ты может докажешь это?

Она должна была смутиться, покраснеть, отвести взгляд, распрощаться и уйти, оставив одного с его демонами.

Должна была, но не стала.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Возможно сыграл свою роль алкоголь, те пару глотков, которые она выпила залпом на голодный желудок, но Айола вдруг поднялась, подошла к нему и встала, обдавая пряным ароматом тела.

Потом осторожно коснулась волос, убирая их с лица, провела пальчиком по лбу, пытаясь стереть морщинки.

— Ты прячешься от меня.

— Ошибаешься. Я же здесь.

— Ты прячешься от меня здесь. — Узкая ладошка накрыла его сердце.

— Обстоятельства нашего брака были весьма специфичны. Мне странно думать, что ты решила заговорить о чувствах.

— А разве желание — это не чувства? — спросила она и взобралась к нему на колени, притягивая губы к своим губам. — Я не смогла уснуть без тебя. Наверное, это безумие.

— Айола, — его руки заскользили по талии, собирая складки нежного шёлка на бедрах, касаясь бархатной и такой нежной кожи.

— Я жутко порочная, Леонард. Мы женаты всего две недели, оба отказались от привязанности и любви. Лишь обжигающая страсть. Но я хочу тебя, — выдохнула она ему в губы. — Всего без остатка. Сейчас.

Кресло скрипело и стонало под ними, когда они оба отдались безумству, бурлившему в крови. Он никогда не думал, что можно так: сладко до боли, запретно и греховно. Такие игры были присущи любовницам, девушкам легкого поведения, которые не смущались, отдаваясь. Но Айола...

Его хрупкая и в то же время такая стойкая жена. Она сама открылась ему. Пошла навстречу, не смущаясь и не прячась за скромностью.

Первые минуты Лео помогал ей, направлял в движениях, плавно опуская и поднимая, смотря прямо в глаза и утопая в их зелени. Но Айола всегда была хорошей ученицей и всё схватывала на лету, доводя его самого до исступления.

Потом, когда уже всё закончилось, сердце перестало биться как заводное, и девушка застыла, тяжело дыша, прижимаясь лбом к его лбу, Леонард осторожно коснулся её лица и тихо произнёс:

— Пообещай мне, что не будешь с ним встречаться. Эйдан уже не тот мужчина, каким был раньше.

— Ты боишься за меня? — спросила Айола, не открывая глаз.

— Да.

— Хорошо, я обещаю.

— Пора идти спать.

— А ты?

— А я с тобой, — пообещал Торнтон, прижимая её к себе. — С тобой...

Глава Пятнадцатая. Старая знакомая

Следующие дни были похожи один на другой. Если бы не две встречи, которые не упомянуть я не могу.

Первая из них касалась моей свекрови, которая соизволила показаться примерно через день после того знаменательного бала у короля. Спустилась вниз как королева, облачённая в золотистый шелк, который казался слишком вычурным для столь раннего утра, со сверкающим бриллиантовым колье на худощавой шее, с высоко поднятой головой и высокомерным взглядом голубых глаз.

— Доброе утро, графиня, — произнесла она как ни в чём не бывало, входя в столовую, где я как раз заканчивала завтрак.

— Доброе утро, леди Торнтон, — ответила я, откладывая салфетку в сторону.

В огромном помещении мы были одни. Лорд Торнтон до сих пор не вернулся, а Леонард уехал еще на рассвете, пообещав постараться вернуться к ужину.

С той памятной ночи в кабинете, которую я до сих пор вспоминала со смущением, наши отношения изменились. Неуловимо, едва заметно, но изменились. Лео не стал более открытым, не засыпал подарками и стихами о любви собственного сочинения. Признаюсь честно, если бы супруг встал передо мной на колени и стал декламировать поэму, я бы отправила его в постель и вызвала врача.

Торнтон никогда не был сторонником красивых фраз и витиеватых комплиментов. Но я точно знала, что могу поговорить с ним на любую тему и меня услышат. Не сделают вид, что всё прекрасно, похлопают по плечу, снисходительно улыбаясь. А действительно услышат и дадут совет, а еще поддержат, помогут и прикроют от всех невзгод. И чем больше я узнавала Леонарда, чем больше присматривалась, замечая мелочи, которые были недоступны взгляду, тем больше понимала, что права.

С ним я могла быть самой собой, не боясь и не стесняясь. С ним я была как за каменной стеной. И пусть любви не было, но было нечто не менее важное — доверие.

Холодный, невозмутимый, в чём-то жесткий и жестокий, мужчина всегда был честен и прямолинеен. И только с ним я смогла понять значение и прелесть данного поведения. Сама начала перестраиваться и жить так же, доверять ему и открываться.

— Ромашковый чай и тосты, Оран, — велела она слуге, который помог ей сесть за стол.

— Да, миледи, — с поклоном ответил тот.

— Как ваше самочувствие? — начала я разговор.

При этом смотрела ей прямо в глаза, не смущаясь, не стесняясь и тем более не лебезя. Прав был Леонард, говоря, что мне давно пора примириться с новым статусом и вести себя соответственно. Тогда и остальные будут относиться ко мне как к графине, а не дикой северянке.

— Благодарю, уже лучше.

— Мы волновались за вас. Такая длительная мигрень.

Это была не совсем правда. А может даже и неправда вовсе. Все здесь понимали, чем было вызвано данное затворничество. Но всё равно мне было её даже немного жаль.

— Я читала о вашем представлении королю, — проигнорировав моё замечание, ответила она и поднесла ко рту кружку из тонкого фарфора.

Да, статья в «Сплетнике» разместилась прямо на первой странице. Я перечитала её несколько раз, спотыкаясь о своё имя. Написано было очень красиво и по делу. И ни единого упоминания о моей скандальной беседе с виконтом Санроу на балконе.

— Его Величество был очень любезен.

«И даже назвал меня красивой».

— Иногда даже слишком, — намазывая густой джем на тост, сообщила мне свекровь. — Я не в восторге от вашего союза. Мало того, я прямо заявляю Вам о том, что Вы совершенно не подходите моему сыну. Этот брак был ошибкой. У меня были такие планы, такие невесты из респектабельных семей! И что в итоге? Его женой стала малограмотная северянка.

— Грамоте я обучена, — ничуть не смущаясь, ответила ей, с каким-то задорным интересом ожидая продолжения.

— Не надо мне дерзить! Вы отлично поняли, что именно я имела в виду.

— Я вам не нравлюсь. С того самого момента, как появилась на пороге этого дома пять лет назад.

— Это всё Селина виновата, — недовольно сморщилась леди Торнтон. — Своенравная и непослушная девчонка.

Чашка жалобно звякнула, встретившись с блюдцем, когда женщина слишком сильно её опустила, уже не пытаясь скрыть досаду за манерами.

— В любом случае изменить ничего нельзя.

— Изменить можно всё, что угодно. Разводы, конечно, не приветствуются, но это не такая большая проблема, когда есть деньги и связи.

— Вы откровенны.

Но это было лишь начало.

— Сколько вы хотите за то, чтобы оставить моего сына в покое?

Надо же, подкуп. Не ожидала от неё такого.

— Вам не кажется, что слишком поздно для подобных предложений?

— Не знаю, чем вы смогли привлечь моего сына, но уверена, что это долго не продлится. У вас разное воспитание и окружение. Такие союзы с самого начала обречены на провал. Вы ему наскучите, станете тяготить и вас совсем скоро сошлют в дальнее поместье. А я могу дать вам другую жизнь. Безбедную и очень счастливую.

— А как же титул? — хмыкнула я в ответ.

— Ох, бросьте. Вы не из тех людей, которых прельщают титулы и деньги.

— Но тем не менее вы сейчас пытаетесь купить меня.

— Дать вам долгожданную свободу. Бросьте, я знаю все обстоятельства вашего брака. Знаю о бывшем женихе и скандале, который разразился в Сангориа. Вас вынудили стать женой против воли. Я могу всё изменить. Дать свободу. Жизнь вне рамок, — её голос неожиданно стал мягким, интонация уговаривающей.

Свекровь словно опутывала меня своей паутиной как злобная паучиха, пытаясь заставить делать всё по её указке.

— Заманчивое предложение, но я вынуждена отказаться.

— Глупо упускать возможность быть счастливой. Ведь это клетка не для вас, она задушит, лишит покоя и хоть какого-то шанса на счастье.

— Вы ошибаетесь, — произнесла я, поднимаясь. — И совсем меня не знаете. Так же как не знаете своего сына.

Я не забыла рассказы слуг. О том, как эта холодная женщина позволяла своему супругу издеваться над ребёнком, бить его и морить голодом. И после этого леди Торнтон будет убеждать меня, что действует в интересах сына? О нет, она действовала всегда лишь в

своих интересах. И только в своих. Так же, как и сейчас.

— А мне казалось, что вы умнее, госпожа Белфор.

— Торнтон, — поправила её я. — Леди Торнтон, графиня Элкиз. Не переживайте, я тоже ошиблась на ваш счет. Мне казалось, что вы более человечны. А теперь прошу простить меня, дела. Всего доброго и приятного аппетита.

Я упрямо игнорировала все приглашения, которые ежедневно пачками поступали на моё имя. Выбрасывала записки Мергери, просящей о встрече, сожгла длинное письмо от Санроу, в котором он просил прощения и умолял о свидании. Второй раз я не собиралась ошибаться.

Заняться мне было нечем. Для начала я вновь взялась за артефакты. Не знаю, что послужило тому причиной, стабилизация отношений с мужем или собственная уверенность, но я вновь захотела творить и создавать.

Даже вернулась к проекту, что мне предоставил когда-то Леонард — блуждающая комната с магической дверью, скрытая ото всех и каждого, которую невозможно найти и подобрать ключ. Та, что была бы надежнее сейфа.

Кроме того, я решила заняться обустройством нашего особняка и договорилась о встрече с мастером, чтобы все обсудить. Мне не терпелось переехать в свой собственный дом, в котором буду хозяйкой именно я, а не кто-то другой. Теперь, когда леди Торнтон выбралась из своей комнаты, жизнь становилась сложнее. О том, что будет, когда вернётся лорд Торнтон, думать не хотелось.

И вот, одим ясным днём я оказалась в офисе мадам Позир, где нос к носу столкнулась со старой знакомой, которую совершенно точно не ожидала здесь увидеть.

— Ох, графиня Элкиз, — воскликнула шикарная блондинка, поднимаясь с диванчика мне навстречу. — Это вы? Надо же какой сюрприз!

— Маркиза, — через силу улыбнулась я, застывая в дверях. — Надо же. Вы здесь.

Такое счастье, что хочется ринуться назад и бежать отсюда как можно дальше.

— Да. — Она подошла совсем близко, обнимая мою застывшую фигуру и обдавая удушливым ароматом роз. — Решила последовать примеру большинства. Теперь, когда между Ванаторией и Сангориа заключено мирное соглашение, грех не воспользоваться открывшимися перспективами. Сняла чудесный домик на Таргар-роу, теперь хочу его обставить по своему вкусу. И вот я здесь.

— Вижу.

А сама пыталась понять: это случайность или заранее спланированная встреча? Скорее всего, первое, ведь я ни с кем не общалась и никому не рассказывала о своих планах, разве что Лео, поэтому Констанци вряд ли могла узнать о том, что я буду здесь сегодня. Да и зачем ей искать со мной встречи, мы виделись всего пару раз и закадычными подругами не были.

Но всё равно сомнения не оставляли. Я ведь помнила, как она подставила кузину в тот вечер, как заявляла права на Леонарда, который теперь был моим супругом.

Конечно, это лишь мои подозрения, но доверять я ей не собиралась.

— Говорят, мадам Позир лучшая в своём деле. И вот я вижу вас тут и несколько не сомневаюсь в своём выборе.

Она, не прекращая щебетать, потащила меня на диванчик, усадила рядом. Словно я и не человек вовсе, а безвольная кукла. Наверное, так и было. Её присутствие стало неожиданностью, и я всё никак не могла понять, как следует себя вести с ней.

— Великие, вы не представляете, как мне радостно встретить вас здесь.

— Я тоже рада, — почти искренне отозвалась я, пытаюсь придумать, как выпутаться из

этой ситуации.

Эта женщина меня тревожила и выводила из равновесия. И это сейчас, когда всё более-менее нормализовалось в жизни.

— Решили сделать ремонт? — продолжала допытываться маркиза.

— Да. Можно сказать и так, — неловко улыбаясь, ответила ей. — У нас масштабный ремонт в особняке.

— Ох, какая прелесть. Я так люблю перемены. Знаете, так хорошо, что я вас тут встретила. Оказаться в чужой стране, где все так непонятно и враждебно. Но мы вдвоём сможем противостоять всему миру. Не так ли?

— Думаю, это лишнее.

И почему я не верила её улыбке? Может быть всё дело в холодном блеске глаз?

— Я пошутила. Какая вы серьёзная, графиня! Что-то не так? Вы мне не рады? Я вас чем-то обидела?

— Нет, всё хорошо, — поспешила уверить её. Чувство неловкости усиливалось. Я снова чувствовала себя обычной северянкой, теряющейся на фоне блеска маркизы. И если раньше меня это не особо волновало, то сейчас всё было иначе. — У вас на какое время назначено?

— Ох, не скоро, — отмахнулась женщина. — Просто решила прийти пораньше, осмотреться, узнать всё хорошенько. И не прогадала, встретив вас.

— Если хотите, я могу вам уступить своё время.

— Ну что вы, не стоит. Но вы не будете возражать, если я зайду вместе с вами? Хочется посмотреть на эскизы.

«Нет!»

Мне очень сильно не хотелось, чтобы она заходила со мной, чтобы смотрела на мой выбор и давала советы, в которых я совершенно не нуждалась.

— Я буду сидеть как мышка, заодно себе что-нибудь пригляжу.

— Не уверена, что мадам Позир одобрит это.

— Я договорюсь. Ох, я так рада, что вы согласились, графиня. Хотя, к чему эти титулы. Я могу называть вас Айолой? А вы зовите меня Армель. Я так рада, что мы подружимся! Мне сейчас так не хватает верного друга.

Стоп! Разве кто-то говорил о дружбе?

У меня голова взрывалась от её болтовни и резких переходов.

А дальше было только хуже.

Естественно, маркиза увязалась следом. Они с Позир сели рядышком и с радостным видом принялись обсуждать интерьер моего дома, останавливая свой выбор на помпезной обстановке, позолоте, громоздкой мебели в жуткий цветочек, тяжелых винных шторах с золотым напылением, множеством зеркал, картин в широких рамках.

И полное отсутствие свободы.

— Да-да, — радостно вещала женщина, найдя в лице маркизы самого главного друга и помощника. — Это самый популярный дизайн. Только совсем недавно королева обставляла загородный домик в таком стиле. У вас безупречный вкус, леди Констанци.

— Ох, вы мне льстите!

А я молчала и тихо кипела. Сказать, что вот это не моё, не могла. И пусть Леонард

говорил, что надо высказываться, отстаивать своё мнение. Но не здесь и не сейчас, не в присутствии этой женщины, которая ураганом влетела в мою жизнь.

— Красиво, — заставила себя произнести я, поднимаясь. — Я возьму с собой эскизы и образцы. Хочу посоветоваться с мужем.

— Ох, какая вы шутница, Айола, — рассмеялась маркиза. — Мужчины не интересуются дизайном и цветом обивок.

— А мой интересуется, — холодно оборвала её я. — А теперь прошу прощения, мне пора.

— Подождите, — Армель подскочила следом с фальшивой улыбкой на губах. — Вы же не оставите меня тут одну?

— У меня дела.

— Давайте пообедаем вместе. Тут есть замечательная кофейня с чудесными пирожными.

— Как-нибудь в другой раз.

— Вы бежите от меня, Айола, — укоризненно покачала головой женщина, обращаясь, как к маленькому нашкодившему ребенку.

— У меня для этого есть причины?

— Это вы мне скажите.

— Вам показалось. Но у меня действительно много дел. Я с радостью с вами встречу, но в другой раз.

— Хорошо, — была вынуждена уступить она. — Я пришлю вам приглашение.

— Вот и замечательно. Всего доброго, — произнесла и поспешила сбежать оттуда.

Одно приглашение было прислано следующим утром, а вечером вручено другое лично маркизой Констанци, которую на ужин пригласила моя свекровь.

Ощущение заговора лишь усилилось. Особенно, когда я видела, какими глазами смотрела Армель на моего мужа, как вызывающе сверкала улыбка на её губах.

По лицу Леонарда было трудно что-то понять. Он был как всегда спокоен и невозмутим, а после ужина, поцеловав меня на прощание, ушел к себе в кабинет.

Я же, сославшись на головную боль, отправилась к себе. Смотреть, как щебечут свекровь с маркизой, не было желания. А выставлять себя дурочкой им на потеху тем более.

Но вместо того, чтобы подняться в покои, я отправилась в свою мастерскую, где вновь окунулась в волшебный мир магии и шестерёнок. Но мысли то и дело возвращались к Констанци и в груди неожиданно поселилось совершенно новое и неожиданное чувство.

Ревность.

Оно душило, не давало сосредоточиться и сводило с ума.

Я с трудом смогла дождаться ночи, чтобы встретиться в нашей спальне с Леонардом и заглянуть ему в глаза, увидеть в них своё отражение.

— Ты чем-то встревожена, — заметил муж, внимательно за мной наблюдая.

— Как ты думаешь, что ей нужно?

— Маркизе? — сразу догадался он, не став юлить.

А ревность вновь подняла свою уродливую морду, злорадно усмехаясь: «видишь, он помнит о ней, думает... кто ты и кто она... всего лишь бледная тень... навязанная жена».

— Да, ей, — я отступила в сторону, обнимая себя за плечи.

— Понятия не имею. Она мне не сообщала о своих планах, да мы и не общались.

— Констанци увлечена тобой.

Помолчал и вновь подошёл ближе, беря за подбородок и заставляя смотреть в глаза.

— Констанци самовлюблённая стерва, которая может хотеть всё, что угодно. Нас это не касается. Знаешь. — Пальцы нежно погладили скулы. — Еще немного и я решу, что ты меня ревнуешь.

Я вспыхнула, отводя взгляд.

— Просто не хочу стать посмешищем для всех.

— И только это?

Лео не отпускал меня.

— А что еще?

Я посмотрела ему прямо в глаза — открыто и без утайки, ожидая такой же откровенности от него.

Отступил, отпуская руку, но не взгляд.

Мы слишком далеко зашли в своих вопросах и откровениях. Боясь сказать лишнее и в то же время безумно желая это услышать.

Но что можно сказать, когда сам не можешь разобраться в своих чувствах? Остаётся лишь трусливо молчать. Ведь потом пути назад уже не будет.

Ах, если бы я только знала, чем закончится для нас завтрашний день. Если бы я только знала...

Отложив на неопределённый срок ремонт, дизайн, а вместе с ним и мадам Позир с её жуткими эскизами и образцами, я решила пока заняться другими вопросами.

А так как свекровь решила возобновить светскую жизнь, устраивая домашние посиделки и приглашая на чай своих подружек-сплетниц, то оставаться в особняке было просто невыносимо.

Поэтому мне и пришла в голову мысль побыть немного транжирой. Леонард выделил отдельный счет для личных нужд, одежды, обуви и прочих дамских штучек. Размер этого счета приводил меня в трепет, но желания супруга не обсуждались.

Надо признать, наш брак принёс мне одни плюсы и никаких минусов. Лео не нарушал моё личное пространство, но не выглядел равнодушным и готов был в любой момент прийти на помощь. Да, закрыт и холоден, но в этом тоже были положительные стороны. Тем более, что всё это всегда оставалось за дверями нашей спальни. В постели Лео назвать холодным могла лишь сумасшедшая.

А вот мысли о его прошлых любовницах портили мне аппетит и настроение. Это задевало. Я понимала, что обижаться на него за прошлое глупо, но ревность вновь была неуверенностью по расшатанным нервам и затянувшимся ранам.

Я хотела его. Хотела всего без остатка.

И пусть эти чувства были так далеки от тех, что я испытывала к Ивару и больше походили на вечную жажду, отказываться от них и делать вид, что они ничего не значат, не получалось.

Великие, раны на сердце лишь зарубцевались, а я уже начинаю думать о чувствах. И ведь отсутствие взаимности ничуть меня не пугает. И кто еще будет говорить о своих умственных способностях?

Утром (а фактически шел двенадцатый час), прошмыгнув мимо шумного чаепития леди Торнтон, я велела кучеру ехать к модистке. Надо было обсудить фасоны платьев, выбрать

ткани, в общем потратиться.

— Спасибо, Керит, — улыбнулась я молодому кучеру, который помог мне слезть.

— Рад служить.

Но дойти до магазина модистики я не успела.

— Айола! — Мергери выскочила из-за угла и крепко схватила меня за руку у самых дверей. Складывалось такое ощущение, что о моих передвижениях все знают лучше меня самой. — Как хорошо, что я тебя нашла.

— Здравствуй, — отступая в сторону и освобождая дорогу, произнесла я и постаралась улыбнуться. — Рада тебя видеть.

— Госпожа, всё нормально? — выкрикнул Керит и уже собрался слезать с козлов.

— Всё хорошо, Керит, не переживай, — отмахнулась я и повернулась к ней.

— Нам надо поговорить. — Бывшая подруга вцепилась в меня мёртвой хваткой.

— Давай чуть позднее, мне надо зайти к модистке. Я договаривалась.

— Да, я знаю. Мне сказали, — рассеяно отозвалась она.

Ну вот, теперь понятно, как Мергери меня нашла. Кто-то из швей доложил ей о том, когда и во сколько я буду здесь. Неприятное чувство.

— Прошу, — продолжила она, неожиданно всхлипнув и до крови прикусив губу. — Это вопрос жизни и смерти!

Девушка была сама на себя непохожа. Слишком бледная, испуганная и нервная, вздрагивающая от любого звука. В глубине фиалковых глаз плескался страх и отчаянье. Никогда её такой не видела.

— Мергери, ради Великих, что произошло? — тут же напряглась я.

Её волнение и страх передались мне.

— Эйдан, — выдохнула она, шмыгнув носом. — Он сам на себя непохож. Выгнал меня... Айола, я боюсь худшего.

— Успокойся и объясни всё толком, — я повысила голос, пытаюсь достучаться до неё.

— Мне кажется, что он решил покончить с собой.

— Что-о-о?

— Это всё курительные смеси. Он и раньше был не в себе, а сейчас совсем с ума сошел.

— Какие смеси? Они же запрещены. Откуда?

— Это всё маркиза, — зло выплюнула она и фиалковые глаза вспыхнули от ненависти.

— Какая маркиза? — тут же уточнила у неё, чувствуя, как внутри всё напряглось от жуткого ощущения беды.

— Сангорианка. Констанци.

— Армель Констанци? — переспросила я, всё ещё отказываясь верить в услышанное.

— Да, — Мергери отпустила мою руку и быстро стёрла сверкающие слёзы с щек. — Я застала её сегодня утром в его постели. Ох, Айола, это было так ужасно. Я думала у нас чувства, будущее. А он... Он использовал меня.

— Давай по порядку, — перебила её я, а руки не смотря на удушливую жару внезапно похолодели.

— У них там всё было так душно и задымлено. Ты же знаешь, что нам нельзя курить и употреблять спиртное. Наркотики и алкоголь губительны для искрящих. Я никогда не пробовала, но этот запах узнаю из тысяч. Наркотики, сильные, опасные. Эйдан ведь никогда не курил. Никогда, я это точно знаю, — она запнулась и быстро поправилась. — Если только совсем чуть-чуть. Для успокоения. Но это ведь не считается. А тут... Ох, как она смеялась. Я до сих пор слышу в голове её жуткий смех. — Мергери схватилась за голову. — Оделась и ушла. Я устроила истерику. Да, глупо, но я не могла сдержаться. Я была с ним этот год, помогала, утешала, а он меня... вот так вот.

— Что произошло дальше?

— Он накричал на меня. Так шумел, что я испугалась, выгнал, угрожал. Крикнул, что всё равно не хочет жить и заперся. Его матери нет в городе, я не знала, куда бежать.

— Надо было вызвать врачей, органы.

— Нельзя! — девушка быстро замотала головой. — Нельзя! Ты не понимаешь! Там наркотики, будет суд, скандал, позор. Эйдан этого не переживёт.

— Но он будет жить, — отрезала я, сжимая кулаки от досады.

— Я бросилась искать тебя. Только ты можешь помочь. Он звал тебя... А потом вспомнила, что ты собиралась к модистке.

— С чего ты взяла, что он вообще меня слушает?

— Тебя слушает. Я знаю! — зашептала она и затряслась в беззвучном жутком рыдании.

— Ох, Великие! — простонала я, схватила её за локоть и потащила в сторону кареты. — Керит, мы уезжаем. Мергери, адрес. Быстрее.

— Радиан-стрит, двадцать восемь, — ответила та, неуклюже забираясь внутрь.

Я залезла следом.

Только карета тронулась в путь я вспомнила о своём обещании, которое дала Леонарду — никогда больше не видиться с Санроу.

«Прости», — прошептала беззвучно.

Сейчас шел вопрос жизни и смерти, и я не могла отступить. А Леонард поймёт, должен понять.

До особняка Санроу мы добрались за полчаса. Керит въехал во двор и едва успел остановить карету, как мы уже выскочили.

— Может, я с вами, госпожа? — крикнул мужчина, когда мы вбежали по ступенькам.

— Нет, не надо, — только и успела крикнуть в ответ и постучала в дверь, которая почти сразу открылась. — Графиня Элкиз, — представилась я, убирая со лба волосы. — Где ваш хозяин?

— Он не принимает сегодня, — тут же ответил дворецкий.

— Моргинсон, — взревела Мергери, отпихивая меня в сторону. — Он жив? Немедленно пропусти нас, пока не случилось страшное.

— Я не уверен...

— Пропусти, — велела я. — Иначе я вызову органы. А вы понимаете, чем это грозит виконту?

— Проходите, — пробурчал тот, неохотно отступив в сторону.

Мы быстро вошли внутрь. Я застыла в холле, оглядываясь.

— Где он? Куда идти?

— Лорд Санроу у себя в кабинете, — подсказал дворецкий.

— Нам туда, — сказала Мергери, подхватила юбки и бросилась в глубь особняка.

Я за ней следом.

Дверь кабинета была закрыта.

— Эйдан! — забарабанила в дверь девушка. — Эйдан! Это я! Немедленно открой!

— Убирайся!

«Значит, живой. Уже хорошо».

— Эйдан, — подала я голос. — Это Айола. Впусти меня, пожалуйста!

Несколько секунд томительной тишины и недоверчивое:

— Айола?

— Да! Да! Это я! Впусти меня, пожалуйста. Нам надо поговорить.

Звуки шагов и щелчок замка.

Крохотная щель, из которой на меня смотрели покрасневшие, сумасшедшие глаза Эйдана, удушливый аромат перегара и сладость курительной смеси. От неё страшно защипало в носу.

— Айола?

Его голос совсем осип, став чужим и таким незнакомым.

— Позволь нам войти.

— Нет. Только ты.

— Эйдан? — тут же возмутилась Мергери и я предупреждающе сжала её руку.

«Не возражай ему! Не провоцируй!»

— Хорошо. Зайду только я. Впусти меня, Эйдан.

Дверь распахнулась шире, и я едва не задохнулась от дыма, который ударил в лицо.

Великие, сколько же он выкурил? И как теперь быть?

Громко щелкнул закрывшийся замок, сообщая о том, какую страшную глупость я только что совершила, придя сюда одна и ничего не сообщив Леонарду.

— Что ты задумала? — без обиняков спросил Торнтон, смотря на бывшую любовницу, которая лежала на диване, держа в руках длинный мундштук и пуская лиловое колечко в воздух.

При нём она никогда не курила, знала, что он терпеть не мог эти смеси, ничему и никогда не позволял туманить свой разум.

Но сейчас Армель сделала это специально. Бросила вызов, играла, поставив на кон всё и даже больше.

— Не будь буквой, граф. Тебя так долго не было. Я успела соскучиться, уверена, ты тоже.

Маркиза повела плечиком и шелковый халат сполз вниз, обнажая белоснежный холмик груди с тёмной вершинкой соска.

Провокационно. Дерзко...

Противно.

— Я задал вопрос, — повторил он, постукивая палкой по полу.

Нога вновь разнылась, мешая ходить ровно.

— Скучно, — ответила она, стряхивая пепел прямо на пол и растянула алые губы в дерзкой улыбке. — Женившись ты потерял себя в скуке семейной жизни. Поверь мне, я знаю. Сама была замужем.

— Твоё мнение мне неинтересно.

— А я всё равно его скажу, — ответила она и глаза опасно вспыхнули. — Нарядил её как куклу и думаешь, что всего добился? Как была дворовой девкой, так и осталась!

Рука с силой сжала набалдашник трости и зубы громко скрипнули в тишине.

— Осторожнее, Армель. Я могу и забыть, что не бью женщин.

— Хочешь ударить меня? — Теперь в её глазах горел фанатичный огонь. — Так ударь. Сделай мне больно. Оставь на коже синяки своей рукой. Если хочешь я прикажу принести плеть.

Торнтон даже не дрогнул и выражение на лице не изменилось.

— И давно стала увлекаться такими играми, Армель?

— С тобой я готова на всё. Ты сломал меня, Торнтон, радуйся, — она хрипло рассмеялась и тут же раскашлялась, с трудом переводя дыхание.

Приступ длился недолго, и Констанци почти сразу пришла в себя. Села, закидывая ногу на ногу, обнажая длинные совершенные ножки, показывая, что кроме этого халатика на ней нет ничего.

— Мне плевать, — ответил тот совершенно спокойно.

— Ублюдок! — выдохнула она, хватая со столика хрустальную пепельницу и запуская её в голову мужчины.

Промахнулась. Или просто не смогла сделать это под холодным взглядом голубых глаз.

— Ненавижу!

— Ненавись столько сколько тебе будет угодно. И оставь меня в покое. Я не вернусь. Между нами давно всё кончено. Так что советую собрать остатки совести и убраться из Ваногории.

— Что в ней есть такого? Чем она лучше меня? Ведь не девицей тебе досталась, я точно знаю. Неужели не противно подбирать объедки от этого охотника?

— Айола — моя!

Вскочила, недоверчиво глядя на него и покачала головой, отчего волосы, сдерживаемые лишь парочкой шпилек, рассыпались по плечам.

— Ты не умеешь любить.

— Не умею, — не стал отрицать мужчина.

— Тогда зачем?

— Но сделаю всё, чтобы она полюбила меня.

— Зачем? — снова спросила маркиза.

Торнтон мог не отвечать, но неожиданно решил удовлетворить её любопытство:

— Потому что с ней я живу.

Красивое лицо исказилось от боли и ненависти. Констанци неожиданно дернулась, упала в его объятия, прижимаясь губами к шее, щеке, пытаясь поймать последний поцелуй и обхватывая цепкими руками.

— Нет, не уходи. Не уходи.

Но Элкиз был сильнее. Всего пара секунд и мужчина выбрался из её объятий, оттолкнув бывшую любовницу назад.

Зашаталась, но на ногах удержалась.

— Ты думаешь, она такая хорошенькая и чистенькая? Интересно, а твоя жена рассказывает тебе о том, как встречается с любовником, пока тебя нет.

— Прекрати.

— Она и сейчас с ним. С виконтом Санроу, — хрипло рассмеялась она, падая на диван. — Не веришь? Езжай и убедись в этом сам.

Леонард не сказал ни слова. Лишь развернулся и ушел, громко хлопнув дверью.

Армель хищно улыбнулась, доставая из кармана припрятанный флакон с розовой водой. Именно её отголоски чувствовались в комнате сквозь курительную смесь. Другая рука стёрла остатки помады с губ, той самой, отпечаток которой алел на воротнике его рубашки.

— Ты всё равно будешь моим. Всё равно, — пообещала она закрытой двери и откинулась на спинку дивана.

Глава Шестнадцатая. В ловушке

— Я могу открыть окно? — прикрывая лицо платком, спросила у Эйдана. — Здесь очень душно.

— Что?

Красные, воспалённые глаза непонимающе смотрели на меня. Сам мужчина страшно исхудал за эти дни, что мы не виделись. Кожа пожелтела и выглядела тонкой и хрупкой, как пергамент, черты лица заострились, трехдневная щетина добавляла десяток лет сверху.

Верх рубашки, выпущенной из затёртых брюк, был распахнут, открывая тощую грудь. Уже почти ничего не осталось от того яркого и жизнерадостного молодого мужчины, которого я знала когда-то.

Курительные смеси из Эмират Барху. Зараза, погубившая столько жизней.

Я ведь всё никак не могла понять, что же так сильно могло изменить его. Как и по каким причинам тот Эйдан превратился в злобного и немного сумасшедшего, одержимого мстью мужчину, которого мы встретили на балу. Списывала всё на тоску по Селине и так ошиблась, не заметила, что отравляет его столько месяцев.

Как там говорила Мергери? По чуть-чуть не считается. Отговорка, которую так любят повторять одурманенные. Что в любой момент могут перестать, но это лишь успокоение.

Самообман!

Как и когда он начал курить этот яд?

Когда боль утраты стала совсем невыносимой, когда мысль о том, что любимая предпочла его другому, разъяла душу? Всего чуть-чуть, пару грамм и долгожданное забвение.

Ведь это не считается.

Но потом горстки стало мало, доза увеличилась, стал меняться и состав смеси. Виконт закупал контрабандой более сильные наркотики.

День за днём, неделя за неделей.

Отравляя разум и лишая рассудка.

И рядом не было никого, кто бы смог остановить и уберечь.

— Я хочу открыть окно, — вновь повторила я, поворачиваясь к нему спиной и активируя защиту. — Ты ведь не возражаешь?

— Нет.

Я открыла створку, впуская свежий воздух в кабинет и пытаюсь отдышаться. От дыма кружилась голова, а к горлу подкатывала тошнота.

— Ты пришла, — произнёс Эйдан становясь рядом.

Слишком близко.

Защита предупреждала об осторожности, требуя отойти, оттолкнуть, связать в конце концов. Искра вспыхнула в крови, готовая в любой момент прийти на помощь.

Но я не могла. Только не сейчас. Эйдану нужен был друг. Кто-то, кто смог бы вернуть его назад. Моего предательства он бы не пережил.

— Ты меня напугал, — призналась я, поворачиваясь к нему и отступая чуть в сторону, пытаюсь хоть немного увеличить расстояние между нами.

— Но ты пришла.

Мутные глаза лихорадочно блестели, а глаза бегали туда-сюда.

— Я не могла не прийти. Ты мой друг, — мягко произнесла я, старательно улыбаясь.

Спокойствие и доброжелательность. И никак иначе.

— Друг, — повторил виконт и губы исказились в горькой усмешке. — А если я не хочу быть твоим другом?!

— Мне очень жаль.

— Селина меня предала, — вдруг заявил он и хлопнул ладонями по подоконнику.

От громко стука я едва не подскочила на месте и лишь сильнее стиснула кулаки.

— Эйдан...

— Я вот только сегодня понял это. Целый год как дурак чего-то ждал, страдал, переживал и мечтал вернуть. А теперь прозрел!

— Это хорошо.

От его криков заболела голова.

— Она просто расчётливая сука!!!

Я всё-таки вздрогнула и отступила еще на шаг, потом еще на один и спряталась за огромным креслом.

— Продалась за титул, земли и остальную хрень! Продала нашу любовь! И после этого я должен по ней скучать?! — на следующем крике его голос резко сел и снизился до шёпота. — О нет, эта сучка мне не нужна. Права была мама, Селина меня не достойна!

Его лихорадило и водило из в стороны в сторону. И я не знаю, каким чудом он оставался на ногах.

А я в очередной раз пожалела о том, что плохо помнила целительские курсы. Ведь было какое-то снотворное заклинание. Но я никак не могла вспомнить его. Хотя нет, тут нужно что-то посерьёзнее заклинаний бывшей студентки. Для того, чтобы вывести весь яд и очистить разум, нужны профессионалы.

— Я исцелился! — Эйдан вновь сосредоточился на мне и оскалился. — И всё благодаря тебе.

— Я очень рада, — рассеяно отозвалась в ответ, думая, как теперь выпутываться.

— Ты ведь меня понимаешь. Как никто. И как я раньше этого не видел?

— Не видел чего? — спросила у него, пытаюсь догадаться, в какую сторону его унёс обкуренный мозг.

— Что мы идеально подходим друг к другу. Как две половинки одного целого!

Только этого не хватало! Надо было вырубить его намного раньше, а не слушать этот бред. Чем дальше, тем глупее.

— А как же Мергери? Она тебя любит.

Про Леонарда я решила не говорить. Упоминание бывшего друга может лишь ухудшить ситуацию.

— Эта подстилка? — зло хохотнул он. — Да под кого она только не ложилась, пытаюсь продать себя подороже. Она не меня любит, а мой титул, деньги и земли. Эта тварь вообще не умеет любить.

— Ты неправ.

— Моя Айола, — улыбнулся он, двигаясь на меня. — Такая наивная, такая добрая, привыкшая видеть во всех лишь хорошее. Нет, Торнтон не достоин тебя.

— Но я всё ещё его жена, — напомнила ему.

— Это ненадолго.

Эйдан пытался подойти ближе и даже обнять меня, но я не позволяла. Так мы и кружили вокруг кресла.

— В каком смысле?

— Ваш развод это лишь вопрос времени. Поиграл с тобой и бросит. Такие, как он, не умеют ценить клад. А я могу. Я в отличие от него никогда тебе не изменю. И уж точно не притащу любовницу в свой дом знакомить с женой.

— Что ты имеешь в виду?

Я замерла и Эйдан тут же этим воспользовался, обхватывая руками, обдавая удушливым перегаром, от которого меня едва не стошнило.

— Он уже несколько месяцев спит с Армель. И ваш брак несколько этому не помешал. А ты не знала?

— Это неправда, — ответила ему, вырываясь из его объятий.

Быть больше вежливой и обходительной я не собиралась.

— Армель мне сама открылась. Кстати, отличная баба, такое в постели вытворяет. Они давно переписываются и тайком встречаются у неё дома. Или ты думаешь, она приехала в Ванаторию пейзажами любоваться?

— Ложь, — выдохнула я.

А ревность уже загоралась в груди, мешая здраво мыслить.

— Правда? А ты проверь и убедись сама.

— Не буду. Я доверяю Леонарду.

— Наивная крошка Айола. Мне так жаль тебя. Но ничего, я смогу тебя защитить.

Виконт снова потянулся ко мне, и я не выдержала.

— Прекрати! Великие, Эйдан на кого ты стал похож? Смотреть жутко.

— Так спаси меня. Спаси и я сделаю тебя счастливой.

— Я уже счастлива. И мне жаль, что ты этого не понимаешь.

— Не надо, Айола. Не надо играть с моими чувствами.

С чем тут играть? Ведь чувств нет. А то, что сжигало его сейчас, лишь наркотический дурман, создавший для мужчины свой собственный придуманный мир.

Сзади громко хлопнула дверь, которую кто-то пинком выбил из проёма. Стукнувшись о стену, она жалобно повисла на сломанных петлях.

Я уже знала, кто там, ещё до того, как повернулась.

Леонард.

— А вот и твой муж, — радостно хохотнул Эйдан и закашлялся. — Привет, бывший друг!

— Айола, идём, — ледяным тоном произнёс муж.

— Лео, я...

— Я сказал идём.

— Надо же, как он тебя. Будто собачонку подозвал, — издевательски протянул виконт, за что и получил по лицу.

Всего доля секунды, я даже не успела что-нибудь заметить. Вскрикнула Мергери и бросилась утешать поверженного любовника. А Торнтон вновь повернулся ко мне.

— Идём.

Ослушаться я не посмела, подхватила юбку и выбежала, бросив последний взгляд на поверженного мужчину, неожиданно ловя его довольный взгляд, который Эйдан не успел спрятать.

— Леонард, послушай, — произнесла я через две минуты жуткого молчания, которые мы провели в карете.

— Я ничего не просил, — прервал он меня, продолжая изучать пейзаж за окном. — Никогда. Кроме одного. Давал всё, что ты хотела, и просил лишь об одном — не встречаться с Эйданом.

— Прости, но...

— Ты мне солгала.

— Я тебе не лгала, — тут же возразила в ответ и нахмурилась, что-то не давало мне покоя, но я никак не могла понять что. — И я знаю, что нарушила твою просьбу. Но стоял вопрос жизни и смерти.

— Это предательство.

Я тяжело сглотнула.

— Ты неправ.

— Давай пока помолчим. Не уверен, то могу сейчас нормально мыслить. Поговорим потом, когда я немного остыну. Пока мы не наговорили друг другу лишнего.

А я неожиданно поняла, что не давало мне покоя.

Розы.

От него удушливо пахло розовой водой.

Я уже чувствовала этот аромат. Армель. Эта стерва...

Скользнула взглядом по мужу, пытаюсь хоть что-то рассмотреть по его непроницаемому лицу. И надо было ему в этот момент повернуть голову, показывая тугой воротник рубашки, на которой ярким огнём алел цвет от помады.

... И сердце будто разорвалось на куски.

Нет, я не должна была верить этому. Не должна.

А механизм уже был запущен. Оставались последние штрихи, доказательства, которые я получила уже вечером.

Прибыв в особняк, Леонард велел идти в спальню, при этом приказав двум лакеям меня сопровождать, как провинившегося ребёнка. Обидно до слёз.

Вбежав в покои, я громко хлопнула дверью (точно дитё неразумное) и застыла тяжело дыша.

Перед глазами всё еще красной тряпкой алел след от помады на рубашке моего мужа. Муж мой, а помада не моя. И запах тоже не такой, чужеродный, слишком сладкий.

Я села на кровать, беря в руки одну из небольших разноцветных подушек, которые

купила вчера во время прогулки по магазинам, желая добавить красок в нашу безликую спальню, и прижала её к себе, впиваясь ногтями в мягкую ткань.

— А что хотела, глупая? — глухо спросила сама у себя, с раздражением откидывая подушку прочь и снова вскакивая. Сидеть на одном месте было просто невыносимо. Надо действовать. — Выходя замуж, отлично же понимала, что верности от Торнтона ждать не следует. И не ждала. Не хотела. Знала, что он дамский угодник и любимец женщин.

Конечно, знала, но не думала, что всё произойдет так скоро.

Но это было тогда. До того, как непрощенные чувства поселились в сердце, а жгучая ревность затуманила разум.

Всё изменилось. Неуловимо, непонятно и быстро. Одна только мысль о том, что Леонард мог трогать эту маркизу, что её хищные коготки впивались в его плечи, а порочные губы жадно целовали лицо и тело, заставляла кулаки сжиматься от злости.

Мне казалось, что любить я больше не смогу. Что всё сгорело, превращая сердце в грязный пепел.

Страсть и желание — да. Но только лишь это.

Хватило всего двух недель, чтобы всё изменилось.

Но почему и как, я до сих пор не могла понять. Никакого ухаживания, цветов, конфет и страстных обещаний. Просто ощущение защиты и тепла.

И теперь это у меня хотели отнять.

Не позволю!

Как бы больно сейчас не было, неизвестность убивала сильнее.

Я должна знать правду. Должна, пока не поздно всё изменить.

— Не могу так больше, — прошептала своему отражению в огромном трюмо и решительно вышла из покоев.

Конвоя из лакеев там не наблюдалось. Видимо надоело стоять у покоев непослушной графини и ушли по своим делам.

— Отлично! — заявила я, решительно шагая по коридору. — Хочет Леонард или нет, но мы поговорим. Поговорим и я всё выясню. Посмотрю ему в глаза и узнаю правду.

Но в кабинете никого не оказалось. Совсем никого.

Я растеряно стояла посреди пустого помещения, смотря как ветер, проникая через распахнутое окно, раздувал парусами легкие занавески, принося из сада ароматы летних цветов.

Розы...

Снова этот запах. Он что теперь вечно будет преследовать меня во сне и наяву, травить душу и сводить с ума?

Из сада? Или...

На столешнице лежал вскрытый белоснежный конверт без подписи.

Да, я знала, что читать чужие письма нельзя, и в другой раз никогда бы так не поступила. Но сейчас была слишком взволнована, возбуждена и взвинчена, чтобы мыслить здраво.

Конверт меня словно магнитом манил.

Белоснежная бумага была такой плотной наощупь и в нос ударил запах розовой воды. Да, ей не надо даже подписывать свои послания. Этот аромат всё скажет без лишних

слов.

«Скучаю без тебя. Считаю часы до следующей встречи. Не томи и не мучай меня больше. Я жду!»

В глазах потемнело, а рука с силой сжала бумагу, скомкав в комок.

Неправда. Ложь! Не может быть!

Это она! Снова она! Армель Констанци! Великие, как долго она будет вмешиваться в мою жизнь и жизнь других?

«Но ты же сама всё видела, — горько шепнул разум. — Своими собственными глазами».

— Я должна с ним говорить, — стукнув кулаком по столу, выдохнула я и мотнула головой.

— Леонард уехал, — произнесла свекровь, застывая в дверном проёме.

Красивая, можно сказать совершенная, с холодным взглядом голубых глаз, в которых сейчас горел триумф.

Интересно как давно она там стояла и что успела увидеть?

— Куда?

Я с трудом заставила себя разжать кулак. Измятый, деформированный комок с тихим шелестом упал на столешницу, качнулся и застыл.

— По делам. Сын давно не сообщает мне о своих планах. Вам, я так понимаю, тоже?

Теперь к блеску прибавилась ядовитая улыбка.

— Вас это не касается.

— Часто роетесь по чужим вещам, графиня? — сладко спросила она, указав взглядом на комок. — Бандитское прошлое не даёт покоя?

— Оставьте меня.

— Что такое? Сказка закончилась так и не успев начаться? А я ведь предупреждала.

— Вы ничего не знаете! Ни обо мне, ни о своём сыне!

— Ну, конечно, не знаю. Куда уж мне. Зато мне точно известно, что он сегодня не придет ночевать. Останется в столице. Как думаете, один? Или найдет себе компанию?

— Меня ваше мнение не интересует, — процедила я и выскочила из кабинета, едва не сбив ненавистную свекровь. Но та успела вовремя отскочить в сторону, давая мне пройти.

Мне не хватало воздуха. Горло сковал спазм, мешающий нормально вдохнуть. Внутри всё болело и горело.

Вроде бы все доказательства перед носом, а я всё равно отказывалась в это верить.

— Надо поговорить с ним. Посмотреть в глаза и поговорить. А не гадать и выдумывать.

Наверное, прав был Эйдан, я всё такая же наивная дурочка, которая привыкла верить всем и думать о людях только хорошее. Ничему меня жизнь не учит.

«В последний раз», — пообещала себе, выбегая на улицу и направляясь к конюшням.

— Леди Торнтон? — удивленно произнёс Керит, вскакивая с пенька.

— Запрягай лошадей. Прямо сейчас.

— Но граф не разрешил.

— Я прошу тебя, Керит. Это очень важно. Графа я возьму на себя.

— Мне и так досталось за то, что я позволил вам уйти в тот особняк, — признался тот, отводя взгляд. — Лорд Торнтон второго раза не простит.

— Керит, — произнесла я твёрдо. — Если ты не отвезёшь меня туда, куда я прошу, то я найду другой способ это сделать. Может, лучше, если я поеду под твоим присмотром?

Кажется, мне удалось найти способ его переубедить или хотя бы задуматься.

— Я тебе угрожаю. Графу об этом так и скажем.

— Всё это плохо кончится...

— Я прошу тебя.

— Хорошо.

Упряжка была готова через пятнадцать минут. Всё это время я провела на улице, нервно меряя шагами дорожку, теребя браслет, разглаживая складки платья и тяжело вздыхая.

Огромный особняк на Таргар-роу с колоннами, облицованный жутким зелёным мрамором. По рассказам Селины я знала, что год назад его снимал Дерек, теперь пришла очередь Армель.

— Если надумаете пойти туда, то я с вами, — произнёс кучер, когда мы остановились чуть в стороне от особняка. — Больше не пущу одну.

— Спасибо, Керит, — ответила я, даже не попытаюсь улыбнуться.

А взгляд был прикован к входной двери.

Там или нет? Сейчас выйдет или только войдет? Правда или ложь?

«Если ты не придёшь, я покончу с собой!» — гласила записка, пропахшая дурманящей, вызывающей рвотные позывы, розовой водой.

Леонард даже не стал думать, как, откуда и от кого Армель Констанци узнала о том, где он сегодня собрался ночевать. И как вообще оказался не дома, а в столице.

У маркизы были деньги, связи и возможности сделать это, и она сделала. Поразительная навязчивость, граничащая с безумием, которое Элкиз даже и не думал поддерживать.

Торнтон взбесило другое. Сама записка и тон, в котором она была написана.

Маркиза действительно думает, что он как дурачок на это клюнет? Бросится вытаскивать из петли и утешать? Будет заверять в вечной любви и захочет бросить жену?

О нет, Леонард слишком хорошо знал свою любовницу, чтобы предположить и даже на секунду поверить в то, что она способна совершить такое. Армель была слишком эгоистична и уж точно никогда бы не причинила себе боль. Другим — легко, но себя женщина любила и берегла.

Опять обкурилась наркотической смеси и начала спектакль. Вот только зрителем Леонард быть не хотел. И своих проблем хватало.

Мужчина смял записку и запустил в угол комнаты, брезгливо морщась.

Плевать.

Ему совершенно плевать, что бы Констанци там себе ни придумала. Если маркиза решила на самоубийство, то мужчина будет жалеть лишь об одном — что когда-то связался с ней себе на беду. И пусть это грубо и бездушно, но они давно уже ничего друг другу не должны.

Но Армель ошиблась. Манипулировать собой граф не позволит никому и никогда. Разве что...

Айола.

Нет, Элкиз ни на секунду не усомнился в том, что она ему верна. Что бы Армель ни говорила, какие бы козни не плела, Леонард всегда знал, что жена никогда ему не изменяла, тем более с Санроу. Злило Торнтон другое — Айола ему солгала, не сдержала обещание и встретилась с Эйданом, хотя давала слово так не делать.

А ведь Торнтон начал доверять жене. Сильнее чем хотелось и чем мог себе позволить. Он сам не мог понять, как и каким образом, но за эти несколько недель Айола прочно заняла место в его жизни.

И это вносило сумятицу. Не получалось мыслить здраво и решать вопросы привычными методами.

Надо было поговорить с ней. Сесть за стол и всё выяснить. Но не смог. Боялся, что скажет слишком много. То, что еще не стоило произносить в слух и что так хотелось сказать.

Круг по комнате. Мужчина застыл, рассеяно проведя ладонью по затылку и смотря в окно, которое выходило на оживлённую улицу.

Спешили люди, проезжали экипажи, город жил своей жизнью, не зная о том, какой беспорядок царил в его обычно холодном сердце.

— Слабак.

Слабаком быть не хотелось. Неужели он не сможет совладать со своими эмоциями? Неужели столько лет затворничества и отрешенности прошли зря? И граф Элкиз не так холоден, как ему бы хотелось?

Леонард Торнтон пробыл в съёмной комнате в общей сложности всего два часа. Неожиданно встал, собрал немногочисленные вещи и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

В особняке его никто не ждал. Мужчина быстро вошел в холл и огляделся:

— Ну и где все?

— Милорд? — К нему выбежала взволнованная экономка.

— Где все? — снова повторил Леонард.

— Ваша матушка в лиловой гостиной...

— Где моя жена? — перебил её мужчина.

А в голове мухой зудела мысль: «Опоздал. Опоздал. Опоздал!»

— Леди Айола уехала, — пробормотала экономка, отводя взгляд в сторону.

Сердце сжалось в предчувствии тревоги. И новой волной поднялась злость и страх потерять то единственное дорогое, что у него было.

— Давно?

— Минут пятнадцать назад. Вы с ней разминулись.

— Куда?

— Не могу знать, милорд. Они поговорили с леди Торнтон, и после этого графиня срочно куда-то уехала. Её Керит сопровождает, так что за безопасность не волнуйтесь.

— С леди Торнтон, говоришь? — переспросил он, поворачиваясь в сторону лестницы.

И что эта мегера могла сказать Айоле такого страшного, что она бросилась прочь из особняка?

Мать явно не ожидала его появления. Сидела в гостиной, пила чай из дорогого фарфора, заедала ароматными пирожными (забыв про диеты). А на коленях аккуратно лежала крохотная шкатулка.

И не просто дорогая вещица, а шкатулка «де коле». Его личный подарок. Размером со спичечный коробок, она была сделана из редкого дерева элор, украшена резьбой и усилена магией.

Их было две. Совершенно одинаковые и сильные артефакты, которые использовались для быстрого и короткого обмена сообщениями. Внутри лежал небольшой клочок бумаги и перьевая ручка с вечным запасом чернил.

Суть работы шкатулки состояла в том, что стоит написать короткое сообщение и положить его в первую вещицу, как оно тут же окажется во второй.

И матушка в данный момент старательно выводила новое послание, когда Леонард неожиданно возник перед ней.

— Леонард? — испугано ахнула она, захлопнула крышку и прижала бумажку к груди. Голубые глазки забегали, а на бледных щеках выступили алые пятна, которые не смог скрыть толстый слой пудры и белил, что она так любила.

— Что ты ей сказала? — сразу перешёл к делу Торнтон.

— О чём ты, дорогой? — женщина наигранно удивилась. — Я не понимаю.

— С кем общаешься, матушка?

— Да так. Глупости. Я подарила вторую своей подруге, узнаю последние новости из центра столицы. Развлекаюсь, как могу. Леди Оверси заболела и слегла с жуткой мигренью, я всё чаще думаю, что эта болезнь заразна. У леди Леонелли скоро торжественный бал, самое значимое событие этого месяца. Мы конечно же приглашены. Надеюсь, ты не будешь букой и сопроводишь свою мать?

— Дай.

Проигнорировав её щебет, мужчина протянул руку.

— Это личная переписка. Ты не посмеешь!

— Я сказал, отдай мне записку. Немедленно.

— Это возмутительно! — сглотив, выдала леди Торнтон. — Всё твоя жена. Это она со своими чудовищными манерами сбила тебя с пути. Это надо опуститься до такой низости, читать переписку собственной матери. Где твои манеры, Леонард? Чему я тебя учила?

— Я заберу сам, — предупредил Элкиз, которого её стенания совершенно не тронули.

— Чудовище! — выдохнула она, швыряя ему бумажку.

— Вашими стараниями, матушка. Вашими стараниями. Не вы ли лепили из меня это?

«Птичка вылетела из гнезда. Направляется к тебе. Жди и действуй по плану!»

— Птичка, значит? — медленно повторил Торнтон, поднимая взгляд с записки на мать. — Вылетела? Еще и план есть.

Но женщину было сложно смутить, а тем более заставить раскаяться.

— Я не буду перед тобой оправдываться, Леонард. Эта северянка тебя не достойна. И чем быстрее ты это поймешь, тем лучше.

— К кому отправилась Айола?

— Не скажу.

— Забываетесь, леди Торнтон.

— Это ты забылся. О том, кто ты такой и кто она!

— Ваше содержание урезано. В два раза. Счета за последний месяц я оплачивать не буду.

— Ты не посмеешь...

— Уже посмел.

— Но у меня нет таких денег. Ты же знаешь...

— Это не мои проблемы.

— У Констанци! — выкрикнула мать, сжав кулаки. — Она отправилась к маркизе! Доволен?

— После того, как ты убедила Айолу в том, что маркиза моя любовница?

— А разве это не так? Не надо винить во всём меня. Ты сам создал эту ситуацию. Ты и только ты виноват!

Он не ответил, лишь выхватил из рук шкатулку. С жутким грохотом дорогая вещица влетела в стену, разлетаясь на щепки, вызывая испуганный вскрик у матери.

Леонард даже не оглянулся, вышел, громко хлопнув за собой дверь. На улице сразу направился к конюшням, приказав немедленно седлать коня.

У особняка маркизы кареты не оказалось.

Неужели опоздал?

Громко выругавшись, Леонард быстро вбежал по мраморным ступенькам и забарабанил в дверь.

— Милорд? — на пороге возник дворецкий.

— Графиня Элкиз здесь?

— Нет, милорд, но вас уже давно ждут. Пройдёмте.

Но Лео махнул рукой и поспешил вниз. Плевать, кто его ждёт и зачем. Главное, что Айола не здесь. Но тогда, где?

— Леонард! — В дверях застыла Армель, прижимая к груди распахнутый пеньюар. — Вернись! Немедленно! Леонард!

Но он проигнорировал и её, забираясь на лошадь.

Где же ты Айола? Где же ты?

Глава Семнадцатая. На грани

Как оказалось, идти в случае беды мне некуда. Вот так живёшь в роскоши и достатке, называешься графиней, а случись что и помощи попросить не у кого.

Не знаю, как это произошло, когда я очнулась от этого дурмана и смогла мыслить здраво. Просто в какой-то определённый момент в голове что-то щелкнуло и стало стыдно.

Великие, на кого же я сейчас похожа? Сажу в засаде как какая-то сумасшедшая и мечтаю поймать мужа с поличным в объятьях любовницы.

Противно и крайне глупо. А еще бессмысленно. Леонард точно изменять не перестанет, а душой себя выставлю на потеху публике.

Я моргнула и отвернулась, откидываясь на спинку кареты и прикрывая глаза рукой. Безумно зануло в висках, и я уже собиралась призвать искру, чтобы унять эту пульсирующую боль, но в последний момент остановилась. Нет, не стоит.

— Вам плохо? — тут же спросил Керит, который зорко следил за моим состоянием.

— Нет... всё хорошо, — пробормотала я, потирая переносицу. — Поехали отсюда.

— Куда?

Вот в этот момент я и поняла, что идти то мне и некуда.

Назад в особняк Торнтонов? Смотреть в глаза лицемерной свекрови и унижаться? Ждать возвращения блудного мужа, вновь и вновь принимать его в своих покоях, мечтая как можно быстрее забеременеть? Лгать себе и ему, что всё хорошо и его похождения меня ничуть не волнуют?

Если туда нельзя, то куда? К Селине под крылышко?

Перед глазами возникло лицо подруги. Бездонные синие глаза, алые губы, брови вразлёт и искренняя улыбка. Подруга, конечно, примет, посочувствует и непременно поможет. Но она беременна, и я не могла не вспомнить, какой бледной она была, когда её отвозили в Академию, пытаюсь хоть как-то стабилизировать состояние и помочь. И я должна вновь рисковать её здоровьем и здоровьем нерождённого малыша и всё из-за измены Леонарда с маркизой?

Обратиться напрямую к Дереку, минуя Селину и прося ничего ей не говорить? Герцог, несомненно, поможет, он сам не раз говорил о том, что я могу в любой момент обратиться к нему за помощью. Вот только приютив меня, Архольд даст толчок новому витку противостояний между ним и Леонардом. То хрупкое перемирие сразу же сойдёт на нет, а сейчас дело не только в личной неприязни. Как тогда сложится судьба их общего предприятия, от которого так много зависит? А что будет с мирным соглашением между двумя странами? Ведь его ждали столько лет, и оно сейчас еще такое хрупкое. Любой конфликт может свести на нет все усилия и старания.

— Керит, — произнесла я, открывая глаза.

— Да, миледи?

— Поехали в парк. Мне надо прогуляться.

Особняк маркизы находился совсем недалеко от входа в центральный парк столицы. Не более двухсот метров. Так что ехать далеко не пришлось.

— Вы хотите прогуляться? — недоверчиво уточнил молодой человек, сдвинув кепку на затылок.

— Да. Мне нужен свежий воздух. Прямо сейчас.

И подумать. Видят Боги, мне о стольком надо подумать. И лучше это сделать наедине с собой.

Время будто остановилось. Я не могла сказать, сколько гуляла по широким мощеным дорожкам парка, украшенным бордюром, в окружении стриженных кустов, ароматных цветов и идеально ровных зелёных лужаек. Под тенью высоких деревьев, листва которых мягко шелестела над головой.

Я брела, изредка натываясь на немногочисленных прохожих, что бросали на меня заинтересованные взгляды. Кое-кто пытался заговорить, кажется, это были те господа, с которыми меня знакомил муж на балу у короля, но я быстро находила повод и удалялась прочь.

А следом за мной немой тенью следовал Керит, готовый в любой момент прийти на помощь.

Тропинка привела к небольшому озеру, по спокойной глади которого величественно плыли лебеди. Тут я и решила остановиться. Села на аккуратную, выкрашенную в белый цвет скамеечку, и сорвала с ближайшего кустика небольшую веточку, которую бездумно вертела между пальцами, пытаюсь хоть чем-то занять руки.

— Леди Айола, может уже вернёмся? Время позднее. Вечереет. А в парке небезопасно находиться в такое время суток, особенно вам, миледи, — подходя ближе, заметил конюх.

— Еще немного, Керит. Еще немного, — ответила ему, даже не делая попытки встать.

Я не знала, был ли на самом деле роман между маркизой и моим мужем. В прошлом был. В этом я нисколько не сомневалась, но сейчас...

Как-то подозрительно складно получилось, словно кто-то руководил всем со стороны, наблюдая за моими жалкими попытками разобраться в происходящем.

В любом случае, выходя замуж, я предполагала, что такое могло случиться, и даже была готова смириться. Тогда... но не сейчас, когда стала узнавать Леонарда, привыкать к нему и даже испытывать симпатию.

Меня тревожила и смущала собственная реакция на эту возможную измену. Ведь если чувств нет, как я старательно пыталась себя убедить, то почему так больно и тоскливо? Даже, узнав об изменах Ивара, я не так страдала.

Любовь ведь не может возникнуть на пустом месте всего за пару недель? Или может? А как быть с любовью с первого взгляда? Нет, не наш случай, у нас скорее была неприязнь.

Великие, еще совсем недавно мне казалось, что все чувства умерли, что внутри всё сожжено дотла и осталась лишь жалкая оболочка. А теперь? Где хваленое безразличие и спокойствие? Я ведь была готова вцепиться в волосы Констанци и вырвать пару сотен, чтобы удовлетворить отчаянье и злость.

Зачем тогда всё еще лгу себе, что чувств нет?

Почему не могу признаться, что схожу от ревности с ума. А где есть ревность, там есть любовь? Или это просто безумие?

Звук шагов я слышала не сразу, слишком сильно погрузилась в собственные думы. А когда слышала, то почему-то сразу поняла, кто это.

Значит, всё-таки был у маркизы и уезжая увидел экипаж.

— Я искал тебя, — заметил Леонард, присаживаясь рядом на скамейку и вытягивая длинные ноги.

— Нашел, — ответила ему, продолжая изучать гладь озера.

Вот и всё. Больше сказать нечего друг другу.

Не знаю, о чем думал Леонард, а мне больше всего хотелось, чтобы он меня обнял, прижал к себе и поцеловал. Заявил свои права, стёр ласками и прикосновениями все сомнения из моего сердца, оставив в голове лишь звенящую пустоту и истому.

— Я не изменял тебе.

Вот этого я точно не ожидала.

Тяжело сглотнула, срывая листочки с веточки и неловко пожала плечами, не зная, что следует ответить на подобное заявление.

— Да, я спал с Армель, но это было давно. Незадолго до нашей свадьбы мы расстались. По моей инициативе.

— Она её не одобрила? — глухо спросила у него, отшвыривая несчастный и изувеченный моими руками пруттик.

— Мне всё равно. Я давно вычеркнул её из своей жизни и не хочу больше впускать. Я ведь не виню тебя за прошлое, зачем ты будоражишь моё?

Надо же, как он всё повернул.

— Твоё прошлое само идёт в нашу жизнь. Без моей помощи.

— Констанци снюхалась с матерью, и они решили вывести тебя из игры, подставляя меня.

Всё-таки не зря я засомневалась.

— Отличная попытка. И деятельность очень продуктивная.

— Пытались убедить меня в том, что ты спишь с Санроу, — продолжил супруг свой рассказ.

Ему всё-таки удалось до меня достучаться и вывести из зоны комфорта и отчуждения, в которой я так надёжно пряталась.

Дёрнулась, поворачиваясь к нему и впиваясь недоумевающим взглядом:

— Что-о-о?!

— Ты и Эйдан Санроу, — спокойно ответил тот.

Ведь не соврал. Я по взгляду видела, что он не врал мне сейчас.

— Это глупости! Я никогда...

— Знаю и я тоже никогда. Только я тебе верю, а ты мне?

— Какой-то всемирный заговор, — пробормотала в ответ. — Такие интриги.

— И интриганки. Ты позволишь им победить? Позволишь разрушить нашу жизнь?

— А чего хочешь ты? — вдруг спросила я, заглядывая в глаза, пытаюсь найти за этим холодным взглядом хоть каплю настоящих эмоций.

— Есть, пить, тебя и спать. Причем именно в такой последовательности.

— И всё? — несколько разочаровано протянула в ответ.

— А чего хочешь ты?

— Снова уходишь от ответа, Торнтон. Как всегда.

Тяжело вздохнул, покачал головой, но всё-таки ответил:

— Я хочу быть с тобой. Всегда. Хочу просыпаться и засыпать с тобой рядом. Узнавать, как прошел твой день, видеть улыбку на лице и знать, что ты счастлива со мной. Хочу, чтобы ты выполняла мои просьбы и просила сама. Хочу, чтобы доверяла мне.

Ни одного признания, ни романтического словечка и заверения в любви, но этого почему-то хватило, чтобы я успокоилась.

— Я не вернусь в особняк твоих родителей.

— Снимем дом в столице, проживём в нём, пока наш не будет готов.

— А что будет потом?

— Мы переедем в наш новый дом, — усмехнулся он и я, не сдержавшись, мягко хлопнула его по руке.

— Я не про это. Что будет с нами?

Леонард тяжело вздохнул, подаваясь вперёд и ласково касаясь моего лица.

— Потом я сделаю всё для того, чтобы ты была счастлива. Лишь об одном прошу, не обманывай меня, не лги и не нарушай своих обещаний.

— Хорошо. Знаешь, — я запнулась, но всё-таки продолжила, — мне казалось, что я легко смогу пережить всех твоих любовниц. Но ошиблась. Не хочу тебя ни с кем делить. Не хочу и не буду.

И мой ответ его более чем устроил.

— Всё в твоих руках, Айола. И я тебе об этом уже говорил. А теперь пойдем. Уже становится прохладно. Нам пора. У меня недалеко снята комната в гостинице, там и переночуем.

До выхода из парка нам оставалось чуть более ста метров, когда в голове неожиданно взревела охранка, предупреждая об опасности. Почти сразу раздался чей-то полный злобы и ненависти крик, а следом звук выстрела.

— Что?.. — только и успела ахнуть я, когда Леонард внезапно застыл и стал медленно заваливаться на бок.

— Мой! Он всегда будет только мой! — с жуткой улыбкой на губах и бессмысленным взглядом заявила Армель, едва стоя на ногах — растрёпанная и страшная — потом прижала пистолет к собственному виску. — Сама смерть повенчала нас!

И выстрелила второй раз.

Алое пятно растекалось по груди, окрашивая в жуткий красный цвет белоснежную рубашку, серый жакет, галстук и перебираясь на пиджак.

Я с ужасом смотрела и ничего не могла сделать.

Ступор и страх.

И застывший вокруг нас мир.

— Госпожа! Госпожа!

Керит упал на колени перед Леонардом, сорвал с него платок и приложил к самому сердцу расплывающегося красного цветка, пытаясь хоть как-то остановить кровь.

— Очнитесь же!

Очнуться? Разве я сплю?

Ох, как же мне хотелось, чтобы это был всего лишь сон, страшный кошмар, от которого я бы проснулась в холодном липком поту среди ночи, с бешено стучащим сердцем и потянулась к мужу, ища у него тепла и успокоения. Точно зная, что Леонард жив, что он рядом со мной.

— Он истекает кровью! Сделайте же что-нибудь!

Но что я могу? Всего лишь артефактор. Лекарь-недоучка, что с головной болью с трудом справляется, а тут огнестрельная рана.

Но Керит прав. Крови слишком много. Она везде и всюду. Лишь лицо на фоне этих ярких красок непривычно бледное и жуткое, как восковая маска.

Мне страшно, так страшно, что хочется выть и кричать, упасть на колени и рвать на себе волосы от отчаянья и ужаса.

Вернись ко мне, Лео. Вернись и не оставляй меня одну!

— Графиня Элкиз!

Этот крик конюха привёл меня в чувство. Я вздрогнула и перевела на него взгляд.

— Спасите его. Спасите! Вы же можете! Вы же искрящая!

Да, искрящая.

И кажется, впервые я знала, что надо делать и как быть.

Да простят меня Боги, но дать ему умереть, я не могла.

Нет необходимости пытаться вспомнить уроки по знахарству и лечению. То, что я собиралась сейчас сделать — магия иного порядка и толка.

Мне совсем не страшно. Наоборот, я чувствовала уверенность в том, что всё делаю правильно. Как надо.

— Убери руки, — глухо велела я и сама накрыла рану ладонями, чувствуя, как тёплая кровь орошает их красными каплями.

Платок можно выбросить, он уже весь мокрый и толку от него никакого. Но я продолжила прижимать его к груди, призывая искру в последний раз.

Она пришла сразу. словно давно ждала меня, серебрилась на пальцах и пускала разряды в кожу. Давая поддержку и уверенность в то, что у нас всё получится.

Вдох...

Застывшее на мгновение сердце у меня в груди и под руками...

Выдох...

Как много крови вокруг и как пусто тело подо мной.

Снова вдох...

И я задержала дыхание, пытаюсь сосредоточиться, раствориться в нём.

Пuls слишком слабый и тонкая нить чужой жизни в моих руках трепыхалась, будто крылья бабочки.

Не отпущу!

— Керит, дай мне нож! — велела я едва слышно, пугаясь звука собственного голоса. Таким чужим и незнакомым он был. — Быстро!

Слава Богам, он не задавал лишних вопросов, и я тут же ощутила шероховатую рукоятку у себя на ладони.

Задержала дыхание и мазнула лезвием по ладони, рассекая кожу, шипя от боли.

Кровь к крови, сила к силе.

Жизнь за жизнь.

С раной на руке я смогла отпустить жизнь из своего тела. Всего каплю, но это только начало.

Так важно сейчас не спешить. Стоит мне лишь немного усилить нажим и его сердце

просто не выдержит переизбытка энергии, а сосуды и капилляры разорвёт.

Я заставила себя не торопиться. Но как же это всё-таки трудно. Сила рвалась и клубилась внутри меня, стремясь как можно быстрее покинуть тело. Как жадно раскрывалось его тело, поглощая мою энергию, пытаюсь затянуть рану на груди и выжить.

Ты мой!

Ритм его сердца восстанавливался. Но Леонард еще так слаб и не стабилен, что эти изменения едва заметны, но я почувствовала и не смогла сдержать ликующей улыбки.

Смогла! Получилось!

Живи... только живи.

То, что я творила, было опасно и безумно. И мне это всё было известно еще тогда, когда запускала процесс. Нельзя отдавать свою энергию, пытаюсь спасти жизнь другого. Ведь остановить этот поток потом почти невозможно. Сложно сказать нет, когда сила льется из тебя к другому, а возможности перекрыть уже не остаётся.

Лишь опытные искрящие могут себе это позволить.

Опытные, но не я.

Но мне всё равно не страшно.

Я не боялась смерти. Лишь бы Леонард жил!

Любовь? Не знаю. Безумие? Возможно!

Чем сильнее билось его сердце, тем слабее стучало моё.

Рана затягивалась. Я знала, что моих сил не хватит, чтобы затянуть её полностью, но это не важно. Тут Керит и он завершит начатое, позовёт помощь.

Перед глазами уже начали вспыхивать круги, тело дрожало от перенапряжения, а во рту всё пересохло.

Остановиться я не могла, даже если бы захотела. Всё зашло слишком далеко.

Живи...

А в ответ чужой крик в голове:

Не смей!

И нас оторвало друг от друга, расшвыривая в разные стороны.

Огонь был повсюду. Жаркое, безумное пламя, медленно сжирающее его внутренности и высасывающее по капле жизнь из тела.

Наверное, именно так чувствует себя куропатка на вертеле, если она может что-то чувствовать.

Круг за кругом. Бесконечно.

Умирать не страшно. И почти не больно. Если только чуть-чуть, потому что боль в груди сводит с ума.

Может это уже Бездна? Такое своеобразное наказание за все грехи, в которых так и не раскался и не попросил прощения у Великих?

Зря старались, каяться мужчина не собирался. А вот побороться может быть.

Стоило так подумать, как тут же пришёл холод.

Крохотные колкие иголки инея, которые быстро таяли, орошая душу живительной влагой. Но инея и снега с каждой секундой становилось всё больше, что градус жара в груди постепенно снижался.

И было в этой холодности что-то неуловимо знакомое и такое родное.

Айола... Как глоток ледяной воды на обожжённую душу.

Его маленькая и хрупкая жена. Личное сокровище. Именно её присутствие Леонард сейчас ощутил.

«Не отпущу».

«Ты мой».

Жар уже почти исчез, а вот давление на грудную клетку усилилось. Холод становился всё сильнее, сковывая сердце, уже по-настоящему.

Слишком много всего, слишком всё гладко.

Леонард сам не понял, когда возникла тревога. Но интуиция кричала о том, что что-то пошло не так.

Айола отдавала ему слишком много энергии и сил. Он не знал как, но понимал, что её слишком много. Да, его тело радостно поглощало предложенную жизненную силу. Но поток был слишком мощный и неконтролируемый.

«Живи...»

Её голос был почти не слышен, так слаба казалась Айола.

«Не смей!»

Рык вырвался из самого сердца. И Леонард попытался отгородиться от жены, поставить щиты, сделать хоть что-то. Надо было остановить это самоубийство.

Но они слишком слабы. Оба. И прервать это не могли.

«Остановись! Не надо! Не надо этой жертвы, Айола! Не смей!»

А следом осознание самого страшного и невероятного.

«Я не смогу без тебя!»

И вдруг всё закончилось. Слишком резко и странно.

Его накрыла темнота. Бездушная, безлика, которой невозможно было сопротивляться.

Леонард Торнтон пришел в себя на вторые сутки после покушения.

Незнакомая комната, скудно обставленная и безлика. Высокий потолок, небольшие светильники и аромат лекарств, от которых свербело в носу.

И родная сестра, которая, сложив руки на груди и прищурившись, смотрела на него.

— Очнулся?

— Ты здесь? — прохрипел Лео едва слышно и сморщился от боли в затылке.

Странно, болеть должна грудь (рана у сердца ныла), а по факту голова раскалывалась сильнее.

— А где мне еще быть? Мой брат чуть не погиб от рук ревнивой любовницы. Кстати, это стало самым сенсационным событием последних лет. Поздравляю, ты в центре скандала.

— Сарказм тебе не к лицу. Она мне не любовница, — ответил он и попытался приподняться. — И как тебя Дерек отпустил?

— Он тут.

Встать не получилось. Боль в груди, которая до этого просто ныла, резко прострелила всё тело, сковывая напряженные мышцы.

— Бездна...

— Лежи и не двигайся. Ранение в грудь, — сообщила Селина, даже не дернувшись, чтобы ему помочь, — опасное и почти смертельное. Не будь Айолы рядом, всё могло бы сложиться иначе.

— Айола? Где она?

Молодая женщина прикусила губу и отвернулась, пряча взгляд.

— Селина, где моя жена?

Армель не могла в неё выстрелить. Этого не было, он бы почувствовал. Нет, Леонард точно знал, что потом эта ненормальная застрелилась, но жену не тронула. Ведь это страшная смерть — оставить Айолу жить и оплакивать мужа.

— Здесь. Она здесь. В Академии. Вас доставили сюда прямо из парка. Скажи спасибо, что рядом оказался королевский лекарь. Именно он услышал крики Керита и пришел на помощь, успев разорвать связь.

— Что с Айолой? Она ранена?

— Нет. Констанци в неё не стреляла.

— Тогда в чём дело? Хватит ходить по кругу. Скажи наконец.

— Она умирает.

— Что?

— Айола кое-что сделала. Кое-что неправильное и крайне опасное. Она отдала свою жизнь в обмен на твою.

Звучало жутко.

— Этого не может быть...

— Она угасает. Медленно уходит. Её пытаются удержать, спасти, но Айола потеряла слишком много энергии и сил.

— Я хочу её увидеть!

— Лежи. Это ничего не даст. Ею занимаются лучшие умы академии. Но она, — Селина вздрогнула, проведя рукой по выступающему животу. — Она не хочет возвращаться. Сопrotивляется.

— Поэтому я хочу, чтобы ты помогла мне увидеть жену.

— И что ты ей скажешь? Как тебе жаль? Что любишь? Проблема в том, что Айола почувствует ложь и уйдет. Навсегда.

— Не уйдёт, я не позволю.

Не поверила и еще сильнее нахмурилась.

— Не могу так рисковать.

— Селина, — угрожающе рыкнул Леонард. — Если ты мне не поможешь, я сделаю всё сам.

Она некоторое время изучала его, а потом, вздохнув, нехотя произнесла:

— Хорошо.

Ему действительно дали возможность увидеть жену. Искрящие наложили на рану временную заморозку, которая позволила графу двигаться и даже ходить, правда опираясь на палку, с небольшими и частыми остановками.

Хорошо, что комната Айолы была недалеко. А то и заморозка не помогла бы.

— Мне всё-таки не нравится эта идея. Ты же потом сутки-двое отходить будешь от заклятия, — нервно произнесла Селина. — От ранения еще не отошел и так рискуешь.

— Ничего, переживу.

Айола спала.

Ничего не выдавало в ней смертельной опасности и скорой гибели. Просто сон, спокойный и безмятежный. Разве что лицо было бледнее обычного.

— Выйди.

Герцогиня посмотрела на подругу, покачала головой и всё-таки сдалась:

— У тебя пять минут. Не больше.

— Спасибо.

Пара шагов до кровати и Леонард тяжело приземлился на краешек. Взял ладошку жены в руки, словно пытаясь согреть.

Какая же она холодная.

— Не смей меня бросать, слышишь?

Тишина.

— Мне сказали, что ты перестала бороться, что устала и отказалась от жизни. Разве так можно? Разве это ты настоящая? Мне казалось, что Айола Торнтон не пасует перед трудностями и уж точно не опускает руки.

Всё не то. Не те слова, не те признания. Но и лгать нельзя.

— Я знаю, что может вернуть тебя. Но я так же знаю, что ты умная девочка и почувствуешь ложь. — Тяжелый вздох и тупая боль под рёбрами. — Я не умею любить, Айола. Не знаю как это, в детстве не объяснили. А теперь поздно. По крайней мере я так думал. Но хочу научиться. С тобой. Помогите мне стать другим. Настоящим. Потому что единственный, кто может разморозить моё ледяное сердце — это ты. Только с тобой я буду живым, — его голос охрип и почти пропал. — Спаси меня, Айола. Спаси.

И снова ничего.

— Ты стала моей навязчивой идеей, моим личным проклятьем с самого первого дня. Ты тревожила меня, заставляла думать о себе. Постоянно... Я ведь наблюдал за тобой тогда. Помнишь, пять лет назад ты гостила у нас. Мать и Селина уехали на какой-то приём, отец снова заперся в кабинете. А ты... ты пела и танцевала в холле, кружилась и смеялась. Такая искренняя и настоящая. Я не мог отвести взгляда, хотя хотел. Попытался уйти, но вместо этого пошёл за тобой следом. Не знаю, чего мне хотелось больше: наорать на тебя, обвинив в безнравственности, или обнять, стереть улыбку с твоих губ голодным поцелуем. Вместо этого ты испачкала меня пирожными.

Тихий смешок и боль, которая сейчас так ярко звучала в голосе:

— А также свалила рыцаря, залепила снежком в лицо и... и стала моей женой. Самой лучшей. Той, о которой я даже не смел мечтать. Так что даже не думай меня бросать. Я не отпущу. Никогда.

Чуда не произошло. Айола не открыла глаза, не вздохнула глубоко всей грудью, не прошептала его имя.

— Мне очень жаль, — сказала с грустью Селина, встречая его у дверей. — Мне так жаль.

Леонарда вернули в его комнату, где после отхода заморозки он почти двое суток провел в бессознательности. А когда очнулся, ему сообщили, что Айола пришла в себя и хочет его видеть.

Глава Восемнадцатая. Возрождение

Два дня спустя

Я ждала прихода мужа. Ждала и боялась. Привиделось ли мне то откровение или оно действительно было?

И вот этот день настал.

Леонард вошёл в комнату, тяжело опираясь на трость, которая сейчас стала его неизменным спутником, помогая продвигаться. Селина сказала, что я столько сил отдала мужу, что рана на груди уменьшилась раза в два и почти его не беспокоила. Но магическое вмешательство не могло на него не повлиять, так же, как и на меня.

Две израненные души, два измученных тела. Но это лучшее, что могло произойти в сложившейся ситуации.

Мне еще не разрешали вставать, но помогли сесть в кресло, предварительно укрыв ноги пушистым пледом из пуха егорьской козы. Несмотря на летнюю жару меня сильно знобило, особенно по ночам. Лишь крепкие настойки и лекарства целителей из Академии помогали забыться беспокойным сном до утра.

Муж осторожно приземлился в соседнее кресло, слегка сморщившись от боли, лихорадочно прижав руку к груди, там, где в вырезе воротника белела чистая повязка. Трость он поставил рядом и только тогда впервые взглянул на меня.

Медленно и очень пристально всматривался в каждую черточку на лице, замечая изменения и молчал.

Селина утром принесла мне зеркало, поэтому я знала, что выгляжу сейчас не очень хорошо: пожелтевшая кожа, обескровленные губы, синяки под покрасневшими и воспалёнными глазами, которые сейчас были так чувствительны к яркому свету. Поэтому в моей комнате всегда были задёрнуты шторы и царил полумрак.

— Интересный способ извести себя, — неожиданно тихо произнёс Леонард, нарушая тишину.

Я ждала, когда муж заговорит, но всё равно вздрогнула.

— Ты тоже выбрал своеобразный способ отблагодарить меня за своё спасение.

— А с чего ты решила, что я тебе благодарен?

Ну вот, минута разговора, а Торнтон уже поставил меня в тупик и вывел из равновесия.

— Ты считаешь, что не за что?

Даже обидно стало. Я чуть не погибла, провела опасный ритуал, собиралась отдать свою жизнь за его, почти отдала. А он...

— С чего ты решила, что я захочу жить без тебя? — неожиданно глухо спросил Леонард.

— Я... кхм... А почему бы и нет?

— А почему ты не захотела жить без меня?

Розовый румянец на фоне пожелтевшей кожи... наверное это выглядело потрясающе, особенно с покрасневшими глазами. Просто монстр из детских сказок.

— Не знаю. Действовала по инерции. Наверное, дар искрящей сработал.

— Врёшь.

Мне пришлось стиснуть зубы и мысленно посчитать от одного до десяти и обратно.

— Может и так, но какой смысл в этом разбираться?

— Смысл есть во всём. Селина сказала, что по целительству у тебя была тройка, которую тебе поставили больше из жалости, а не за твои навыки.

— Не всем дано быть целителями. И ты отлично знаешь, что мои увлечения были иного характера.

Я покраснела еще сильнее, на этот раз от смеси злости и смущения.

— Получается, что ты сознательно пошла на такой риск, попыталась спасти меня страшной ценой... И дело ведь не в долге, Айола.

— Что ты хочешь услышать от меня, Элкиз? — устало спросила я. Препираться с мужем совсем не хотелось.

— Правду.

— И в чем же, по-твоему, состоит эта правда? Ты решил, что я так сильно в тебя влюбилась, что потеряла голову, забыла обо всём, рисковала собственной жизнью и всё это для того, чтобы спасти тебя?

— У тебя есть другие объяснения?

Невозмутимый, педантичный, хладнокровный и циничный. Ох, как же сильно он меня сейчас раздражал. Но я тоже умела задавать сложные вопросы.

— Ты ведь приходил ко мне? Четыре дня назад. Ты приходил ко мне.

— Да, приходил, — не стал отрицать Леонард.

У него даже взгляд не поменялся. Всё такой же спокойный и ясный.

— Я помню. Смутно, расплывчато, но помню. Это правда? То, что ты мне говорил?

— А ты разве почувствовала ложь?

— Нет.

— Правда ли, что ты самая главная опасность моему спокойствию? Что с самого первого дня провоцировала, доводила и выводила меня из равновесия? Что я не знаю как, но хочу измениться? Что хочу любить тебя?

Я тяжело сглотнула и кивнула, не в силах произнести ни слова.

— Правда...

Вот так легко и просто? Я четыре дня мучилась, ждала объяснений, а тут вот так легко и буднично всё произошло. И как теперь на это реагировать? Кажется, я сама себя загнала в угол.

Но ответ нашёлся сам собой и сорвался с губ:

— Я тоже хочу попробовать полюбить тебя.

То, что до любви осталось совсем чуть-чуть, что чувства уже живут в сердце, я говорить мужу не стала. Пусть немного помучается.

И мы попробовали.

Через неделю нам разрешили вернуться домой. Опасность миновала и можно было жить обычной жизнью. Но Леонарду этого показалось мало и прямо из Академии мы направились в домик на Карловом взгорье*, полученный от короля вдобавок к титулу и прочим регалиям.

— Отдохнём, наберёмся сил, — сообщил мне Леонард.

— А как же твоя работа?

— В Бездну всё. У меня есть более важная причина.

— Ранение? — догадалась я.

— Почти, — усмехнулся он в ответ. — Медовый месяц. У нас ведь его не было. Отдохнём, искупаемся в целебных источниках. К тому времени возможно успеют закончить ремонт в нашем особняке.

— Если ты так этого хочешь.

— Хочу.

Госпоже Позир я отправила письмо, в котором весьма категорически сообщила, что выбранные ею образцы меня не устраивают, описала, чего хочу получить в итоге, и предупредила, что если именитого дизайнера это не устроит, то я найду другого менее популярного, но более сговорчивого.

Госпожа Позир всё поняла и больше навязывать свой аристократический вкус не пыталась.

Но до мира и спокойствия в нашей семье всё ещё было так далеко.

Признаюсь честно, что раньше до покушения всё было намного легче и проще. Никаких чувств и лишних эмоций, мыслей и осторожности. А еще одна спальня на двоих.

Сейчас спальни были отдельными.

Не знаю, что лекари из академии сказали моему мужу, но теперь Леонард относился ко мне как хрустальной. Кормил вкусностями и поил полезностями. Следил, что бы я отдыхала и не читала ничего тяжелее юмористических рассказов, которые публиковались в местном журнале. Хотя юмористическими их можно было назвать с большой натяжкой. Скучно, пресно и неинтересно, как и моя нынешняя жизнь. Потому что вдобавок ко всему, Торнтон отказался исполнять супружеские обязанности.

Нет, я не его не спрашивала, но две спальни и целомудренные поцелуи по вечерам, когда он сопровождал меня к комнате, говорили о многом.

Я понимала, что чуть не умерла. Мы оба едва не погибли. Но нас выпустили, сказали, что мы здоровы и восстановили свои силы. Я даже перестала быть похожа на призрак, на щеках заиграл румянец, кожа приобрела молочный оттенок, глаза засияли.

И что? Да ничего. Я даже была вынуждена заказать у местной портнихи переделку двух платьев, прося её увеличить вырез до самого неприличного. А еще достала со дна сундука (Селина постаралась) две полупрозрачные сорочки. Оставалось только заманить мужа в свою комнату, вот только он не заманивался. Совсем. Видимо у меня не получалось кокетничать, флиртовать и посылать специальные взгляды. Я даже вспомнила уроки флирта с помощью веера, обмахивалась им как полоумная целый вечер. А результата нет.

Городок был небольшим и все достопримечательности сводились к источникам, которыми был богат этот край. Разговоры сводились к обсуждению таких насыщенных тем, как: у кого красивее оформлена купальня, у кого плитка красивее и дороже, чей фонтанчик мощнее, а вода целебнее и вкуснее.

О произошедшем в столице знали все. И даже спустя столько времени не перестали обсуждать. В лицо мне мило улыбались, а стоило отвернуться, как все тут же принимались возбужденно перешептываться и переговариваться.

Поэтому количество выходов из дома пришлось сократить в два раза. Оставаться в особняке, в четырёх стенах и медленно сходить с ума. Гулять нельзя, магией заниматься нельзя и к мужу подходить тоже.

Вот как в таких условиях не начать медленно звереть и раздражаться? Наверное, именно так чувствует себя закипающий чайник — еще немного и взлетит.

— Как ты себя чувствуешь? — намазывая джем на хрустящий тост, поинтересовался он.

— Отлично, — сообщила ему, размазывая кашу по тарелке.

Так хорошо, что даже тошно.

— Почему не ешь?

— Не хочется.

— Очень полезно, — вгрызаясь в тост, сообщил мне супруг.

— Не сомневаюсь.

— Ты чем-то недовольна?

А чем тут можно быть не довольной? Всё так идеально, что и придраться не к чему.

— Когда мы вернёмся? — спросила я, перестав издеваться над едой и потянулась к стакану с прохладным соком.

— Мы тут всего пять дней. Куда спешить? Или тебе здесь не нравится?

— Ну что ты. Тут красиво, спокойно, много свежего воздуха.

— Тогда в чем проблема?

— Мне скучно, — вздохнув, призналась ему.

— Никакой магии, артефактов и прочего. Тебе нельзя пользоваться своими способностями.

— Я бы даже если захотела, не смогла, — пробурчала в ответ. — Мне их запечатали.

— И правильно сделали, — отсалютовав мне своим стаканом, ответил Леонард. — Не будешь пытаться покончить с собой.

— А ты не давай мне повода. Леонард, я...

— Прости, у меня дела, — неожиданно заявил он, вставая, бросая салфетку на стол и удаляясь.

Оставив меня совершенно одну, хлопнуть глазами и смотреть ему вслед. Леонард что от меня бежит? Стоит только попытаться завести разговор о нас и будущем, как Торнтон тут же сбегал.

Только я была не в том настроении, чтобы позволить ему в очередной раз это сделать.

Супруг был обнаружен в малой гостиной. Мужчина стоял у окна, сложив руки за спиной. Он был так погружен в свои мысли, что вздрогнул, когда я хлопнула дверью, щёлкнув замком и спрятав ключ.

— Айола? Что ты делаешь? Я сейчас занят.

— Ворон считаешь или облака? — съязвила я, скрестив руки на груди.

А в ответ холодный блеск в глазах, который давно меня не трогал и не волновал. Я не боялась и готова была идти до конца.

— Открой дверь, Айола.

— И не подумай. Тебе не кажется, что так больше не может продолжаться?

Молчание и ожидание продолжения. Он словно давал мне выговориться.

— Поправь меня если я не права. Мы вроде бы договорили о том, что попытаемся жить иначе? Что возможны чувства и прочее, — голос от волнения сорвался, и я задержала дыхание, пытаюсь восстановить его. — А теперь я не понимаю.

— Не понимаешь чего?

— Что с тобой происходит? Ты отделился от меня.

— Разве? Вот же я рядом.

В трёх шагах, но так далеко.

— Не в этом дело. Физически ты рядом, но... Ты спрятался от меня в другой спальне!! — я буквально прокричала свой самый главный аргумент, тот самый, который не давал мне покоя столько времени.

— Твоё самочувствие...

— Вот не надо мне говорить о моём самочувствии! В бездну твои кашки, фрукты и прочие штуки. Я здорова, Леонард, здорова!

Крикнула и замерла, переводя дыхание.

— Тогда почему не пришла ко мне?

— Что?

— Почему не пришла и не рассказала, что тебя это тревожит?

— Я же показывала, веером там... платье, — рассеянно ответила я, моментально утратив остатки воинственности.

— Ты не умеешь флиртовать, — усмехнулся Торнтон, явно наслаждаясь моим замешательством.

— Опыта не было.

— И не надо, — вдруг произнёс Леонард, преодолевая разделяющее нас расстояние. — Я сам тебя научу.

Сильные руки крепко и надёжно обхватили талию, притягивая к нему еще ближе, пока наши тела не столкнулись.

Как же сильно я скучала по нему, славами не передать.

— Опять играешь со мной, Торнтон?

— Немного, — рука поднялась выше, лаская в мимолётной ласке щеку. — Боюсь, что ты исчезнешь.

— Куда я от тебя денусь.

— Никуда. Не отпущу.

— Я уже сомневаюсь.

— Не сомневайся. — Горячее дыхание опалило губы, но Леонард так и не коснулся их. — Я просто давал тебе шанс.

— Какой шанс?

Мне надоело просто стоять и замирать, ожидая его прикосновений. Сама протянула руку, касаясь щеки, проведя по светлым волосам, в которых неожиданно обнаружила белые пряди. Совсем немного у висков, они почти сливались с остальными волосами и лишь при ближайшем рассмотрении можно было заметить.

— Лео? — ахнула я. — Ты...

— Поседел? Немного. Старею. Скоро покроюсь морщинами и останусь без зубов.

— Ты не настолько старше меня. Будем стареть вместе.

Объятья стали крепче, так что у меня перехватило дыхание.

— Ох.

— Обещай, что так и будет.

— Что? — не поняла я, зачарованная огнём в обычно спокойных голубых глазах.

— Что мы будем вместе. До конца!

— Обещаю, — совершенно искренне ответила ему.

*Карловое взгорье — небольшой курортный городок на юге Ванагории, недалеко от границы с Нарговией, у источников, славящихся своими целебными свойствами. Курорт, где любит отдыхать аристократия и поправлять здоровье королевская чета. Большая часть городка принадлежит короне, и совершенно невозможно купить особняк или домик, лишь снять на короткий период времени за очень большую сумму.

Эпилог

Год спустя

Стоя у окна, лорд Леонард Торнтон граф Элкиз познакомился с Шарлоттой Линн Торнтон, своей новорождённой дочерью.

Его лицо, освещённое лучами восходящего солнца, было очень серьёзным и сосредоточенным. Лицо же малышки с моего места рассмотреть было невозможно, и оставалось лишь наблюдать за супругом.

Роды прошли на удивление легко и спокойно. Начавшись сразу после ужина, схватки завершились через девять часов рождением крохотной девочки, которую я полюбила всем сердцем, стоило лишь раз взглянуть в её сморщенное детское личико.

Чувствовала я себя более чем прекрасно. Мне казалось, что могу перевернуть весь мир, танцевать сутки напролёт. А сил хватало лишь на то, чтобы сидеть в окружении подушек и смотреть на двух самых дорогих для меня людей.

— Ты знаешь, вроде бы она похожа на меня, — закончив осмотр, сообщил Леонард и повернулся ко мне.

На его лице застыло какое-то странное, неописуемое и непередаваемое выражение, в котором сочеталось изумление, удивление и капелька сдержанного восторга.

Повитуха по секрету сообщила мне, что лорд Торнтон все эти часы провёл на ногах, идти спать отказался, несмотря на все советы Селины, которая с семьёй гостила у нас, и трепливо ждал новостей.

— Очень надеюсь, что только внешне.

— Она само совершенство.

С этим спорить не стала, сама думала так же.

— Самая красивая девочка на свете, — согласилась я.

Словно почувствовав, что говорят о ней, маленькая Шарлотта завозилась в его руках и закряхтела, заставив молодого отца тут же ринуться ко мне.

— Кажется, ей нужна мама.

— Она спит, — принимая крохотный свёрток, тихо рассмеялась я и провела пальцем по нежной щечке.

— Мне кажется, что я её уже люблю, — вдруг произнёс Леонард, присаживаясь рядом и недоверчиво покачивая головой, словно сам не верил в то, что говорил.

Мужу еще сложно было выражать свои чувства, но мы над этим работали. А теперь с появлением Шарлотты, думаю, дело пойдёт быстрее. Уверена, эта малышка еще будет вить верёвочки из своего отца.

— Повезло ей, — хмыкнула в ответ, покачивая дочку на руках. — Первая встреча, а ты уже признаёшься ей в любви. Мне пришлось ждать несколько лет.

— Всего полгода после свадьбы. Не преувеличивай, — поправил меня супруг, потом неожиданно улыбнулся. В последние месяцы он стал чаще улыбаться, и я каждый раз замирала, зачарованная мелкими морщинками вокруг искрящихся от смеха тающих льдинок голубых глаз. — Я люблю тебя, Айола. Ты сделала меня самым счастливым мужчиной.

— Это взаимно, — ответила я. — Ты сделал счастливой меня.

— И я еще не поблагодарил тебя за дочь.

Я вздохнула:

— Ты не разочарован? Тебе ведь нужен был наследник.

— Она красавица, — ответил он, переводя взгляд на личико дочери. — Но раз ты сама завела этот разговор, то не расслабляйся, — шутливо продолжил Леонард. — Нам обязательно нужен наследник.

— А лучше два, — вставила я, напоминая мужчине о нашем соглашении, которое мы заключили год назад.

— Тогда нужна еще одна девочка, — в тон мне ответил Лео. — Чтобы был полный комплект и для ровного счета.

— О нет, — ужаснулась я предстоящим перспективам. — А как же моя работа?

За последние месяцы талантливый молодой артефактор Сайлос Фрост прочно завоевал себе славу не только в родном Изгаре, но и в двух соседних государствах. Заказов он пока брал немного, выбирая самые интересные и непредсказуемые. Но об одном выполненном проекте никто до сих пор не знал.

Тайную комнату для мужа я всё-таки создала, и специальный ключ переместитель тоже. Стоило его вставить в любую замочную скважину, нажать на камень, который считывал ауру хозяина, открыть дверь и перенестись в тайную комнату. Вернуться можно было так же легко, ключ запоминал последнее место перехода и возвращал владельца обратно. Сложная работа была, но жутко интересная.

Сейчас с появлением Шарлотты деятельность Фроста придётся отложить на неопределённое время. От кормилицы я категорически отказалась, но на няню согласилась. И это благодаря Селине.

Посмотрев, как лучшая подруга с трудом справляется с маленьким Дэни, я решила поучиться на её ошибках и попытаться не совершать своих.

— Подождёт твоя работа, — отозвался Леонард. — Сейчас самое главное — это наша дочь. А будешь вредничать, сдам тебя отцу. Он-то точно объяснит, чем должна заниматься молодая мать.

— Так нечестно, — в притворном ужасе произнесла я.

Папа прибыл к нам в гости осенью, как раз через неделю после того, как мы въехали в новый отремонтированный особняк для того, чтобы познакомиться с зятем и немного погостить. Он собирался вернуться в Изгар через неделю, пока перевал не закрыли из-за риска схода лавин.

Передо мной встала задача оставить его здесь. Отец был уже не в том возрасте, чтобы одному жить на севере и заниматься скотом. Проблема в том, что он думал иначе и совершенно не хотел слушать доводы, которые я ему приводила.

— Придумала, — сообщила я мужу поздно вечером, когда мы готовились ко сну. — Я поняла, как оставить папу в Ванатории!

— И как же? — лениво уточнил Лео, развалившись на кровати.

— Я скажу ему, что беременна!

Муж аж поперхнулся, сел, впиваясь в меня пристальным взглядом.

— Ты беременна? — хриплым шёпотом спросил он.

— Что? Ах, нет, — отмахнулась я, кладя расчёску на столик, и подошла к кровати, присаживаясь на краешек. — Но ты представь, какой это стимул остаться.

— Но рано или поздно правда откроется. Ты не сможешь притворяться долго.

— Придумаю что-нибудь. Скажу, что ошиблась. Главное, что он останется, перевал закроют до весны. И потом папа привыкнет.

— А ты не пробовала с ним просто поговорить?

— Пробовала, — с досадой ответила я. — Он меня не слышит. А я боюсь отпускать его. Он же там совсем один.

— Разве он не был один, пока ты училась в Академии?

— Ты мне совсем не помогаешь, — возмутилась я, слегка толкнув его в плечо. — Он был моложе, и выбора не было. А сейчас я вроде как графиня... Или эгоистка?

— Нет, ты просто очень любишь своего отца, — притягивая меня к себе, ответил муж. — Это не эгоизм.

Папу мне всё-таки удалось уговорить.

Но кто же знал, что я на самом деле нахожусь в положении? И буквально через пару дней мне пришлось идти сдаваться супругу.

— Леонард. — Я вошла в кабинет и сначала встала у дверей, потом помялась, быстро прошла вглубь и села в кресло напротив мужа. — Ты занят?

— Для тебя всегда свободен, — ответил тот, откладывая в сторону бумаги. — Как твой отец?

— Хорошо. Переживает, конечно. Ему тяжело привыкнуть к тому, что работать день и ночь уже не надо. Он привык к такому графику и не умеет отдыхать.

— Совсем как ты. Я предложил ему заняться нашим поместьем. Поговорить с управляющим, проверить расходные книги.

— У нас есть поместье? — рассеянно отозвалась я, барабаня ноготками по столешнице.

— У нас много чего есть, — ответил Леонард, вставая, обходя стол и присаживаясь на его краешек, ловя мою руку. — Ну и что тебя тревожит на этот раз?

— Я настолько предсказуема?

— Я просто слишком хорошо тебя знаю. Итак?

— У нас будет ребёнок, — выдохнула я.

— Отлично, — совершенно спокойно отозвался муж и добавил: — У тебя хорошо получается, я почти поверил. Но какой смысл тренироваться, если твой отец уже поверил и согласился остаться?

— Я не для отца, а для тебя стараюсь.

— А мне это зачем?

— Ну как? — нервно хихикнула я. — Ты же должен знать.

Кажется, я совсем запутала своего мужа.

— Я не против присутствия твоего отца.

— А ребёнка?

— Какого ребёнка? — нахмурился Леонард, потеряв нить разговора.

— Нашего, — ответила ему, наблюдая, как информация стала до него доходить. Медленно, но неотвратно.

Сглотнул, пошатнулся, едва не падая со стола, нахмурился, будто не поверил, и хрипло прошептал:

— Айола, ты... — Взгляд упал на мой живот. — Ты что?...

Впервые Торнтон не находил слов.

— Да, — накрыв ладонью живот, призналась ему. — И на этот раз всё совершенно точно. Осталось лишь подождать — месяцев восемь, я думаю.

— Айола! — рыкнул мужчина, вытаскивая меня из кресла, обнимая и прижимая к себе.

С этих спор меня начали дружно откармливать, беречь и лелеять. Разве возможно устоять от потрясающих пирожных, которые так виртуозно готовил Франк. Его, экономку и пару слуг мы переманили из дома родителей Леонарда.

Чету Торнтонов я больше не видела. Ходили слухи, что у них возникли какие-то финансовые проблемы, и свекровь практически перестала бывать на светских приёмах, пропадая в своём особняке. Говорили, что ей даже пришлось заложить часть своих драгоценностей, чтобы оплатить счета. Но это только слухи. Леонарда я не спрашивала, а он сделал всё, чтобы уберечь меня от встречи с ними.

Жизнь медленно текла своим чередом.

Я научилась ходить на балы, званые вечера и небольшие посиделки за чаем по утрам. Даже завела себе парочку подруг, с которыми мы гуляли по парку или сидели в кафетерии. Смогла привыкнуть к деньгам своего мужа и тому, что могу их тратить на собственные нужды. Что шляпку можно купить просто так, если она очень сильно понравилась.

Эйдан был на полгода отправлен в лучшую реабилитационную клинику, которая находилась во Фрее. После курса реабилитации он отказался возвращаться в Ванаторию и предпочел остаться там. Во Фрее смеси были строго запрещены и достать их было гораздо сложнее, значит, и соблазна было меньше. Ходили слухи, что он решил жениться на молоденькой медсестре, которая выхаживала его и была рядом все эти месяцы. К большому недовольству своей матушки. Но мне кажется, Эйдану было всё равно. Он нашел своё счастье и теперь не отпустит.

Мергери после произошедшего перестала гоняться за богатыми мужчинами из высшего света, вернулась на родину, где вышла замуж за соседа, соединив земли отца с его и тем самым став женой одного из самых богатых землевладельцев округа. Думаю, это неплохой титул для того, чтобы потешить её самолюбие.

А еще месяц назад я видела Ивара.

Да, признаю, что это была далеко не самая лучшая моя идея, но удержаться не смогла. Конечно, предварительно мне пришлось сообщить о своих планах супругу, выдержать все его возражения (очень конструктивные и аргументированные), настоять на своём и получить Леонарда в свои сопровождающие. И это на последних месяцах беременности. Точно сумасшествие. Но беременные все со странностями.

— Одну я тебя всё равно не отпущу, — заявил он. — Особенно на встречу с этим охотником.

Другого я не ожидала. Если честно, я была рада, что муж пойдёт со мной.

— Айола?

Ивар почти не изменился за этот год. Разве что черты лица стали чуть резче, а лицо потемнело от солнца и ветра.

— Торнтон? — глухо поприветствовала он Леонарда, который стоял за моей спиной, приобнимая.

— Здравствуй, Ивар.

Его взгляд скользнул по мне, задержавшись на большом животе.

— Ты хорошо выглядишь.

— Спасибо, — с трудом смогла улыбнуться я, чувствуя себя такой глупой и неловкой. — Как твои дела?

— Хорошо. Зиму перезимовали, товар вот привезли, — он показал на прилавок.

— Понятно. А где Флоренс? Я её что-то не вижу.

— Она осталась дома... с сыном.

— Поздравляю.

— Вас тоже можно будет скоро поздравить.

— Да. Спасибо. Была рада тебя видеть. Удачной торговли.

Последний раз улыбнувшись, я развернулась и поспешила на выход.

— Ну и зачем всё это было? — спросил Леонард, когда мы подошли к карете и супруг помог мне забраться внутрь.

— Попрощаться. Я должна была убедиться.

— В чём? — тут же напрягся муж.

— В том, что очень сильно тебя люблю. Кто бы мог подумать, что Элодия и моя пощечина могут так всё изменить. Не будь её, всё могло сложиться иначе.

— Сомневаюсь, — вдруг ответил Лео. — Я почти уверен, что не дал бы тебе выйти за него замуж. Находил бы самые разные поводы, придумывал отговорки, но всё равно расстроил твою свадьбу.

— Но зачем? Я же тебя раздражала.

— И интересовала. Единственная из всех. А с тех пор, как увидел тот портрет, уже не мог избавиться от мыслей о тебе.

— Какой портрет? — нахмурилась я.

— Его нарисовала Делайн. А я его нагло стащил.

Мечты моих кузин сбылись. Элодия вышла замуж за господина Шеридана, а Делайн поступила в художественную академию искусств. Обучение полностью оплатил Леонард.

— Стащил? Но зачем? — удивилась я, те, что я знала, были приличными и классическими.

— Дома покажу. Он у меня с собой.

Портрет муж мне действительно показал.

— Это что, я? — тихо ахнула, недоверчиво рассматривая лицо девушки с растрёпанными волосами, которые падали на обнажённые плечи, полные, чуть припухшие губы, затягивающие в омут глаза.

Хоть он и был выполнен обычным карандашом, но девушка на нём выглядела как живая — томная и такая расслабленная после любовных ласк.

— Это ты, — шепнул Лео, вставая за спиной и целуя меня в основание шеи. — Я лишь раз взглянул на него и потерял покой. Мне захотелось увидеть тебя такой. Снова и снова.

— Ох, Великие, но как? — произнесла и замолчала, прижимая пальцы к губам.

Я вспомнила, когда именно Делайн его нарисовала и при каких обстоятельствах.

— У неё, несомненно, талант, — произнёс Лео, обнимая меня и кладя руки на живот, малыш тут же отозвался, легко пнув отца в руку.

— Ты сдержал своё слово, Леонард, — тихо произнесла я, сжимая руку мужа, ловя его непонимающий взгляд. — Сделал меня самой счастливой в мире.

— А ты сделала даже больше, — ответил он. — Растопила ледяное сердце и научила любить. Маленькая дикарка с Севера.

— И высокомерный аристократ из Ванатории, — усмехнулась я.

— Невозможно.

— Нереально.

— Скандально.

— И просто глупо.

— Что б они еще понимали, — фыркнул Лео, наклоняясь к дочке и целуя её в лобик. — Добро пожаловать в новый мир, принцесса. Мы тебя любим.

— Очень-очень.

Через два года я всё-таки сдержала обещание и родила своему мужу долгожданного наследника. Но это уже совсем другая история.